

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 (29) 2020

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригес-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

2 (29) 2020

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkhipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Кутарев И. С., Кутарева Л. Г.</i>	
Значение промышленной кооперации как инструмента развития промышленного потенциала региона	6
<i>Мокеева Н. Н., Попова Д. С.</i>	
Современные аспекты финансового оздоровления российских кредитных организаций	11
Юриспруденция	21
<i>Алексеев С. С.</i>	
Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки	23
<i>Криеф-Семитко Е.</i>	
О состоянии права и правового государства в тени коронавируса	60
<i>Султанов А. Р.</i>	
Принципиальность и справедливость. Памяти Нины Исаевны Клейн	71
<i>Глушкова С. И., Палкина Н. В.</i>	
Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития	85
<i>Михайленко И. А.</i>	
Эксперимент по введению налога на профессиональный доход. Практика УрФО	98
Философия	105
<i>Лоскутов В. А.</i>	
Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья вторая)	106
<i>Фоминых Е. А.</i>	
Современность как «сейчас»: в защиту «простых» терминов	122
<i>Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В.</i>	
Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно	129
<i>Полякова А. С.</i>	
Принцип коллажирования как один из приемов создания танца постфолк	136
<i>Семенов И. А.</i>	
Каритативная философия в традиционных боевых искусствах Японии	142
Научные события	145
<i>Глушкова С. И.</i>	
Развитие образования в области прав человека: международные стандарты и национальный опыт (по итогам участия в Форуме в Туркменистане)	146
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	151

Contents

Economics	5
<i>Kutarev I. S., Kutareva L. G.</i>	
The Importance of Industrial Cooperation as a Tool for Developing the Industrial Potential of the Region	6
<i>Mokeeva N. N., Popova D. S.</i>	
Modern Aspects of Financial Recovery of the Russian Credit Institutions	11
 Law	21
<i>Alekseev S. S.</i>	
Democratic Reforms and the Constitution. Scientific-Op-ed Notes	23
<i>Kriyef-Semitko E.</i>	
On the State of Law and the Rule of Law in the Shadow of Coronavirus	60
<i>Sultanov A. R.</i>	
Adherence to Principles and Justice. To the Memory of Nina Isaievna Klein	71
<i>Glushkova S. I., Palkina N. V.</i>	
Public Control in Modern Russia: Main Directions and Problems of Development	85
<i>Mikhailenko I. A.</i>	
An Experiment in Introducing Professional Income Tax. The Practice of the Ural Federal District	98
 Philosophy	105
<i>Loskutov V. A.</i>	
Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Second Article)	106
<i>Fominykh E. A.</i>	
Contemporary Time as “Now”: in Defense of “Simple” Notions	122
<i>Lesevitsky A. V., Lyakhin E. V.</i>	
The Rebellion of Ivan Karamazov as a Manifestation of «Negative Dialectics» in a Comparative Juxtaposition of the Philosophy of G. Hegel and T. Adorno	129
<i>Polyakova A. S.</i>	
The Principle of Collage as One of the Techniques for Creating a Post-Folk Dance	136
<i>Semenov I. A.</i>	
Caritative Philosophy in Japan's Traditional Martial Arts	142
 Scientific Events	145
<i>Glushkova S. I.</i>	
The Development of Human Rights Education: International Standards and National Experience (In Follow-up of the Participation in the Forum in Turkmenistan)	146
 Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	151

|| ЭКОНОМИКА

Значение промышленной кооперации как инструмента развития промышленного потенциала региона

Статья посвящена рассмотрению промышленной кооперации региона как инструмента стратегического развития региональной экономики. Региональная промышленность является двигателем устойчивого экономического развития страны. В современных условиях экстенсивного развития региональной промышленности и финансовых и экономических санкций возникала проблема обязательного повышения интенсивного роста региональной промышленности. Государство решает эти проблемы через различные целевые программы. Инструментом реализации этих программ может быть развитие промышленной кооперации. Анализ существующих подходов позволил сформулировать понятие «промышленная кооперация», а также определить, что развитие кооперационных процессов в условиях новой индустриальной модели развития регионов требует новых форм и консорциумов промышленной кооперации.

Ключевые слова: промышленная кооперация; региональная экономика; экономическое развитие; формы промышленной кооперации.

Региональная промышленность является основным двигателем устойчивого экономического развития страны. Сочетание условий, в которых осуществляется производственная кооперация промышленными предприятиями региона или отрасли, является важнейшим фактором экономического развития.

Производственная кооперация видоизменяется в соответствии с уровнем технологического развития, сменой промышленных циклов и типом экономики. Экспертами отмечается, что в условиях экстенсивного развития промышленности в регионах и финансовых и экономических санкций возникала проблема обязательного повышения конкурентоспособности промышленной продукции и интенсивного роста, в первую очередь региональной промышленности.

Так, индекс промышленного производства Свердловской области в декабре, январе – декабре 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года составил 98,6 и 101,7 % [5, с. 4] и показывает снижение этого показателя, характеризующего изменение масштабов производства в сравниваемых периодах по полному кругу предприятий в текущих ценах (рис. 1).

Промышленная кооперация является одним из инструментов решения этой проблемы.

В связи с этим *целью* данной работы является исследование значения производственной кооперации как инструмента развития промышленного потенциала региона.

* **Игорь Сергеевич Кутарев**, магистр 2-го курса, Школа экономики и менеджмента ИнЭУ УрФУ, кафедра экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: kutarevigor@gmail.com

** **Людмила Геннадьевна Кутарева**, канд. экон., наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kutarevaluda@mail.ru

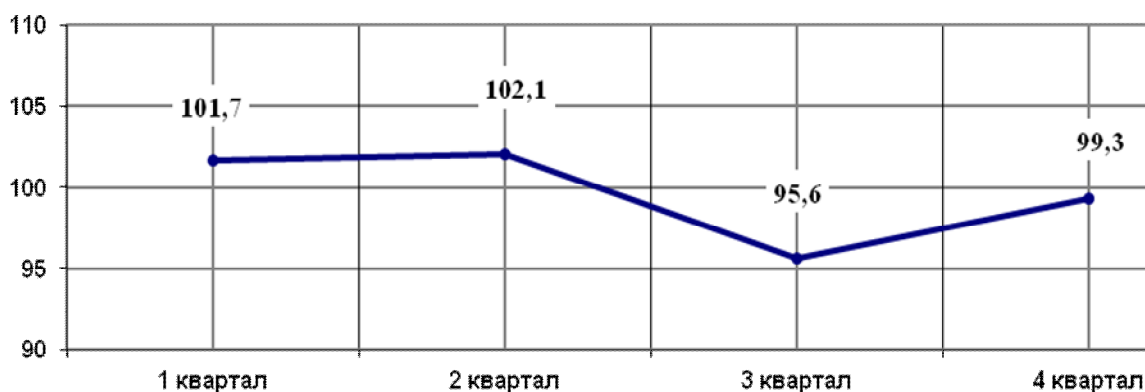

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства по кварталам 2019 г.
(в % к соответствующему кварталу предыдущего года) [5, с. 4]

Сущность и понятие промышленной кооперации

Промышленная кооперация – это экономические отношения между предприятиями, базирующиеся на долговременной общности интересов в форме организации согласованного и (или) совместного производства на основе распределения программ выпуска продукции, единства коммерческих условий сотрудничества с целью экономии затрат, усовершенствования производства, повышения производительности труда, качества производимой продукции и эффективности производства. Такое определение нами трактуется на основе анализа существующих в экономике терминов, применяемых к понятию «промышленная кооперация».

Под кооперационными связями понимается наличие и развитость процессов перетекания тех или иных видов ресурсов (финансовых, материальных, кадровых, интеллектуальных и пр.) между субъектами малого бизнеса и крупными предприятиями. Эксперты, на примере мониторингового обследования инновационно-активных промышленных предприятий, определили, что абсолютное большинство (98,5 %) российских инновационных предприятий обрабатывающей промышленности сотрудничает с внешними организациями, но эти взаимодействия носят нерегулярный характер [1, с. 1]. Опубликованные исследования показали, что самой распространенной формой кооперации является сотрудничество внутри цепочки поставок, прежде всего с непосредственными потребителями продукции (78 %) и поставщиками сырья, материалов и комплектующих (74,3 %) [1, с. 1]. Это является простой вертикальной моделью кооперации, где промышленное предприятие взаимодействует только с потребителями, поставщиками сырья и материалов, услуг. По мнению исследователей, относительно высокая доля предприятий – участников жесткой вертикальной кооперации свидетельствует о нежелании бизнеса включать в процесс производства сторонние организации. Уровень кооперационных связей промышленных компаний на региональных рынках в процессе осуществления инновационной деятельности оказался в основном с участниками цепочки поставок и составляет от 43 до 52,2 % [1, с. 3]. Такие выводы справедливы и для предприятий обрабатывающей промышленности в целом. При этом в промышленно развитых странах доля кооперации в себестоимости машиностроения составляет около 75 % [6, с. 70].

Предпосылки развития промышленной кооперации

Для развития промышленной кооперации необходимы ускоряющееся технологическое развитие и формирование новой индустриальной модели развития регионов.

Новая индустриальная модель подразумевает создание условий для повышения гибкости производственных процессов через формирование большого количества специализированных промышленных предприятий и установление кооперационных связей, оптимальный выбор технологических решений, упрощение доступа на рынок. В частности, в документах Государственного Совета «О развитии промышленного потенциала регионов Российской Федерации (01.02.2018)» [4, с. 116] говорится о необходимости

- разработать и внедрить Стандарт региональной промышленной политики в субъектах Российской Федерации;
- разработать и реализовать комплекс мер, направленных на формирование и обеспечение деятельности фонда акционерного финансирования и трансфера технологий;
- разработать, в том числе на базе ГИС «Промышленность», цифровую платформу для кооперации и субконтрактации промышленных предприятий с возможностью построения технологических цепочек и реализацией функциональности торговой площадки;
- создать качественный кадровый ресурс для запуска новых и обеспечения действующих производств.

Внедрение передовых производственных технологий на современном этапе тоже потребует развития кооперационных процессов. Потому что под «передовыми производственными технологиями» понимают комплекс процессов проектирования и изготовления на современном технологическом уровне кастомизированных (индивидуализированных) изделий на основе цифрового моделирования и проектирования, новых материалов и аддитивных технологий. С последующим добавлением к этой цепочке новых технологических элементов: робототехники, сенсорики, предиктивной аналитики на основе «больших данных», «индустриального Интернета» и иных технологий, сокращающих использование основного производственного персонала и приближающих себестоимость выпуска мелкосерийной продукции к затратам на серийное и массовое производство [4, с. 116]. Без развития различных современных форм кооперации эти задачи невыполнимы. Возникает необходимость создания интегрированных структур нового поколения.

Кроме того, сегодня технологическое развитие региональной промышленности рассматривается как фактор конкурентоспособности, а также инвестиционной привлекательности экономики региона. То есть промышленная кооперация становится стратегическим и определяющим фактором экономического развития регионов.

Для ее развития необходимы активные действия со стороны государственных органов власти и управления, направленные на разработку обновленной законодательной базы и системы мероприятий по повышению эффективности государственных инструментов для поддержки предприятий, участвующих в промышленной кооперации. Развитие региональной промышленности государством воплощается в государственной промышленной политике. Для разработки и реализации программы развития региональной промышленности может использоваться приводимый ниже алгоритм (рис. 2).

Выделяют следующие наиболее значимые инструменты развития региональной промышленности, имеющиеся в распоряжении федеральной и региональной власти – это:

- промышленно-производственные кластеры;

- особые зоны промышленно-производственного типа;
- государственные целевые программы [2, с. 4156].

Рис. 2. Алгоритм-модель организационно-экономического механизма управления развитием региональной промышленности [2, с. 4155]

Разрабатываемые и конкретно реализуемые государственные целевые программы промышленного развития носят характер первоочередных. До текущего периода Свердловская область, в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт», реализует такие региональные проекты, как «Системные меры развития международной кооперации и экспорта в Свердловской области», «Промышленный экспорт в Свердловской области» и «Экспорт продукции агропромышленного комплекса в Свердловской области» [3]. Планируется, в частности, довести объем экспорта конкурентоспособной промышленной продукции до объема 10,5 млрд долларов США в 2024 году [3].

Инструментами реализации программ развития промышленности региона являются расширение форм промышленной кооперации региона, создание промышленных консорциумов, что подтверждается опытом развитых стран.

Заключение

Развитие кооперационных взаимосвязей, обусловленных новой индустриальной моделью развития регионов в Свердловской области, пока является нерешенной задачей.

Согласно экономической теории, выход из экстенсивного состояния промышленности видится в создании нового основного капитала, т. е. в обновлении производственных техник и технологий. Новая индустриальная модель экономики инициирует появление новых условий взаимодействия производственных предприятий. Например, только цифровые технологии дают новые возможности коо-

перации. Одна из задач кооперации – это формирование эффективных хозяйственных связей через создание рациональных цепочек, на основе максимально эффективного использования потенциала каждого из производств. Возникает необходимость создания новых форм выгодных долгосрочных взаимоотношений между промышленными предприятиями и прочими организациями, а также органами власти. Осуществить это невозможно без реального продвижения государственных целевых программ промышленного развития. Промышленная кооперация как инструмент развития промышленности должна помочь реализовать конкурентоспособную, инновационную, программную стратегию развития региона.

Литература

1. Власова В. В., Кузнецова Т. Е., Рудь В. А. Кооперационные стратегии в инновационной деятельности предприятий // ИСИЭЗ: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2016. – 26 октября. – URL: <https://issek.hse.ru/news/195422159.html> (дата обращения: 18.05.2020).
2. Донской Д. А. Инструменты развития региональной промышленности // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18, № 24. – С. 4151–4162. – DOI: 10.18334/gr.18.24.38686
3. Международная кооперация и экспорт // Информационный портал Свердловской области. – URL: <https://све.рф/%20национальные-проекты/международная-кооперация-и-экспорт> (дата обращения: 19.05.2020).
4. О развитии промышленного потенциала регионов Российской Федерации / Государственный совет Российской Федерации. – Ростов н/Д, 2018. – 226 с. – URL: <http://akitrf.ru/upload/iblock/3e5/3e5a661fb2c41e68ce45fdf2e03e725d.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).
5. Основные тенденции развития промышленности Свердловской области в январе-декабре 2019 года // Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <https://sverdl.gks.ru> (дата обращения: 21.05.2020).
6. Романова О. А., Макарова И. В. Кооперация как условие конкурентного развития региона // Современная конкуренция. – 2009. – № 3(15). – С. 67–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2294626> (дата обращения: 18.05.2020).

Igor Sergeevich Kutarev,

second-year Master's student, School of Economics and Management InEM UrFU,
Department of Economics and Management at Metallurgical and Engineering Enterprises,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Lyudmila Gennadevna Kutareva,

Candidate of Economic Sciences, Department of Management and Marketing,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Importance of Industrial Cooperation as a Tool for Developing the Industrial Potential of the Region

The article is devoted to the consideration of the industrial cooperation of the region as a tool for the strategic development of the regional economy. The regional industry is a mover of the sustainable economic development of the country. In today's conditions of the extensive development of the regional industry and financial and economic sanctions, there arose the problem of a mandatory increase in the intensive growth of the regional industry. The government solves these problems through various targeted programs. An instrument for implementing these programs may be the development of industrial cooperation. The analysis of existing approaches allowed us to formulate the concept of "industrial cooperation", and also to determine that the development of cooperation processes in the context of a new industrial model for the development of regions requires new forms and consortia of industrial cooperation.

Keywords: industrial cooperation; regional economy; economic development; forms of industrial cooperation.

Современные аспекты финансового оздоровления российских кредитных организаций

В статье рассмотрены два механизма финансового оздоровления кредитных организаций, реализуемые в банковской системе России на современном этапе. Дана характеристика особенностей нового механизма санации через Фонд консолидации банковского сектора на примере ПАО «ФК Открытие». Выявлены проблемы действующих механизмов санации и предложены примерные пути решения.

Ключевые слова: банкротство; санация; финансовое оздоровление; АСВ; УК ФКБС; Банк России.

На современном этапе можно констатировать тот факт, что большой проблемой для любой банковской системы является несовершенство процедуры банкротства банков. Для предупреждения банкротства банков в РФ существует механизм финансового оздоровления. До 2017 года применялся механизм санации при участии Агентства по страхованию вкладов (далее АСВ) [1] (рис. 1).

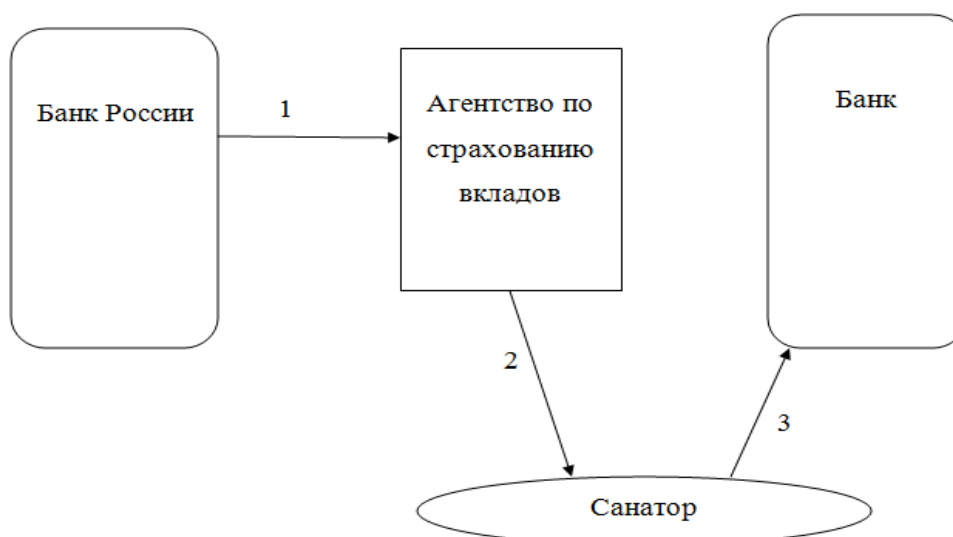

Рис. 1. Механизм санации через АСВ¹

1 – решение Банка России о начале процедуры санации;

2 – АСВ находит инвестора и выдает ему кредит;

3 – санатор покупает банк и улучшает его показатели деятельности.

Главная проблема данного механизма заключается в том, что он достаточно длителен и может занимать 10–15 лет. Среди других проблем описанного механизма можно выделить следующие:

1) в РФ происходит постепенное снижение уровня инфляции и процентных ставок на рынке. А следовательно, чтобы закрыть отрицательные чистые активы

* Наталья Николаевна Мокеева, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург).

E-mail: natmokeeva@yandex.ru

** Дарья Сергеевна Попова, студентка 4-го курса бакалавриата факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: dash.poro2012@yandex.ru

¹ Составлено авторами на основании: [5].

суммой 10 млрд руб., например, нужно будет выдать кредит на сумму не 10–15 млрд руб. на десять лет, как при прежних ставках, а на сумму 20 млрд руб. и более. Выходом из такой ситуации будет переход на систему докапитализации банков;

2) нерациональное расходование льготных кредитов, выданных Банком России через АСВ инвесторам для санационных проектов;

3) тяжелая нагрузка на санаторов, которые не всегда удачно справляются с данной задачей и сами попадают в сложное финансовое положение;

4) банк, которому выдан льготный кредит, на протяжении 10 лет может нарушать требования Банка России и не иметь никаких последствий. То есть он недокапитализирован и продолжает работать с клиентами, тем самым создавая неконкурентную среду.

Проблемой также являются большие затраты на санацию. Так, например, «остаток задолженности АСВ перед Банком России по действующим проектам санации составляет 1 067,8 млрд рублей» [13]. К самым дорогим проектам санации можно отнести санацию Банка Москвы (295 млрд рублей), банка «Траст» (127 млрд рублей), Мособлбанка (117 млрд рублей) и банка «Уралсиб» (88 млрд рублей) [13].

В 2017 Банк России внедрил новый механизм санации, согласно которому санация будет проходить через специально созданный новый институт – управляющую компанию фонда консолидации банковского сектора (УК ФКБС) [15] (рис. 2).

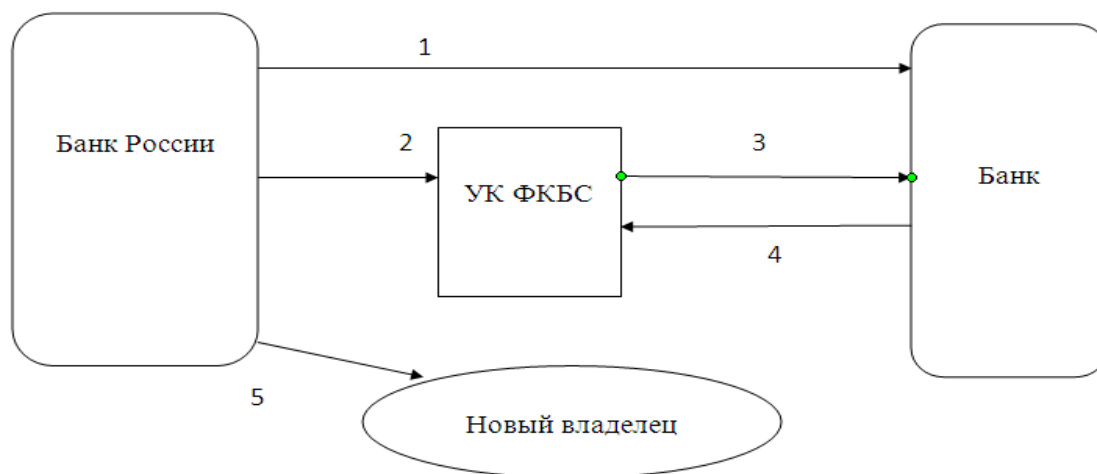

Рис. 2. Механизм санации через ФКБС²

1 – решение Банка России о начале процедуры санации;

2 – выделение средств в ФКБС;

3 – выкуп прав требований, акций (долей), имущества, кредиты, депозиты;

4 – передача прав требований, акций (долей), имущества, кредиты, депозиты;

5 – по итогам санации акции (доли), имущество могут быть проданы на открытом аукционе.

Фонд консолидации банковского сектора (далее ФКБС) создан 2 мая 2017 года в рамках закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Фонд не является юридическим лицом и всецело принадлежит Банку России. Санация банков по данному механизму будет проходить под прямым руководством Банка России через ФКБС. Следить за работой фонда будет специальная управляющая компания (УК), которая является обособленным подразделением Банка России. Через ФКБС Банк России может:

1) приобретать акции (доли) saniруемых банков;

² Составлено авторами на основании: [5].

- 2) предоставлять saniруемым банкам субординированные кредиты, иные кредиты, размещать депозиты, предоставлять гарантии;
- 3) приобретать имущества (имущественные права) saniруемых банков;
- 4) оказывать финансовую помощь saniруемым банкам и инвесторам в рамках процедур санации, осуществляемых с участием УК Фонда.

Банком России после проведения санации могут быть выставлены на открытый аукцион акции (доли), имущество банка. «На фонд распространяются действия законов: ФЗ “Об инвестиционных фондах” и ФЗ “О рынке ценных бумаг”, включая требования о наличии лицензий управляющей компании, доверительного управляющего, дилера, требования к корпоративному управлению, контролю и надзору со стороны Банка России, раскрытию информации»³.

Функциями ФКБС являются:

- анализ финансового положения банка, выполнение функций временной администрации;
- принятие мер по докапитализации saniруемого банка;
- доверительное управление приобретенными Банком России в рамках санации акциями, иным имуществом, правами требования;
- участие в реализации долгового механизма санации по аналогии с действующим порядком участия АСВ в осуществлении санации.

Тогда процедура санации принимает следующий вид.

На первом этапе вводится временная администрация. Она оценивает текущее состояние банка, размер докапитализации и ее проведение. По итогам утверждается план участия Банка России в действиях по предупреждению банкротства банка. Наиболее специфичным средством проведения санации является временная администрация. При этом прежнее руководство отстраняется или ограничивается в полномочиях. Временную администрацию назначает Банк России, если прежнее руководство не справляется с выводом банка из кризиса. Временная администрация действует в соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) № 127-ФЗ» [9].

Главными задачами временной администрации являются сохранение или восстановление платежеспособности кредитной организации и создание работоспособного управленческого механизма, устранение выявленных нарушений и осуществление других мер по финансовому оздоровлению кредитной организации. Руководителем временной администрации назначается служащий Банка России. Временная администрация отчитывается перед Банком России в порядке, установленном нормативными актами Банка России. Банк России принимает решение о прекращении деятельности временной администрации: в случае устранения причин, послуживших основанием для ее назначения; после вынесения арбитражным судом решения о признании кредитной организации банкротом и об открытии конкурсного производства (утверждения конкурсного управляющего) или вступления в силу решения арбитражного суда о назначении ликвидатора.

На втором этапе собственники и руководство банка лишаются полномочий до завершения работы временной администрации, после чего 75 % (или более) акций перейдут под контроль Банка России. В конце второго этапа принимается решение о формировании новых органов управления банком. Сумма средств на оздоровление выделяется из ФКБС по мере необходимости. Затем происходит передача банка новым владельцам. Теперь рассмотрим возможные проблемы нового механизма.

1. Отсутствие мотивации у временной администрации для эффективного проведения санации. Так, например, для руководства банка это бизнес, личный инте-

³ Составлено авторами на основании: [5].

рес. А для сотрудника государственных надзорных органов это возложенные на него должностные обязанности. Возможным решением этой проблемы могло бы стать неполное отстранение руководства банка от оздоровления банка. Отсюда вытекает еще одна проблема.

2. Недостаток кадров для развития saniруемого банка. Безусловно, формируется опытная временная администрация, но в ее задачи не входит развитие бизнеса. Конечно, в примере с ПАО «ФК Открытие» был приглашен для управления М. М. Задорнов⁴, экономист с большим опытом управления банком, но обеспечить таким управляющим все saniруемые банки невозможно. Хорошим решением могло бы стать создание реестра потенциальных управляющих для saniруемых банков, состоящего из действующих или бывших топ-менеджеров с хорошей репутацией.

3. Нерегулируемая продажа акций (долей) банка на открытом аукционе после санации, что может привести к монополизации банковского сектора, если акции (доли) окажутся в руках одного крупного инвестора, который владеет еще каким-либо банком, иногда и не одним. Возможным решением может стать привлечение к аукциону антимонопольной службы, которая проконтролировала бы процесс продажи. А также продажа мелких пакетов акций всем желающим, например институциональным инвесторам (пенсионные фонды), однако отсутствие контролирующего собственника несет для крупного банка дополнительный риск.

4. Долгий возврат вложенных Банком России в проблемный банк средств или вовсе их невозврат. «В 2018 году велась работа по взысканию в судебном порядке убытков, причиненных действиями (бездействием) лиц, контролировавших кредитную организацию до начала осуществления мер по предупреждению банкротства банков. При этом в рамках данной работы был применен порядок определения убытков, причиненных виновными действиями (бездействием) контролирующей кредитную организацию лиц, которые могут быть взысканы Банком России с контролирующих лиц в судебном порядке, установленном Федеральным законом от 23.04.2018 № 87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Это позволит компенсировать расходы Банка России на проведение финансового оздоровления кредитных организаций, а также повысить ответственность контролирующих банк лиц за принимаемые ими решения» [16а]. Такая работа ведется каждый год.

5. Еще одной проблемой процедуры санации является отсутствие четкой концепции использования процедуры санации. Не совсем понятно: saniруют только крупные и системно значимые, или средние тоже? Возможным решением могла бы стать разработка четко сформулированной концепции функционирования УК ФКБС. При этом следует конкретизировать цели, задачи и определить алгоритм оценки целесообразности saniрования банка. Из положительных сторон нового механизма можно отметить исключение зависимости saniруемого банка от финансового состояния банка-инвестора. А также исключение возможности возникновения проблем у банка-санатора в связи с проводимой санацией. Сокращение расходов Банка России на санацию. Более эффективный механизм контроля за средствами, выделенными на докапитализацию банка. Уменьшение срока санации и, соответственно, ускорение вхождения банка в его нормальный ритм работы.

⁴ Российский экономист и государственный деятель, с июля 2005 г. – президент-председатель правления банка «ВТБ 24». С 2010 г. – председатель Совета директоров ООО СК «ВТБ Страхование». С 2011 г. – председатель Совета директоров ОАО «ТрансКредитБанк». С 2015 г. – член Совета директоров ОАО «Банк Москвы». С 2016 г. – член наблюдательного совета ПАО «Почта Банк». С декабря 2016-го по май 2017 г. – член правления банка ВТБ. С января 2018 года – председатель правления банка «ФК Открытие». Источник: [3].

Новый механизм впервые применялся по отношению к банку ПАО «ФК Открытие» с августа 2017-го по июль 2019 года. «ПАО «ФК Открытие» занимает 6-е место по капиталу, 7-е место по активам в РФ и 5-е место по размеру сети (244 городов, 73 региона) [7], т. е. является системно значимым банком. Обеспечивает рабочие места 22 000 сотрудников и имеет 5 700 банкоматов и терминалов [11]. «По состоянию на август 2017 года основным акционером банка напрямую или косвенно являлся “Открытие холдинг” (совладельцы – группа “ИФД”, Банк ВТБ, группа “Ист”, НПФ “Лукойл-гарант” и др.) [2]. Остальные акции находились в свободном обращении» [2]. «На данный момент 99,99999999999998 % акций принадлежат Банку России и только 0,0000000000000002 % принадлежат акционерам-миноритариям» [11]. Финансовые проблемы банка начались, когда Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА) присвоило банку «Открытие» рейтинг ВВВ – по национальной шкале (табл. 1).

Таблица 1⁵**Изменение рейтинга ПАО «ФК Открытие»:**

Рейтинговое агентство	03.07.2017	30.05.18	28.05.2019
АКРА	ВВВ-	A+	АА-

«Это было обосновано слабым качеством активов и негативным влиянием головной компании. Это означало, что банк больше не сможет привлекать средства федерального бюджета и его свежеразработанные ценные бумаги не попадут в ломбардный список Банка России. А также на фоне отзыва лицензии у одного из крупных банков и разного рода слухов клиенты начали забирать из него средства, что соответственно привело к сильному сокращению ликвидности. Сложившаяся ситуация и стала толчком для запуска механизма санации» [15]. Санация началась 29 августа 2017 года.

Теперь кратко рассмотрим активы и пассивы банка, для того чтобы отследить изменение ситуации (табл. 2, 3):

Таблица 2⁶**Анализ структуры пассивов ПАО «ФК Открытие» (тыс.руб.)**

Показатель	01.07. 2017	01.07.2018	01.07. 2019	Темп роста (2019/2017), %
Средства клиентов, не являющихся кредитными организациями	1 547 624 733	758 366 210	472 050 314	30,5
Кредиты, депозиты и прочие средства Центрального банка Российской Федерации	5 023 266	111 408 306	6 933 279	138
средства кредитных организаций	584 535 853	62 645 441	83 173 579	14,2
Вклады физических лиц	585 557 351	452 650 302	901 576 008	153,9
Финансовые обязательства, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток	68 488 100	2 411 677	30 250 351	44,1
Выпущенные долговые обязательства	72 257 577	52 211 165	18 041 969	24,9
Налоговые обязательства	0	0	1 010 149	–
Прочие обязательства	22 537 010	15 886 365	675 768 040	2998,4
Всего обязательств	2 307 373 477	1 016 639 402	2 206 641 097	95,6
Всего источников собственных средств группы и малых акционеров (участников)	161 671 397	241 064 232	404 606 640	250,2
Итого пассивов	2 469 044 874	1 257 703 634	2 611 247 737	105,7

⁵ Составлено авторами на основании: [14].

⁶ Составлено авторами на основании: [16с; 16д].

Заметно увеличились вклады физических лиц, что является хорошим знаком, ведь перед санацией клиенты «за июль – август 2017 года вывели из банка порядка 528 млрд руб.» [2], а это значит, что возвращается доверие клиентов к банку.

Таблица 3⁷**Анализ структуры активов ПАО «ФК Открытие» (тыс. руб.)**

Показатель	01.07.2017	01.07.2018	01.07.2019	Темп роста, (2019/2017), %
Денежные средства и их эквиваленты	42 954 831	36 240 317	45 020 423	104,8
Средства в Центральном банке Российской Федерации	50 403 492	37 076 795	67 072 826	133
Обязательные резервы	13 834 215	6 865 477	11 663 531	84,3
Средства в кредитных организациях	11 119 385	3 935 452	45 916 971	412,9
Финансовые активы, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток	330 059 745	331 616 717	796 781 155	241,4
Кредиты (займы) юридическим лицам, не являющимся кредитными организациями, и физическим лицам	–	420 631 532	833 891 374	–
Кредиты (займы) кредитным организациям	–	137 298 634	365 849 682	–
Инвестиции в дочерние, зависимые и иные организации - участники банковской группы	43 199 240	51 383 678	18 281 822	42,3
Инвестиционное имущество	–	19 474 806	35 341 498	-
Активы и группы активов, предназначенные для продажи	692 976	1 572 510	8 420 792	1215
Всего активов	2 469 044 874	1 257 703 634	2 611 247 737	105,7

Виден рост активов на 1 июля 2019 года (на 142 202 863 тыс. руб.) по сравнению с 1 июлем 2017 года. Кредитный портфель в целом вырос до 1,1 трлн руб., т. е. почти на 50 %⁸. Особенностью санации банка по новому механизму стала передача «токсичных» [4] активов в банк непрофильных активов «Траст» [12]. Вследствие чего рентабельность активов «ФК Открытие» начала расти [2] (табл. 4).

Таблица 4⁹**Рентабельность активов ПАО «ФК Открытие» (в %)**

Показатель	01.07.2017	01.07.2018	01.07.2019
ROA	0,2	0,45	1,1

Показатель рентабельности активов имеет положительную тенденцию. Теперь рассмотрим доходы и расходы банка.

⁷ Составлено авторами на основании: [16е; 16д].

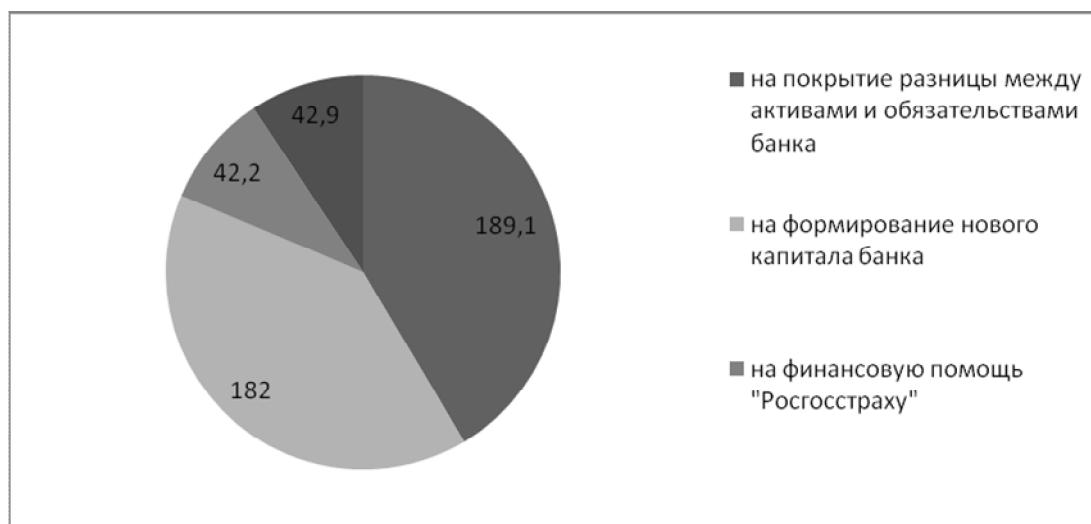
⁸ Рассчитано авторами.

⁹ Рассчитано авторами на основании: [16в; 16с].

Таблица 5¹⁰**Анализ доходов и расходов ПАО «ФК Открытие» (тыс. руб.)**

Показатель	01.07.2017	01.07.2018	01.07.2019	Темп роста (2019/2017), %
Всего доходов	1 244 148 742	1 154 917 394	532 605 468	42,8
Всего расходов	1 235 120 348	1 148 215 477	502 226 829	40,6

Таким образом, доходы в 2019 году по сравнению с 2017-м уменьшились на 57,2 %. А расходы за тот же период сократились на 59,4 %. Хотя в целом доход и уменьшился, но из-за передачи проблемных активов в банк непрофильных активов «Траст» доходы от операций с ценными бумагами выросли. Также выросли и доходы от предоставленных кредитов, вследствие роста кредитного портфеля банка, хотя и за 2018 год передано непрофильных кредитов в сумме 153,0 млрд рублей [4] в Банк непрофильных активов «Траст» [12]. Также банк был докапитализирован Банком России на сумму 456,2 млрд руб.¹¹ (рис. 3).

Докапитализация ПАО «ФК Открытие», млрд руб.Рис. 3. Докапитализация ПАО «ФК Открытие»¹²Таблица 6¹³**Анализ прибыли ПАО «ФК Открытие» (тыс. руб.)**

Показатель	01.07.2017	01.07.2018	01.07.2019	Темп роста (2019/2017), %
Прибыль до налогообложения	9 028 394	6 701 917	30 378 639	336,4
Прибыль после налогообложения	5 313 578	5 663 425	28 900 383	543,8

Как видно из таблицы 6, банк вышел из санации с прибылью 28,9 млрд руб., что больше результата за весь 2018 год.

Таким образом, даже из такого краткого анализа видно, что банк улучшил свои показатели и вышел из состояния, предшествующего банкротству. Данные анализа подтверждают, что новый механизм санации, безусловно, нужен банковской системе РФ. Он помогает развиваться банковской системе, а также уменьша-

¹⁰ Составлено авторами на основании: [16в; 16с].¹¹ Составлено авторами на основании: [16а].¹² Составлено авторами на основании: [16а].¹³ Составлено авторами на основании: [16в; 16с].

ет риски и шанс появления негативных ситуаций в стране. Решение Банка России взять процедуру оздоровления банков на себя через специально созданную организацию должно увеличить стабильность, позволить улучшить контроль за деятельностью и финансовым положением банков, а также даст возможность эффективно и оперативно решать проблемы банка. Насколько эффективно прошла санация, можно судить лишь по тому, насколько быстро вернутся вложенные в оздоровление средства, а не по тому, как быстро завершится санация. При новом механизме возврат вложенных средств будет возможен только путем продажи доли, которой владеет Банк России. Но, может быть, найдется еще какой-нибудь путь возврата средств.

Литература

1. Агентство по страхованию вкладов : сайт. – URL: <https://www.asv.org.ru>
2. Банк «Открытие». Досье // ТАСС : информационное агентство. – 29.08.2017. – URL: <https://tass.ru/info/4516613>
3. Задорнов, Михаил Михайлович // Wikipedia : сайт – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Задорнов,_Михаил_Михайлович
4. Литова Е. «Траст» уценил на 450 млрд руб. токсичные активы санируемых банков // РБК. – 01.04.2019. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/01/04/2019/5c9e24309a7947bfe2365fe5>
5. Новый механизм финансового оздоровления кредитных организаций. – URL: http://www.cbr.ru/Press/press_centre/events/2017-06-19.pdf
6. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/
7. О банке // ПАО «ФК Открытие» : официальный сайт. – URL: https://www.open.ru/about?from=main_footer
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.04.2018 № 87-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296463/
9. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
10. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/
11. ПАО «ФК Открытие» : официальный сайт. – URL: <https://www.open.ru>
12. ПАО Национальный банк «Траст» : официальный сайт. – URL: <https://www.trust.ru/>
13. Пономарева А. Казнить нельзя санировать. Российские банки будет спасать ЦБ либо никто // Banki.ru : финансовый портал. – 21.03.2017. – URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9618271>
14. Рейтинги эмитентов. ПАО Банк «ФК Открытие» // АКРА: аналитическое кредитное рейтинговое агентство. – URL: <https://www.acra-ratings.ru/ratings/issuers?q=%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D0%B8%D0%B5#search>
15. Управляющая компания фонда консолидации банковского сектора. – URL: <http://www.amfbc.ru/>
16. Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт:
 - a. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/72560/bsr_2018.pdf
 - b. URL: <http://www.cbr.ru/credit/102.asp?regnum=2209&when=0&dt=20170701>
 - c. URL: <http://www.cbr.ru/credit/102.asp?regnum=2209&when=0&dt=20190701>
 - d. URL: <http://www.cbr.ru/credit/main/coinfo/f802/?regnum=2209&dt=201709>
 - e. URL: <http://www.cbr.ru/credit/main/coinfo/f802/?regnum=2209&dt=201906>
17. Moody's : международное рейтинговое агентство. – URL: <https://www.moody.com>

Natalia Nikolaevna Mokeeva,

Candidate of Economic Sciences, Ass. Prof. of Finance,
Money Circulation and Credit Department,
Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Dariya Sergeevna Popova,

fourth-year Bachelor's student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Modern Aspects of Financial Recovery of the Russian Credit Institutions

The article considers two mechanisms to restore the financial health of credit institutions being realized at the current stage of Russia's banking system. The authors characterized a new mechanism of sanitation through the Fund of Banking Sector Consolidation by the example of Otkritie Bank. The authors also revealed the problems of the existing sanitation mechanisms and offered indicative ways of addressing them.

Keywords: bankruptcy; sanitation; financial recovery; ACB; Banking Sector Consolidation Fund (BSCF); the Bank of Russia.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Принятый Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» актуализировал проблему идей, оснований и содержания нашего конституционного текста. Научно-публицистические заметки одного из авторов ныне действующей Конституции посвящены необходимости ее принятия в результате начавшихся в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века демократических реформ, ее основным положениям и идеям, были опубликованы автором в 1992 году. В заметках анализируется представленный автором (совместно с А. А. Собчаком) альтернативный проект Конституции¹, обосновываются несущие конструкции и концепция данного документа. Эти заметки не вошли в собрание сочинений С. С. Алексеева в десяти томах² и сегодня стали библиографической редкостью. В условиях значительной трансформации нынешнего текста Конституции РФ обращение к данным заметкам представляется крайне необходимым и жизненно важным для развития нашего общества по демократическому пути.

Зам. главного редактора А. П. Семитко

¹ Проект Конституции Российской Федерации (С. С. Алексеев, А. А. Собчак) см.: Электронный музей конституционной истории России. – URL: <http://www.rusconstitution.ru/term/141/>

² Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Статут, 2010.

Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки

В заметках анализируется сущность советского социалистического режима и положение, в котором он, а точнее, государственное управление обществом оказалось в результате начавшейся в 1985 году перестройки – паралич, анархия, вакханалия произвола, беззакония в сфере государственной жизни. Развеивается миф о том, что госсобственность – это собственность якобы общенародная, анализируются роль частной собственности как естественного права человека, достоинства и коварство формулы «сильная власть», обсуждаются перспективы и необходимость последовательного демократического развития России для спасения страны от последствий социалистического тоталитаризма и риски прихода ему на смену нового уродца – вроде строя государственно-номенклатурного квазикапитализма. Говорится о необходимости реформ в России и анализируется авторский (совместно с А. А. Собчаком) проект Конституции, которая рассматривается как кредо общества, как средство ограждения людей от произвола власти и обеспечения прав и свобод человека. Конституция должна быть строго юридическим документом, рассчитанным на долгую перспективу – «на века» (и потому не могущая быть легко и часто изменяемой), содержащим правовые принципы и нормы, не имеющим каких-либо политико-партийных, мировоззренческих ориентаций. Она не должна также превращаться в инструкцию по текущим государственным делам. Проект Конституции закрепляет концепцию государства свободного саморегулирующегося общества, в основе которого – «суверенная личность – Гражданин. Три ее главных устоя («три кита») – это: человек, его достоинство, права и свободы; демократизм, действенность и вместе с тем умеренность власти – такая ее организация, чтобы она не смогла стать диктаторской силой; возвышение на максимально высокую ступень «третьей власти» – правосудия, сильного и независимого, способного противостоять произволу власти, стать надежной преградой на пути ее своеволия и без которого права человека – ничто, ноль, пустой звук. Среди прав и свобод человека как важнейшего института конституции подчеркивается особая роль политических и личных прав и свобод. Выражается надежда автора на то, что для создания свободного и демократического конституционного строя у истинных приверженцев демократии хватит сил, воли, мужества, ответственности.

Ключевые слова: реформы; конституция; проект; демократия; конституционный строй; саморегулирующееся общество; права и свободы человека; разделение властей: законодательная, исполнительная, судебная власти; федерализм; муниципальная власть; парламентская, президентская демократические республики; смешанная, сбалансированная государственная форма.

* **Сергей Сергеевич Алексеев** (1924–2013) – выдающийся советский и российский ученый-правовед, народный депутат СССР (1989), председатель Комитета конституционного надзора СССР (1989–1991), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1987), член-корреспондент РАН (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1977). Заслуженный деятель науки РСФСР. Первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года» (2009). Один из авторов ныне действующей Конституции РФ 1993 г.

Текст приводится по изданию: Алексеев С. С. Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки. – М., 1992. – 55 с.

Аннотация составлена А. П. Семитко, д-ром юрид. наук, ст. науч. сотрудником РАН, Почетным работником высшего профессионального образования РФ, деканом юридического ф-та, зав. кафедрой публичного права, профессором АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенным профессором университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-I (Франция).

- I. Тяжелые реалии
- II. Сильная власть и сила государства
- III. Направление демократических преобразований
- IV. Конституция: концепция, идеи, ценности
- V. Права человека и социальная деятельность государства
- VI. Демократическая организация государственной власти
- VII. Возвышение правосудия
- Несколько слов в заключение

Логика и ход осуществления демократических реформ в России привели к необходимости принятия российской Конституции.

Три основных обстоятельства предопределяют эту необходимость:

тяжелые реалии, ставшие на пути реформ;

потребность сильной и вместе с тем упорядоченной демократической власти для осуществления кардинальных реформ;

проблемы конституционного закрепления перспектив и направлений демократических преобразований.

Характеристике этих обстоятельств и вытекающему отсюда обоснованию концепции Конституции России, ее основных положений посвящены настоящие заметки.

I

ТЯЖЕЛЫЕ РЕАЛИИ

Трудный старт

Трудно, с перебоями идут демократические реформы в России. И – что особенно тревожно – идут они с потерями, без ощутимых результатов для измученных невзгодами людей, с нарастанием житейских бед. У многих людей теряется вера в успех демократических преобразований. И все это осложняет обстановку в стране, дает повод явным и скрытым противникам реформ утверждать, что наступило «время смуты», «национального позора», и, следовательно, нужно «повернуть назад», «навести порядок», понятно же, с помощью «железной руки».

Что ж, любые реформы, в особенности – те, которые направлены на переход от режима тоталитаризма к демократии, неизбежно – как свидетельствует мировой опыт – проходят с немалыми потерями. Да и нерешительность, половинчатость реформаторских мер, проводимых после 1985 года сначала под флагом «совершенствования социализма», а затем – «перестройки», допущенные при этом запаздывания, упущения и прямые ошибки осложнили обстановку, умножили потери, привели да и ныне приводят чуть ли ни при каждой реформаторской новации к очередным проблемам и трудностям.

И все же не это главное, не это создает основные преграды на пути проведения демократических реформ, порождает всё новые и новые беды.

Главное – это те тяжелые реалии, которые существуют в России после долгого господства коммунистического тоталитаризма.

Два основных обстоятельства должны быть приняты здесь во внимание. Во-первых, – то, что «советское, социалистическое» общество довольно значительно отклонилось в сторону от магистрального пути цивилизации и в результате этого в нем оказались разрушенными естественные основы нормального общественного развития. И во-вторых, – то, что сложились и укоренились новые объективные предпосылки и носители тоталитарного строя...

Цена реализованной утопии

То, что произошло в России после Октября 1917 года, в истории человечества еще не встречалось. В гигантской стране-империи в результате захвата власти радикальным, большевистским крылом марксистской партии – коммунистами была поставлена и упорно осуществлялась задача по реализации иноземной философской доктрины – «строительство социализма и коммунизма». А так как эта доктрина во многом имеет утопический характер, то она, столкнувшись с реальной земной жизнью, могла быть внедрена только путем насилия (которое и предполагалось марксистской догмой), что привело к появлению тоталитарного идеологического государства, стремящегося утвердить «диктатуру пролетариата», «Советы – власть рабочих и крестьян», «общественную собственность», «полное равенство» и т. д.

В итоге возникло искусственное, уродливое общество, назвавшееся «социалистическим», силой тоталитарной власти добившееся определенных и даже впечатляющих хозяйственных и военных результатов, но само по себе нежизнеспособное, дающее убогие блага для людей, с безжалостной диктаторской властью и затухающей внутренней энергией, с фальсифицированными достоинствами, фальшивое и лицемерное.

Этот путь в развитии цивилизации, на который многомиллионный народ России (а затем и ряда других стран) был загнан насилием и фанатичным энтузиазмом его приверженцев, оказался тупиковым, безысходным, находящимся в стороне от магистрального направления естественного развития человечества, соответствующего его естественным силам и законам. Более того, в результате насильственного насаждения «коммунистических порядков» эти естественные силы оказались разрушенными, а законы деформированными, их заменили искусственные факторы, основанные на принуждении и мифах.

Вот и существует до настоящего времени такое искусственное, нежизнеспособное общество, особенности которого – как «советского социалистического» – могут быть выражены в таких чертах:

- реальное отсутствие главной естественной основы здорового развития общества, благосостояния и свободы личности – частной собственности;
- глубокая деформация и атрофия трудовой морали, резкое падение культуры производства и труда;
- доминирование соблазнительных мифов о всеильном заботливом государстве, порождающих иждивенчество, покорность, приживальческую отстраненность от реального сурового дела, настрой на безмятежное, «паечное» благополучие без особых забот и напряженной трудовой деятельности.

Нет, думается, нужды подробно раскрывать существо приведенных черт. Даже простое их перечисление, без развернутой расшифровки, дает отчетливое представление о том, в какую западню попало общество, все мы, какова цена принудительно реализованной марксистской утопии. Скажу еще раз: общество, скованное насилием и плененное мифами, утратило естественные основы нормального, здорового функционирования и развития...

Монстры

То, о чем пойдет разговор дальше, представляет собой обстоятельство тяжелое и губительное, не менее чем ситуация со всем нашим обществом, выбитым из общего потока цивилизационного развития и потерявшего естественные основы своего существования.

Дело в том что в результате длительного, растянутого на десятилетия существования «советского социалистического» общества в нем как выражение его сути и для обеспечения его функционирования сложился и обрел необыкновенную

стойкость, живучесть ряд реальных феноменов. Эти феномены стали своего рода институтами, связанными с интересами определенных слоев людей, и одновременно идеями, образом жизни, реальностью и фикциями, предметом почитания, восхваления в науке и пропаганде.

Эти феномены:

- «власть трудящихся»;
- «всевластие Советов»;
- «государственная общенародная собственность».

Вот они-то и являются теми главными препятствиями, всемогущими монстрами, которые стали на пути демократических преобразований нашего общества...

«Власть трудящихся» – диктатура партийной номенклатуры

Слова «власть трудящихся» поставлены в кавычки потому, что само по себе высокое положение людей труда – вещь оправданная и благородная. Но история, факты жизни свидетельствуют: всегда, во всех без исключения случаях, формула «власть трудящихся» неумолимо оборачивается на деле диктатурой. Не самих, понятно, людей труда, а людей, претендующих на то, чтобы представлять их интересы и чаяния. Эта формула в соответствии с марксистскими канонами так и обозначается с самого начала – «диктатура пролетариата», «диктатура рабочих и крестьян». А практически сразу была интерпретирована и фактически предстала как всевластие коммунистической партии, «правлящей», по словам Ленина.

Очень быстро, после Октября 1917 года, партия большевиков, точнее – высшие слои партийной иерархии, номенклатуры, оттеснив Советы (официальные, по Конституции, представительные органы), превратилась в супервласть, в стержень и несущую конструкцию всей властной организации «советского» общества. И именно эта партийная супервласть в единении с военно-чиновничьим, бюрократическим аппаратом стала основой и носителем тоталитарного режима.

Почему? Во-первых, потому, что, объявив себя «общественной организацией», партия в своей деятельности находилась за пределами «зоны законов» (хотя по сути дела все законы уже в «готовом» виде передавались для официального оформления партийной элитой советским учреждениям) и одновременно – за пределами зоны официально объявленных принципов Советской власти, и следовательно, могла осуществлять какую угодно единодержавную диктатуру. И во-вторых, потому, что – обратим внимание на этот момент! – руководящие органы партийной иерархии на всех уровнях прямо и жестко подчинили себе аппарат административного управления и – что особенно существенно – весь репрессивный аппарат, всю систему карательных органов, армию, и действовали вместе с ними как единая диктаторская сила.

Примечательно, что даже после официально объявленной многопартийности и исключения из Конституции положения о «руководящей роли партии», фактически вплоть до послепутчевых августовских (1991 года) дней партийная элита и в центре, и на местах напрямую командовала карательно-репрессивным аппаратом, армией, чиновничьим сословием.

К нынешнему времени после августовского 1991 года путча стержень партийно-административно-карательного монстра, скрывавшегося под знаком «власть трудящихся», вырван из политического организма. Но остались его рудименты, пережившие звенья, особенно на среднем уровне власти, и – что особенно тревожно – произошла перекачка скрывающихся в нем сил в сферу других столпов авторитарного режима – в систему Советов и структуры монополярной государственной собственности...

«Всевластие Советов» – символ и реальность

Идея Советов имеет реальный позитивный смысл. Это – символ близости органов власти к массам, и идея Советов как формы непосредственной демократии должна быть принята во внимание при организации муниципального самоуправления, а также в области рабочего самоуправления (в частности, при создании и деятельности рабочих забастовочных комитетов).

Вместе с тем Советы как форма непосредственной демократии, оправданная в забастовочной борьбе, в ходе вооруженной борьбы и аналогичной обстановке, сами по себе не приспособлены для осуществления регулярных и упорядоченных государственных функций. Они так и остаются «внешней формой», способной прикрывать самые различные режимы властвования – от анархистско-митинговых до жестко-диктаторских, тоталитарных. Примечательно, что именно Советы оказались наиболее пригодными для сталинской и брежневской тоталитарной диктатуры. Ни в чем, ни в самой малости не препятствуя функционированию тоталитарного режима, они, напротив, придавали ему некую возвышенную респектабельность, легализовывали его в своих решениях, прикрывали его ореолом народности и «действительной демократии».

И вот здесь как раз немалую службу для прикрытия и обеспечения диктаторской власти сослужили два догматических ленинских постулата, будто бы демонстрирующие некие преимущества Советов; это, во-первых, «всевластие работающих Советов» и, во-вторых, «единая система всех Советов как органов государственной власти снизу доверху». Какого-то практического значения в условиях всепроникающего господства партократии они не имели; но зато партийная номенклатура, военно-чиновничий аппарат, проводя свои решения «через демократию» – Советы, получили легализованное оправдание своему действительному всевластию и диктаторскому своеволию на всех уровнях Советов, которые, дескать, везде, в том числе на местах, представляют собой полноправные органы настоящей государственной власти.

Что же получилось после того, как партократия стала терять, а после августа 1991 года окончательно потеряла функции всеильной супервласти, стоящей за спиной Советов?

Думается, происшедшие здесь метаморфозы до нынешнего времени мало кто по-настоящему понял. Советы, оснащенные указанными двумя постулатами, теперь сами стали претендовать на диктаторское «всевластие» и на то, чтобы на любом уровне, в том числе на муниципальном, быть органами «настоящей», а значит – суверенной, государственной власти. Вот и появились в нашей стране, демонстрируя якобы достижения демократии, десятки тысяч «всевластных парламентов» и правительств, претендующих на то, чтобы единодержавно решать «всё и вся». И негативный эффект от такого всевластия состоит не только в том, что возник новый носитель всевластного тоталитаризма, стремящийся занять место партийной номенклатуры (которая, понятно, и реально, по кадровой линии стала сосредотачиваться в этой новой своей обители), но и в том еще, что возникло наиболее разрушительное для самой государственности явление – многовластие. Даже не двоевластие, а именно многовластие – т. е. государственность со знаком минус – паралич, анархия, вакханалия произвола, своеволия, беззакония в сфере государственной жизни...

Цитадель тоталитарной системы

До сей поры в нашем обществе доминирует спокойное, умиротворенное отношение к государственной собственности. Подчеркну: монопольной, всеохватной, вездесущей государственной (казенной) собственности, впившейся мертвой хваткой во всю нашу общественную систему.

Прежде всего нужно развеять укоренившийся миф: государственная собственность – это никакая не «общенародная». Никогда она не была общенародной и в принципе быть ей не может. Хотя бы потому, что собственность, если не сводить ее к простому «достоянию», по своей природе – явление персонифицированное, т. е. не могущее существовать без «персоны» – конкретного носителя, субъекта (об этом дальше еще будет разговор). А народ как таковой – это не персонифицированный субъект, а социальная общность. И та, что мы называем «общенародной собственностью», всегда имела точно определенных субъектов (Минфин, Госбанк, Министерство, чаще всего – не по закону, а в силу фактического положения вещей); и эти субъекты использовали государственные имущества – как и положено фактическому владельцу – произвольно, подчас и в своекорыстных целях.

Еще надо заметить: казенная собственность везде и во все века – материя растратная, неэкономичная, бременем лежащая на налогоплательщиках. И только на ее базе, кстати сказать, сформировать рыночное хозяйство в принципе невозможно: рынок требует действительных собственников, а казенный владелец связан и государственными инструкциями, и самой службой; он никогда не пойдет на риск, грозящий разорением, на нарастающее вложение доходов в производство, его удел – растратное плановое хозяйство, функционирующее как «одна фабрика».

Но все же не на это хотелось бы обратить повышенное внимание. Монопольная казенная собственность с абсолютной неизбежностью предполагает существование сильной тоталитарной власти. Ибо казенные имущества сами по себе не дают импульса к самоорганизации и приложению к ним труда. Они могут существовать и функционировать только тогда, когда наличествует мощная государственная власть аппарата хозяйственного управления и хозяйственного ведения. И когда государственная собственность является монопольной и вездесущей, то и власть неизбежно достигает той «критической массы», когда она начинает выступать как тоталитарная, всемогущая, самовозрастающая сила, а, плюс к тому, в этом случае на нее переносятся и сами свойства собственности – государственная власть, как и собственность, становится абсолютной, не имеющей границ в свободе распоряжения и командования.

Поэтому как ни манипулируй государственными имуществами – переводя их на другие уровни – региональный, межрегиональный и т. д., как ни усердствуй в изобретении «решительных» акций по укрощению хозяйственного бюрократизма, – всё равно импульсы государственной собственности неодолимы, и они непрерывно порождают и воспроизводят могущественный аппарат – управы, управления, отделы, уполномоченных и т. д. – со всеми его атрибутами (иначе подстерегает иное бедствие – и оно, увы, нарастает – происходит саморазрушение «брошенных», не опекаемых властью казенных имуществ).

Надо к этому добавить еще и то, что полное обладание ведомствами, а значит – руководящим слоем бюрократического чиновничества, государственными имуществами, умножает силы бюрократии, хозяйственного аппарата, который и себе обеспечивает высокий имущественный статус, и получает надежные, безотказно действующие рычаги для того, чтобы держать в безропотном подчинении целые организации и хозяйственные системы. Государственные имущества – это источник силы и опора чиновничьего аппарата, тот фундамент, на котором он «сидит».

Нужно твердо знать: бюрократическая машина тоталитарной власти при наличии монопольной государственной собственности неуничтожима. И когда сейчас порой говорят о «равноправном развитии всех форм собственности», то в нынешней обстановке, когда государственная собственность укоренилась и занимает доминирующее положение в обществе, это означает не что иное, как сохранение

существующего статус-кво. Незыблемость самого источника, цитадели тоталитаризма со всеми последствиями, из этого вытекающими...

II СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И СИЛА ГОСУДАРСТВА

Укоренившееся представление

Ныне утвердилось, стало чуть ли ни всеобщим, представление о том, что для проведения кардинальных реформ нужна сильная власть.

Да и исторические факты, опыт и практика ряда стран как будто бы с неопровержимостью свидетельствуют об этом. В Испании во времена франкизма, в Чили в пиночетовские годы, в Турции, Южной Корее, некоторых других странах, отличавшихся жестким режимом власти, были осуществлены преобразования в экономике, эффективно заработало рыночное хозяйство. А в поверженных после войны Германии и Японии преобразования в экономике, в политической жизни вообще проходили под жесткой опекой оккупационных режимов военных властей.

Если же к этому добавить, что ситуация в нашей стране в связи с только что рассмотренными тяжелыми реалиями, а также обстановкой многовластия, правового беспредела, крушения исполнительской дисциплины является в высшей степени сложной, по трудностям исторически уникальной, то представление о необходимости сильной, непреклонной власти становится с рассматриваемых позиций непреложной аксиомой.

Тем не менее, разделяя многие исходные позиции подобного представления, следует все же поточнее расставить акценты во взглядах на власть и государство, с необходимой строгостью провести четкие грани между «просто» сильной властью и сильным государством...

«Сильная власть»: достоинство и коварство формулы

Достоинство формулы – «сильная власть» – очевидно. Кардинальные преобразования в обществе без сильной власти, т. е. власти, способной вырабатывать твердые решения и с неукоснительной последовательностью проводить их в жизнь, преодолевая какие бы то ни было препятствия, – кардинальные преобразования без такой власти осуществить невозможно. И когда применительно к подобной власти используют определение «авторитарная», пусть это никого очень-то не смущает: всякая власть – если она действительно «власть», обладающая свойствами на деле реализовать свое предназначение, неизбежно включает свойство авторитарности, т. е. императивности, односторонней обязательности (не путать с «тоталитаризмом» – это уже другое; это – всепроникающая, попирающая достоинство и права человека, право и правосудие, тотальность власти, диктатура над обществом и людьми, их душами и совестью).

Вместе с тем формула «сильная власть» одновременно и коварна. Сильная власть может быть и атрибутом демократического общества, и жестоким историческим мигом, этапом в обществах с демократической экономической основой – частной собственностью и рынком; но она может быть также символом и выражением антиправовой тоталитарной диктатуры, и ее установление в условиях, когда сохранились экономические предпосылки тоталитаризма и его политических институтов, в наибольшей степени вероятно.

Пусть не пройдет мимо нашего внимания то обстоятельство, что в настоящее время требование «государственности», «сильной власти» стало знаменем социал-патриотов. Под этим знаменем объединяются и крайние правые круги, вплоть до

имперско-монархических, и приверженцы коммунистической доктрины в различных ее ориентациях.

Особо примечательна склонность к указанной формуле в ее, так сказать, чистом виде сторонников марксистско-ленинских взглядов. Чем объяснить это?

В практическом плане цепь возможных событий здесь ясна. «Просто» сильная власть – это как раз элемент диктатуры пролетариата, которая изначально рассматривалась как власть, «не ограниченная законом». В нашей сегодняшней действительности, при существовании указанных ранее тяжелых реалий, ее установление означало бы возврат к режиму сталинско-брежневского типа. И к этому как раз ведут казалось бы «взвешенные» предложения социал-патриотов. И всемогущий Госплан (для госзаказа), и всемогущий Совмин (для регулирования цен), ну и, понятно, все другое, что неумолимой силой, без всяких там проволочек, способно навести «только» «дисциплину и твердый порядок».

Такое понимание сильной власти, увы, перенесено на более широкий феномен – государство в целом. Для марксистско-ленинской доктрины вообще характерно отождествление власти и государства. Такую направленность в трактовке государства особо тщательно, бескомпромиссно отвергая иные трактовки, лелеял Ленин. Скрываясь от явки в суд в пригороде Петрограда, он писал работу «Государство и революция», пафос которой в том, что государство – это «власть», «машина классового подавления», «отряды вооруженных людей» и т. д. Именно за «государственность», за тезис о решающей роли государства диктатуры пролетариата в неминуемом преобразовании общества критиковал Маркса наш соотечественник, до сих пор по достоинству не оцененный, М. Бакунин. В ответ на эту критику Маркс и Ленин были вынуждены – дабы не потерять лицо – выдвинуть идею «отмирания государства» в отдаленном будущем. Идею, впрочем, утопическую – как и многие иные постулаты коммунистической доктрины, и в то же время не менее разрушительную, чем первая, оправдывающую некую власть «без государства»...

Не «сильная власть», а современное государство

Вот – тезис, к которому хотелось бы привлечь внимание читателя. Крутая, сильная власть – это отнюдь еще не сильное государство. Такая просто сильная власть характеризует, как это ни странно прозвучит, государство неразвитое, примитивное, «полугосударство», как писал Ленин. То есть государство, которое действительно чуть ли не тождественно одной лишь неконтролируемой власти, а главное – не раскрылось еще как явление цивилизации и культуры, способное упорядочить власть, сделать ее по-настоящему демократической, действенной, эффективной, но исключить превращение ее в тоталитарную силу.

В этой связи следует заметить, что настала пора в нашей общественной науке и в общественном мнении существенно изменить укоренившиеся взгляды на государство и «государственность», преодолев упрощенные, сориентированные на диктаторские порядки ортодоксально-марксистские представления. И следовательно, – вывести наши взгляды по этому предмету на уровень представлений о современной государственности, отвечающей высоким требованиям цивилизации и культуры.

Государство под таким углом зрения – не просто власть, а система организации власти, неотделимая от демократии, права, правосудия, – такая система, которая обеспечивает нормальное функционирование и оптимальную жизнедеятельность всего общества. Власть в таком, современном государстве «вписана» во всю сложную систему политико-властных, организационных, правовых отношений и обставлена отработанными демократическими институтами и механизмами, относящимися к разделению властей, федерализму, власти и муниципальному са-

моуправлению. Причем – так, что государство существует и функционирует в рамках правового гражданского общества, где собственность и рынок отделены от политической власти и нерушимо абсолютное значение имеют достоинство человека, его фундаментальные права и свободы...

Но может ли быть такое современное государство «сильным»?

В том-то и дело, что в гражданском обществе – в условиях рынка, частной собственности, демократии, верховенства права, прав человека – в таких условиях по-настоящему сильным может быть только современное государство. Вовсе не случайно, что все без исключения ранее упомянутые страны с режимом авторитарной власти (Испания, Чили, Турция и другие) неизбежно переходили на путь современной государственности – демократии, права, прав человека, да это еще при таком положении вещей, когда все они – опять-таки без исключений – уже имели в принципе демократическую экономическую основу – частную собственность и рынок.

И дело тут не только в общих идеях Свободы, все более утверждающихся как абсолютные ценности на всей планете, в нетерпимости к тирании и тоталитаризму. Суть вопроса еще и в том, что в демократическом обществе высококачественные государственные решения могут вырабатываться и точно, последовательно, своевременно осуществляться не просто при помощи силы власти как таковой (эффект тут нередко бывает обратным), а при помощи всей системы институтов и механизмов современного государства – действий президента как главы государства, функционирования самостоятельного и ответственного правительства, парламентского контроля, независимого и сильного правосудия и т. д.

Понятно, что для этого современное государство должно быть надлежащим образом конституировано, воплощено в отработанной, слаженной системе органов, учреждений, во всем государственном механизме. Но это уже вопрос конституционной и правовой культуры, законодательного искусства и государственного опыта, нахождения на этой основе с учетом национальных традиций оптимальных конституционных конструкций построения государства...

III

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Промежуточный рубеж

Сложные, многообразные проблемы решаются в нашем обществе под общим именем – «демократические реформы». Тут – и стабилизация финансового положения, и обеспечение притока иностранных инвестиций, и введение свободных цен, и достижение конвертируемости рубля, и развертывание приватизации, и организация достойной социальной защиты людей, и многое-многое другое; все проблемы – первостепенные, неотложные.

Вместе с тем при определении перспектив и направлений демократических преобразований исходный и ключевой пункт – это особенности состояния общества в данное время – того рубежа, отправляясь от которого общество идет дальше по пути демократических реформ. И вот здесь необходимо со всей определенностью сказать: в нашем нынешнем, посттоталитарном, посткоммунистическом обществе еще нет современного государства. Российское общество – смешанное, мозаичное: в нем причудливо, взаимопроникая и противоборствуя, сосуществуют три основных элемента: демократические институты («очаги» демократии), элементы авторитарно-тоталитарного характера и элементы политической стихии, политического эксперимента, импровизаций.

Словом, известный уровень демократизма, отделяющий современное общество от режима сталинского и брежневского тоталитаризма, уже достигнут. Но это именно – известный уровень, стадия, промежуточный рубеж.

Отсюда – коренной вопрос, который возникает при определении перспективы и направлений демократических преобразований, состоит в том, какой из двух возможных вариантов будет избран (если, конечно, не считать вариант «поворота назад» – изначально гибельный, тотально разрушительный):

либо остановиться на данном, уже достигнутом, уровне демократии, ограничившись совершенствованием существующих демократических институтов, упорядочением отношений между подразделениями власти, улучшением защиты прав людей, заделыванием «дыр» в законодательстве и т. д.;

либо решительно пойти дальше, на существенное повышение уровня демократизма, – с тем, чтобы в процессе демократических реформ достигнуть такой ступени, когда общество в полной мере обретет качество демократического, преодолет многовластие, идеологию и практику «всевластия Советов», диктатуру монопольной государственной собственности...

Альтернативы нет

А выбора, в общем-то, нет.

Не потому, что остановиться на нынешнем промежуточном, неустойчивом, зыбком рубеже, на котором еще необыкновенно сильны другие элементы нашего причудливо-смешанного строя, – значит под нарастающим давлением тяжелых посткоммунистических реалий (системы Советов, монопольной государственной собственности) и в обстановке неубывающих бед в жизни людей, растущего социального напряжения скатиться к авторитарно-тоталитарной власти. В итоге, – если уж не вернется в полном своем облики сталинско-брежневский режим (с последующим неминуемым крахом), то явится некий новый уродец – вроде, скажем, строя государственно-номенклатурного квазикапитализма.

При этом надо знать, что никакие охранительные, карательно-принудительные меры тут не помогут. Напротив, их усиление – если, не дай Бог, возникнет соблазн привести их в действие в «благих» целях – лишь ускорит гибельное развитие нынешней неустойчивой ситуации: органы госбезопасности и общественного порядка, какие бы замечательные демократы их ни возглавляли, самим своим нутром знают, где их действительная обитель и каким богам им предназначено поклоняться.

Только дальнейшая неуклонная демократизация, нарастающее освоение достижений современной демократической государственной культуры, поступательное движение вперед к ценностям цивилизации – только это, и ничто другое – единственный путь, на котором можно окончательно порвать с тоталитаризмом и обрести качества действительно демократического общества...

Не надо химер

Но что значит идти вперед? Вновь «строить»? Теперь – не социализм, а капитализм? Ряд публицистов, деятелей науки так и говорят: идем к капитализму и парламентской демократии.

В самом деле – что такое «рынок», «прибыль», «предпринимательство», «частная собственность», «верховенство права», «парламентский контроль» и т. д.? Не капитализм ли?

По этому вопросу нужна, думается, понятийная строгость, избавление от идеологических догм и штампов.

Дело не в том, чтобы вообще не применять никаких «измов»: гуманизм, романтизм, демократизм, да и капитализм, иные, им аналогичные слова, – нормаль-

ные, обоснованные по всем канонам категории, термины. Избавиться необходимо от оценочного полярного противопоставления «капитализма» и «социализма», несущих в этом своем качестве дух враждебно-религиозного противопоставления и непримиримости, делающих их идеологическими химерами. Причем вот ведь как полярно расставляются акценты у сторонников коммунистических представлений и у приверженцев западных ценностей: первые, говоря о «капитализме», имеют в виду его характеристики эпохи раннего, хищнического периода, а «социализм» наполняют добрыми делами и революционной романтикой; вторые же, напротив, берут «капитализм» в его современном огуманизированном виде, а «социализм» отождествляют со сталинским тоталитарным строем.

Нужны иные, незаидеологизированные критерии общественного прогресса, показатели демократического развития. Хотя – надо заметить – «капитализм», очищенный от идеологических наслоений и выступающий как экономико-социальная форма товарно-рыночных отношений, при всей своей противоречивости, негативных проявлениях, значительно ближе по присущим ему свойствам к демократическим институтам, чем тоталитарный «социализм» ...

Каковы же глубинные критерии и показатели демократии?

Здесь придется вкратце затронуть непростой вопрос философского порядка.

Общество, формирующееся в пределах той или иной страны, это по современным научным представлениям – социальный организм, сложная система. Такая социальная система может функционировать в двух основных режимах:

во-первых, в «режиме заданности», когда извне, при помощи государственной власти, закона, идеологических догм, обществу как единому монолитному целому навязываются, диктуются определенная модель и нормативы существования и развития;

и во-вторых, в «режиме свободы», когда общество свободных граждан функционирует как саморегулирующийся, самонастраивающийся социальный организм, а государство и право призваны обеспечивать, охранять такое свободное существование и развитие.

И, несколько упрощая многосложные процессы истории человечества, следует указать на две характерные для нее отчетливые глобальные тенденции. Первая и определяющая из них – это движение от монолитного, «заданного» (по современной терминологии – тоталитарного) общества к более развитой системе – обществу свободному, саморегулирующемуся; и вторая, связанная с первой, – тенденция все большего выделения и обособления из общества-монолита отдельной, автономной личности, индивидуальности, Гражданина – процесс, который на базе развития и «освобождения» частной собственности приводит в итоге к формированию общества «суверенных» Граждан, защищенных правом и судом, т. е. гражданского общества.

Понятие «демократия» и охватывает по своей исходной основе именно свободное саморегулирующееся гражданское общество – общество Граждан. С этой точки зрения Свобода и Демократия – понятия в принципе единые. И следовательно, глубинные критерии и показатели демократии – это критерии и показатели того, насколько общество в целом является свободным, саморегулирующимся, избавлено от «навязывающего» диктата государственной власти, закона, идеологических догм и – прежде всего – насколько свободна автономная личность, Гражданин.

Такое понимание демократии и отсюда – демократического развития и демократических реформ существенно отличается от бытующих упрощенных представлений, в том числе «классовых» трактовок, насаждаемых тоталитарными режимами.

Одна из таких, широко пропагандируемых трактовок – это сведение всей демократии к наличию представительных, парламентарных учреждений, с подспудно проводимой идеей, в соответствии с которой чем больше прав у представительных органов, избираемых населением, тем больше в стране демократии. Между тем, при всей исключительной важности представительных, в первую очередь – классических парламентарных органов, в политической организации демократической власти, в выявлении и реализации воли народа, надо видеть, что их потенциал раскрывается именно в гражданском обществе, которое в целом является свободным, саморегулирующимся, и, стало быть, не они одни (и, более того, не они «прежде всего») являются показателями и критериями действительной Свободы. Примечательно, что все без исключения тоталитарные государства так или иначе использовали и используют представительные органы, а их «высшее выражение» – Советы с их «всевластием», утвердившиеся в условиях сталинской и брежневской диктатуры, вообще стали носителями и формой легитимации жесточайшего в истории тоталитарного режима...

Отсюда – все другое

Если взять за основу, при понимании демократии, феномен свободного саморегулирующегося общества, то это позволяет «расставить по местам» все другие его характеристики, которые важны при определении перспектив и направлений демократических реформ. Так, общество, функционирующее в режиме «заданности» (несвободы), это – в силу самой его природы – одновременно общество:

- тоталитарное, с жесткой авторитарной, деспотической властью;
- общество с доминированием публичной собственности и принудительного труда;
- общество-монолит, утверждающее свое верховенство и безусловное господство над отдельным человеком, подданными;
- заидеологизированное, подчиненное либо религии, либо какой-то «высшей цели», являющейся его непререкаемым высшим законом;
- «силовое», исповедующее культ силы, кулачного права и построенное на началах фактического господства;
- милитаристское, с властью, непосредственно опирающейся на армию и тайную полицию и присвоившее себе «право войны».

Напротив, свободное, саморегулирующееся общество – это (понятно, в идеале, по высоким требованиям, вытекающим из самой его природы) общество:

- демократическое, притом в самом глубоком, основательном понимании демократии:
- общество с доминированием собственности и рынка, не связанных с властью;
- общество Граждан, в котором на первом месте – личность, человек, его самоценность, достоинство и неотъемлемые права;
- светское общество, где государство не связано никакими идеологическими догмами, религией, казенной философией;
- правовое общество, в котором утверждается верховенство права, построенного на началах свободы и гуманизма;
- антимилитаристское общество, которое не ставит перед собой мессианские цели, исключает саму возможность использования вооруженной силы в любых ее формах для решения политических вопросов внутри и вне страны.

Разумеется, все эти основополагающие начала, вытекающие из самой природы свободного, саморегулирующегося общества, нуждаются в правовом, прежде всего конституционном, закреплении, оснащении действенными юридическими механизмами. Но в первую очередь нужно видеть их истоки – ту основу, эконо-

мическую и политическую, которые делают их неизбежными, обязательными, в том числе при определении перспектив и направлений демократического развития...

Сила собственности

В концепции свободного общества есть центральное звено, на котором необходимо сделать ударение.

Ведь свободное общество – это общество, для которого характерно саморегулирование, самонастройка, т. е. общество функционирует и развивается без навязанной регламентации извне (при помощи государственной власти, закона, идеологических догм). Каким же образом достигается такая саморегуляция, самонастройка?

Конечно, здесь велика роль «решающих» и «исполняющих» органов демократической власти, в том числе представительных, парламентарных. Но они все же – не внутренний, не заложенный в самых недрах общества регулятор (саморегулятор), не та внутренняя сила, которая обеспечивает нормальное и здоровое функционирование и развитие общества.

Что же выступает в качестве такой силы?

Собственность!

Да, собственность. Нужно только, отрешившись от ряда догм, поверхностных трактовок и комплексов, тоже своего рода идеологизированных химер, понимать собственность в ее истинной, природной сути и реальном значении. К сожалению, в результате доминирования в прошлом идеологических, революционно-классовых схем и практики большевизма, собственность в нашем обществе в ее негативных нравственно-психологических гранях (действительно существующих) понимается преимущественно как некое потребительское благо, источник решения потребительских проблем (именно эта – и впрямь существенная, но все же гиперболизированная, возведенная в абсолют – сторона собственности и стала предпосылкой лозунга «грабь награбленное», а ныне, видимо, сказалась, увы, на утвердившейся линии дележа государственной собственности «на равных» между всеми нашими согражданами). К этим представлениям присоединились узаконенные, догматизированные мифы, такие как «общенародная собственность», «общественная собственность», сводящие этот феномен к «достоянию», фиксирующему в общем виде, и только, лишь принадлежность богатств страны «всему народу», «всему обществу», что с идеологической стороны и прикрыло господство чудовищного монстра монопольной государственной собственности.

Между тем собственность в своей природной сути и реальном значении в обществе – и именно как источник саморегуляции – «выходит» на человека и через его разум, его поступки приводит в движение весь общественный организм. С этой точки зрения надо видеть, что собственность при всех ее негативных гранях – это величайшая «находка», уникальное «изобретение» человеческой цивилизации, позволяющее как бы распространить самого человека на мир вещей, с тем, чтобы человек с его энергией, разумом, поступками как бы продолжился в вещах материальных и интеллектуальных.

Что же дает человеку такое «его продолжение в вещах»?

Прежде всего, понятно, полное обладание определенными предметами, по формуле гражданских законов – владение, пользование и распоряжение ими. Эта сторона собственности является существенной. Но она все же не идет дальше понимания собственности как потребительского богатства. Причем обратим внимание на то, что подобный эффект «полного обладания» может быть достигнут не только через институт собственности. Ведь и государство, например, через свое суверенное территориальное верховенство фиксирует свое полное обладание всей территорией – землей, недрами, внутренними и территориальными водами, воз-

душным пространством. И от того, кстати, тут нередко возникает немалая путаница: некоторые государственные образования со ссылкой на суверенитет объявляют себя собственниками земли и недр, хотя из суверенитета вытекает лишь территориальное верховенство, но никак не собственность.

В отношении же собственности речь идет о человеке, его энергии, разуме, поступках и, стало быть, не только о простом обладании богатствами.

Так вот, именно по отношению к человеку собственность и раскрывает свой потенциал, свои особенности, незаменимые качества значительной социальной силы, сильнее которой в экономике, в хозяйственных делах просто нет. Именно она – собственность – способна разбудить энергию и разум человека, толкать и толкать его к поиску и действиям, постоянно держать человеческую активность на высокой точке напряжения и быть, в связи с этим, естественной основой восходящего развития общества.

Три момента здесь самые важные.

Первый: ничто, кроме собственности, не может дать человеку экономической свободы – возможности самому, своей волей и в своем интересе, распоряжаться орудиями труда, рационально их использовать и рачительно вести «свое дело».

Второй: собственность – своя собственность! – порождает самый сильный интерес к труду, к инициативной, хозяйской деятельности – к тому, чтобы наращивать свое имущество и чтобы оно приносило максимальную выгоду, пользу для себя и, в то же время, для всех, всего общества.

И третий: собственность – это тяжелое бремя; она не только дает импульсы к активной напряженной деятельности, но и обязывает, порождает ответственность за имущество, тяготы по его сбережению, использованию.

Словом, собственность – это конец успокоенной, безмятежной жизни для ее носителя. Сам факт обладания вещами на началах собственности заставляет быть «заинтересованным» и «ответственным», вертеться и крутиться, хлопотать и непрестанно беспокоиться, а значит – напряженно работать.

В силу всех этих качеств собственность – частная собственность! – и становится естественной «энергетической» основой функционирования и развития общества.

Конечно, в нормальную, естественную основу, предопределяющую самодвижение общества, входят и другие факторы: и трудовая мораль, и начала гражданственности, и институты самоуправления, политической демократии, и культура – вся нравственная, духовная жизнь, но в основе всего этого – частная собственность, великая сила и, в то же время (как следствие негативных черт необузданного права собственности), – счастье и проклятие...

IV

КОНСТИТУЦИЯ: КОНЦЕПЦИЯ, ИДЕЯ, ЦЕННОСТИ

Игры? Политическая суета? Нет – острая потребность!

Когда весной 1992 года, в преддверии и в ходе шестого Съезда народных депутатов России, развернулась дискуссия по конституционным проблемам, то могло создаться впечатление – оно отразилось в некоторых высказываниях в печати, – что в обстановке бедственного экономического положения и драматически развивающейся реформы сама постановка вопроса о конституции, ее концепции, несвоевременна и все эти споры-раздоры по конституционным делам – не более чем политические игры и сшибка политических страстей.

Увы, в нашем сложном, порой безумном политическом бытии было всякое; было и есть. Но в данном случае подобные суждения неверны в принципе.

Дело в том, что именно в нынешней ситуации общество подошло к черте, когда нужно окончательно «определиться» и занять твердую, на перспективу, позицию: не спешить с демократическими преобразованиями, сосредоточив все силы на текучке, на решении насущных дел, или решительно продолжать движение вперед, преодолевая таким путем и сегодняшние беды. Речь, словом, идет о том, куда пойдет социально-политическое, а в этой связи и экономическое, развитие страны – в последовательно реформаторском направлении, или же оно остановится, с неизбежными в этом случае процессами реставрации и со всем другим, негативным, о чем ранее уже говорилось.

А такая твердая позиция, которая была бы высокозначимой и нерушимой на долго вперед, может воплотиться именно в конституции. Не в заявлениях форумов и должностных лиц, не в декларациях политических деятелей, партий и движений. А именно в конституции. Почему?

По двум главным причинам, связанным с особенностями конституции. Во-первых, потому, что конституция – закон, притом закон наивысшей в стране юридической силы, такой, который призван быть учредительным законодательным документом, выступающим в качестве «основателя» и носителя на долгую перспективу политико-правового «крело» общества и определяющим в связи с этим весь строй политических и правовых отношений, основные начала государства и права. И во-вторых – потому, что исторически этот институт – «конституция» – сложился как раз для того, чтобы быть выразителем демократии, и прежде всего для того – и это отчетливо показывает опыт всех «конституционных» стран, – чтобы оградить людей от произвола власти и обеспечить права и свободы.

В силу всего этого как раз при помощи конституции и могут быть решены ко- ренные вопросы нашего демократического развития, в том числе:

преодолены тяжелые реалии, унаследованные от тоталитаризма (действующая российская Конституция не дает возможности преодолеть ни советскую систему власти, ни господство монопольной государственной собственности);

учреждены институты современной государственности (действующая российская Конституция фиксирует, притом далеко не всегда в развитом виде и не в едином комплексе, лишь некоторые из таких институтов, например Конституционный Суд);

закреплены всем своим построением, содержанием, конституционными механизмами направления демократического развития – тот курс, который выражает рассчитанное на перспективу движение общества к демократии и, следовательно, – суть демократических реформ.

Так что принятие конституции именно сейчас – острая, неотложная потребность.

Таковы принципиальные подходы к конституционной проблеме в современных условиях.

А теперь – некоторые фактические данные. На основе решений российского Съезда народных депутатов еще в 1990 году была создана Конституционная комиссия. Эта комиссия выступила инициатором и пионером демократических конституционных нововведений, проделала значительную работу, заслуживающую добрых слов.

Тем не менее подготовленный и доведенный ею в феврале – марте 1992 года до сведения общественности проект конституции России (в последующем – «официальный проект») не получил поддержки Движения демократических реформ России, ряда других демократических движений.

Два основных обстоятельства, судя по всему, определили такое отношение к официальному проекту. Во-первых, проект стал результатом многих компромиссов (один из организаторов работы комиссии прямо сказал недавно, что в проекте

сделана попытка «синтезировать либеральную и социалистическую идеи» – «Правда» от 14 апреля 1992 года); компромиссы же хороши для текущей политики, но с компромиссами, вследствие которых теряется последовательность демократических преобразований, нельзя идти в будущее. Во-вторых, проект – с известными новшествами, корректировкой – отразил в основном ныне достигнутый уровень демократизма – «добытое и завоеванное». Существует, например, в современных условиях широкий, «синтетический» подход к правам личности, охватывающий в одной плоскости права человека и права гражданина, вот он и выражен в официальном проекте; сложились три ветви правосудия – конституционное, общее и арбитражное, – и они зафиксированы в тексте и т. д.; пожалуй, лишь по вопросу соотношения парламента, строящегося по советской схеме, и правительственной власти сделан крен в сторону повышения парламентских прерогатив. А это значит – пусть и с известными новшествами, коррективами, – что сохраняется и – более того – консервируется на перспективу существующий смешанный, мозаичный строй со всеми его авторитарными, советскими элементами и тенденциями.

Вот почему по решению Политсовета Движения демократических реформ в феврале – марте на основе ранее проведенных разработок подготовлен альтернативный проект конституции.

Эта, а также следующие главы данной работы как раз и посвящены характеристике концепции, основных идей альтернативного проекта¹, пояснениям по некоторым юридико-конструктивным его сторонам и по ряду иных вопросов, возникших в ходе обсуждения проекта...

Не декларация, не манифест, а юридический документ

Все советские конституции (а их было принято четыре – в 1918, 1924, 1936, 1977 годах) представляли собой в основном идеологические, политические, партийные документы, в которых декларировался «советский строй», фиксировалось построение советской власти, принципы «социалистического общества» и т. д. К сожалению, и в некоторых западноевропейских конституциях послевоенного времени, под влиянием социал-демократических, социалистических и близких к ним движений, появились фрагменты и термины идейно-ориентированного характера (например – в дефинициях, – не только «правовое, демократическое», государство, но и государство «социальное»).

Между тем конституция, в соответствии с требованиями современной государственности, должна иметь ряд особенностей. И первая из них – это как раз то, что она призвана быть строго юридическим документом, который содержит правовые принципы и нормы, не имеющие каких-либо политико-партийных, мировоззренческих ориентаций. Именно поэтому в альтернативном проекте вместо «социального» (в наших условиях аналога по сути – «социалистического») государства говорится о «светском», т. е. не заидеологизированном, государстве – ст. 1, 34. Причем в ст. 34 прямо определено – и это раскрывается в ряде норм, – что «государство не приемлет подчинение государственной деятельности идеологическим принципам и институтам».

Что ж, слово «светское» непривычно в нашем лексиконе; в сопоставлении с въевшимися в наше сознание формулами о «государстве трудящихся» оно может даже создать впечатление о претензиях на некий аристократизм. Хотелось бы в связи с этим оттенить тот смысл термина «светское» (притом общепринятый на государственно-правовом языке), который за отсутствием лучшего использован в тексте проекта.

¹ Концепция и идеи альтернативного проекта изложены в совместной статье А. А. Собчака и автора этих строк «Конституция и судьба России» («Известия» от 28 и 30 марта 1992 года).

Конституция, по меркам высокой конституционной культуры, призвана, далее, воплотить, как уже говорилось, политико-правовое «кредо» общества и, значит, высшие государственно-правовые ценности, не превращаясь – а такая тенденция в нашей конституционной практике присутствует – в инструкцию по текущим государственным делам (по регулированию процедурных и иных текущих вопросов есть законы – органические и обыкновенные). Поэтому альтернативный проект – сравнительно компактный документ². В нем 76 статей, распределенных по восьми главам:

1. Граждане России
 - а) основные права и свободы;
 - б) права и обязанности гражданина России;
 - в) обеспечение прав и свобод гражданина.
2. Российское государство
 - а) Федерация;
 - б) устройство государства.
3. Президент Российской Федерации
4. Федеральное законодательное собрание
5. Правительство Российской Федерации
6. Правосудие
 - а) принципы;
 - б) Верховный Суд Федерации.
7. Муниципальное самоуправление
8. Конституционные поправки и пересмотр конституции.

Первые две и шестая главы имеют, как видно по приведенной схеме, внутреннее подразделение, которые, в отступление от принятой терминологии и рубрикации кодифицированных актов, названы «разделами» глав.

И последнее, что сопряжено с требованиями современной государственности. Проект составлен так, что Конституция рассчитана на длительную перспективу («на века»). С этой целью заключительная статья проекта – 76-я – с известными, думается, понятными гиперболизированными акцентами, – провозглашает: «Конституция объявляется неизменной»; но тут же устанавливает усложненный, близкий к конституционным процедурам США, порядок внесения поправок в конституцию. Более того, предусмотрено, что основополагающие конституционные устои (основные права и свободы граждан, особенности государства как правового, демократического, светского, не признающего милитаристских целей) вообще не подлежат пересмотру. И чтобы тут не было законодательного произвола и в то же время не были перекрыты пути дальнейшего конституционного развития, в той же статье предусмотрено следующее: если депутаты Законодательного собрания квалифицированным большинством голосов всё же решатся пойти на подобный пересмотр, то они обязаны самораспуститься и объявить о созыве Учредительного собрания...

Концепция

Какова же концепция конституции, положенная в основу альтернативного проекта?

Это – концепция государства свободного саморегулирующегося общества, в основе которого – «суверенная личность» – Гражданин.

В соответствии с этим конституция не претендует на то (как это характерно для аналогичных документов «заданных», тоталитарных обществ, в том числе советского), чтобы регулировать «все общество» – его общественный строй, прин-

² См.: Электронный музей конституционной истории России. – URL: <http://www.rusconstitution.ru/term/141/>. – Прим. А. П. Семитко.

ципы строя, хозяйственную систему, формы собственности, участие трудовых коллективов в управлении и пр. и пр. Как свобода, дарованная «сверху», – уже не свобода, так и гражданское общество, постулированное и заданное основным законом (и потому открытое для государственного произвола), – уже не гражданское. Предназначение же конституции по альтернативному проекту – в том, чтобы дать стабильное и надежное государственно-правовое обеспечение для «саморегулирующегося», свободного функционирования и развития общества. Только это, и ничего более...

Три главных устоя

Но что значит «дать государственно-правовое обеспечение» свободному, саморегулирующемуся функционированию общества? Это значит – обеспечить высокий, «суверенный» статус личности, Гражданина и его личную свободу; гарантировать волеизъявление народа, демократию и одновременно поставить демократическую власть в рамки, предупреждающие ее превращение в диктатуру, во «всевластие»; и наконец, дать людям, их объединениям защиту от произвола, своеволия, беззакония.

В соответствии с этим концепция конституции, положенная в основу альтернативного проекта, реализуется в трех основных идеях («устоях», если угодно). Это:

Первое: во главе всей конституции, всего конституционного строя (он везде именуется в тексте «демократическим свободным») – человек, его достоинство, права и свободы, именно человек, права человека – начальное и первичное во всей конституции. Проект так и начинается: статья 1: «Россия утверждает себя как правовое демократическое светское государство, высшими ценностями которого является человек, его достоинство, неотъемлемые права и свободы». Статья 2: «Человеческое достоинство абсолютно и неприкосновенно. Ничто не может быть основанием для его умаления...» И так далее.

Второе: демократизм, действенность и вместе с тем умеренность и упорядоченность власти – такая ее организация, чтобы она не смогла стать диктаторской, тоталитарной силой. Каким образом достигается такая организация власти, – речь дальше. Сейчас лишь следует сказать о том, что ключевой пункт демократической организации власти связан с определением более высокого статуса всенародно избираемого Главы государства и одновременно с его же, а также и с парламентским контролем над административно-управленческим аппаратом – самостоятельным и ответственным правительством. И конечно же, существенным моментом здесь является конституционная регламентация деятельности высшего представительного органа – Законодательного собрания, функции которого – законодательные и контрольные – не должны превращаться во «всевластие», в претензии властвовать везде и всюду, в том числе – вождельный предмет! – в исполнительной сфере.

Третье: возвышение на максимально высокую ступень «третьей власти» – правосудия, сильного и независимого. С тем, чтобы правосудие смогло противостоять произволу власти, стать надежной преградой на пути ее своеволия, любого беззакония, от кого бы оно ни исходило. И опять-таки: об особенностях организации судебной власти по проекту – разговор особый, он – дальше.

Кратко охарактеризованные государственно-правовые начала свободного, саморегулирующегося общества и дают демократию в самом высоком ее значении (т. е. не сводимой к одним лишь представительным учреждениям, которые – замечу еще раз – в высшей степени важны).

Существенное значение для демократии имеют другие конституционные институты: и система свободных выборов, и федеративная структура, и общее уст-

ройство государства (тут важно не только закрепить его светский, антимилиитаристский характер, но и на конституционном уровне отрегулировать вопросы чрезвычайного и военного положения, отнять у государства «право войны», установить норму о недопустимости использования вооруженных сил для решения политических вопросов и запрет на ввод строевых частей в города, в другие населенные пункты – ст. 36, 37 проекта). Но всё же первостепенное значение в конституции имеют отмеченные три главных устоя («три кита»), создающих – при надлежащем конституционном решении соответствующих вопросов – крепкую государственно-правовую основу для демократии, обеспечения функционирования свободного, саморегулирующегося общества. Хотелось бы надеяться, что приведенная выше схема глав альтернативного проекта и охарактеризованная идея свидетельствуют о стремлении с предельной последовательностью воплотить в проекте эти решающие начала государственности свободного демократического общества, что, конечно же, не избавило проект от каких-то огрехов и недостатков...

II собственность

Указанные три главных устоя демократического общества и выражены в трех основных «блоках» – трех ключевых подразделениях альтернативного проекта, которым и посвящены последующие главы данной работы.

Вопрос о частной собственности – не проблема «социального строя», «общественной системы» и т. д. Это, как мы видели, центральный пункт естественного самодвижения, саморегуляции свободного демократического общества. Самого факта его существования и возможности здорового, динамичного развития.

К этому надо добавить, что частная собственность (причем – именно «частная», и никакая иная, понятно, очищенная от идеологических предубеждений и химер) представляет собой естественное право человека, одно из решающих его прав и свобод. Так, надо заметить, и характеризуется частная собственность крупнейшими специалистами по конституционным вопросам, в том числе на семинаре экспертов СБСЕ в Осло в ноябре 1991 года.

Все это объясняет то обстоятельство, почему среди основных прав и свобод человека, получивших в альтернативном проекте обобщенную характеристику, наряду с экономической свободой, правом на предпринимательство, особо выделена частная собственность. В ст. 5 проекта сформулировано такое положение: «Частная собственность признается и гарантируется в России как неотъемлемое право человека, естественный источник его благосостояния, деловой и творческой активности, гарантия его экономической и личной независимости». Наряду с рядом прямых конституционных норм, призванных обеспечивать неприкосновенность и свободу частной собственности, в проекте частная собственность включена в состав особого конституционного режима «основных» прав и свобод, и уже поэтому законодателю на будущее запрещено издавать законы, умаляющие право частной собственности, здесь недопустимы ограничения даже в условиях чрезвычайного и военного положения: гарантируется безусловная судебная защита и т. д.

И вот еще какой существенный момент. Все другие виды собственности (разумеется, не такие, как «общественная» и «общенародная»; это – идеологические категории) объединены в проекте под рубрикой «публичная собственность». И она, публичная собственность – государственная, муниципальная, – рассматривается в проекте как в известной степени вторичная, а главное – подлежащая строгой регламентации. С тем, чтобы она не была – а после, надо надеяться, ее преобразования вновь не стала – основой тоталитарно-бюрократической системы, силой, воспроизводящей и поддерживающей чиновничье-административные порядки. В ст. 37 проекта предусмотрено: «Публичная собственность, выходящая за

пределы государственных и муниципальных нужд и образующая государственную и иную публичную монополию, подлежит приватизации в соответствии с законом»...

Предпосылки. Ценности

Подготовленный весной 1992 года альтернативный проект опирается на материалы зарубежной и отечественной конституционной культуры, а также материалы, накопленные авторами за время работы в общесоюзной Конституционной комиссии, в общесоюзных, муниципальных и иных органах (нередко с оценкой и выводами «от противного»).

Об этой стороне дела в общем-то не очень приличествует говорить: она больше свидетельствует о возможностях и намерениях авторов разработки, чем о ее результатах, о которых не им судить.

И все же вот какие пояснения здесь представляются необходимыми. Наряду со впечатляющим конституционным опытом США (конституция действует свыше двух веков, а поправок – до тридцати не дотягивает), имеют существенное значение конституционные достижения передовых демократических стран, которые – внимание! – прошли испытание тоталитарным строем, – Германии, Испании, Италии, Японии. Ведь это же знаменательно, что именно в Конституции Испании особо выделены, из всех прав и свобод, «основные» права и свободы – фундаментальные и нерушимые, а в конституциях ряда других из упомянутых стран, особенно – Германии, наряду с Главой государства обособился институт самостоятельного и ответственного правительства, получившего особый статус под контролем Президента и парламента.

Не меньшее значение для нашей страны имеет и свой, отечественный, российский опыт. Это – и разработки декабристов, которые предусматривали единство судебной системы (и это получило известное развитие в судебной реформе 1864 года); и опыт губернского деления, конструкция «Государственной думы» и обрусевшего «Сената», земств, казачьих округов и т. д.

Хотелось бы обратить особое внимание на конституционные разработки А. Д. Сахарова. В его проекте конституции – та чистота, совесть, ясность, стремление к истине и свободе, без которых конституция государства свободного общества просто немыслима...

V ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Две системы координат

По-видимому, мы должным образом еще не поняли и не оценили место и значение в демократическом обществе такой, ныне, в общем-то, модной и общепризнанной, категории, как «права человека».

Впрочем, такое понимание и оценка во многом зависят от того, в отношении какого общества («заданного», тоталитарного, полутоталитарного или же свободного, демократического) идет речь, в какой, следовательно, системе социальных координат рассматриваются права человека.

Известное значение могут иметь права человека в обществе, где уровень демократизма еще невысок и где еще сильны элементы авторитарного порядка, тоталитарные традиции и нравы. В такой системе социальных координат категория прав человека может выполнить функции известной опоры в демократических процессах, функции общечеловеческого, ценностно-ориентационного критерия. В конституции, рассчитанной на подобное общество, права человека вмонтиру-

ются в общую правовую ткань, наряду с другими государственно-правовыми институтами.

Иную, значительно более высокую миссию призваны выполнить права человека в свободном, демократическом обществе (на что, по замыслу, и нацелен альтернативный проект). Здесь категория прав человека может выполнить глубокие, определяющие функции, причем двоякого рода.

Во-первых, права человека могут быть самостоятельным и высокозначимым «блоком» свободного, демократического общества; притом, в принципе, независимо от иных демократических учреждений: президентской власти, парламента и др. Для этого, правда, права человека должны получить максимальную, предельную защиту со стороны закона и суда, а по своему построению и содержанию – стать юридическим институтом и, в соответствии с этим, отличаться рядом свойств: конкретностью, формализованностью, возможностью фиксировать каждый случай отступления от права, «восстанавливаемостью» – с тем, в частности, чтобы они поддавались судебной защите. Но если такое положение достигнуто, то юридический институт прав человека становится своего рода «ареалом свободы». И здесь складывается такая ситуация, когда государственная власть в принципе, так сказать по идее, уже не в состоянии стать тоталитарной; она может быть сколь угодно сильной, даже остро-авторитарной, но она уже не в состоянии выполнить главное, «дьявольское» предназначение тоталитаризма – сломать человека, тотально подчинить его душу и мысли. Юридический институт прав человека, если вообразить такую (впрочем, с большими произвольными допущениями, довольно фантастическую) ситуацию, уже не позволит при надлежащем использовании соответствующих юридических возможностей сделать это.

И во-вторых, что не менее существенно, права человека, применительно к свободному, демократическому обществу, становятся исходным пунктом, точкой отсчета, камертоном при построении всей системы государственности. Именно тогда, как это и предлагается в альтернативном проекте, вся система демократических учреждений должна «подстроиться» под права человека. Именно неизбежность, абсолютность прав человека делает неизбежным такое построение государственной власти, ее законодательной и исполнительной ветвей, когда власть была бы умеренной, упорядоченной, не содержала бы в себе потенции перерастания в абсолютную власть, в тиранию. И судебная власть в этом случае не может замкнуться на одних лишь надзорно-контрольных функциях в отношении «других властей», а призвана, прежде всего, служить каждому человеку, обеспечению его неотъемлемых прав и свобод.

Здесь, однако, есть непростой вопрос. Это – определение содержания и объема прав человека, разграничение основных прав и свобод, с одной стороны, а с другой – прав (а также обязанностей) гражданина, и отсюда – особенностей их конституционного режима...

Права человека и права гражданина

На первый взгляд представляется весьма привлекательным объединить, «синтезировать» под одной рубрикой все права, свободы человека, гражданина, личности, и при этом – усматривать в самом таком объединении максимально широкий демократический подход. В этом случае и право на неприкосновенность личности, и право на жалобу вышестоящему начальнику, и право «на жилье», «на отдых» и др., объявленные советскими конституциями, – всё это, вместе взятое, разделенное только по предмету (политические права, экономические, личные и др.), рассматривается одинаково как «естественные» права, принадлежащие «каждому от рождения». Для этого есть и известные предпосылки в международных документах. В состав прав, предусмотренных Всеобщей декларацией прав чело-

века ООН 1948 года, включены и «право на труд», и «право на отдых», «право на образование» и другие (ст. 22, 23, 24 и др.), впервые провозглашенные советской Конституцией 1936 года.

Однако достоинства такого широкого подхода обманчивы. После 1948 года при разработке более конкретизированных актов – Пактов о правах человека – в ООН было подготовлено уже два документа: один – о «собственно» правах человека, другой – о социально-экономических и культурных правах. Но и в этом случае широкая трактовка так и не была признана США, рядом других стран и не признана до сих пор, рассматривается ими как «социалистическая» интерпретация, размывающая строгую категорию прав человека, тех именно прав, которые призваны противостоять тирании, тоталитаризму и выражать действительную свободу людей.

Нужно, наконец-то, признать, что в подобных возражениях немало правды (добавим сюда и то, что само включение во Всеобщую декларацию 1948 года упомянутых «социалистических» прав, взятых из Конституции СССР 1936 года, объявлялось, по нашим былым утверждениям, победой «нашего» мировоззрения и советской дипломатии).

В чем здесь дело? А в том, что, действительно, существуют качественные различия между двумя группами прав.

Первая из них – это действительно абсолютные и неприкосновенные права человека, олицетворяющие достоинство и свободу «каждого от рождения» и противостоящие насилию и тирании, – право на жизнь, право на личную неприкосновенность, свобода совести, свобода мысли, творчества, ряд других, им аналогичных.

В то же время есть «права» иного разряда, тоже весьма важные для людей, но всё же другого предназначения (получить от государства социальное обеспечение, жилье, право на достойную медицинскую помощь и т. д.). Это – экономические, социальные, культурные права, которые по самой своей природе не могут быть абсолютными; они неотделимы от обязанностей гражданина и зависят от экономического положения страны, деятельности соответствующих государственных органов и выражают, в основном, цели, идеалы, намерения, к которым реально, а чаще по одним лишь декларациям, стремится общество.

После некоторой эйфории в первые послевоенные годы в отношении второй из упомянутых групп прав и успехов советской дипломатии в этой области, в мировом общественном мнении возобладал, все же, основательный подход к категории прав человека – подход, последовательно гражданственный перед лицом тоталитаризма, гитлеровского и сталинского. Примечательно в этой связи, что именно в конституции Испании, освободившейся из-под тоталитарного режима, реальные права человека были структурно выделены в Конституции под рубрикой «основные права и свободы» (секция первая главы второй) и подчинены особому высокозначимому конституционному режиму.

Хотелось бы обратить внимание на то, что указанные две группы человеческих прав имеют разные акценты в их соотношении с государственной властью. Первая группа – это права, которые нацелены на то, чтобы с опорой на закон и суд защитить человека от произвола власти. Вторая же группа прав такова, что они во многом «уповают» на социальную, благотворительную, попечительскую деятельность властей в социальной сфере, жилищном строительстве, здравоохранении и т. д.

Естественно, разорвать, разделить непроходимой гранью рассматриваемые группы прав нельзя. В большинстве экономических, социальных, культурных прав проявляются, «светятся» естественные, прирожденные права человека. В особенности это относится к такому специфическому подразделению прав, которые охватываются сферой правосудия, процессуально-процедурных вопросов (они

вообще неотделимы от правосудия и требуют при систематическом изложении текстуального «приближения» к нему). Тем не менее «чистота» подхода к правам человека, выделение «основной» их группы, важны, помимо принципиальной стороны дела, также в связи с необходимостью обеспечения их особого конституционного режима...

Конституционный режим основных прав и свобод

Именно указанные выше основные права и свободы служат отправной, естественно-правовой основой для построения государства, его механизма, подразделений. И они же призваны дать тот «ареал свободы» для человека, который должен быть неотъемлемой частью свободного, демократического общества.

В связи с этим на основные права и свободы должен распространяться особый, высокозначимый конституционный режим.

Вот как предполагается это осуществить по альтернативному проекту.

Прежде всего, именно в отношении их действуют такие содержащиеся в Конституции определения, как «абсолютные», «неотчуждаемые», «принадлежащие от рождения», выступающие в качестве «непосредственно действующего права», притом – вступающие в действие немедленно на всей территории (независимо, в частности, от федеративного договора, – п. 5 ст. 2). Как раз по отношению к данной группе прав введено правило о том, что, помимо приведенного перечня, должны иметь надлежащую силу и другие общепризнанные права и свободы, и они понимаются в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами.

Самый же существенный момент – вот в чем. В согласии с идеей незыблемости конституционных положений (впервые сформулированной в Конституции США) установлено, что «в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека»; отдельные же ограничения, в соответствии с общепризнанными международно-правовыми нормами, могут устанавливаться не во всяких, а лишь в особых, органических (конституционных) законах, принимаемых в особом порядке. Словом, законодатель – законодатель! – не вправе произвольно ограничивать основные права и свободы. Если же он попытается сделать это, то вступают в действие нормы о пересмотре конституции.

Конституционный режим основных прав и свобод по альтернативному проекту предполагается сделать настолько твердым, чтобы эти права и свободы при установлении чрезвычайного или военного (осадного) положения в целом остались неприкосновенными и могли быть ограничены лишь некоторые из них, по конституционно установленному перечню, и то в каждом случае – по особому указанию Законодательного собрания.

То обстоятельство, что на основные права распространяется единый конституционный режим, избавляет от необходимости такого построения текста, внешне, по пропагандистским соображениям, эффектного, когда каждому из прав посвящается самостоятельная статья Конституции, формулируемая по словесной схеме «каждый имеет то-то и то-то» (что, помимо всего прочего, создает впечатление, в соответствии с которым именно государство предоставляет людям основные права и свободы, тогда как его миссия ограничивается тем, что оно должно их «признавать и гарантировать»). Поэтому в альтернативном проекте основные права и свободы получили соединенное – по 15 позициям – нормативное изложение в ст. 3. И только в отношении частной собственности (по основаниям, о которых уже говорилось), а также в отношении ограничений, касающихся физической и моральной неприкосновенности, принудительного труда (по основаниям исключительной важности проблем и особых правил, нуждающихся в первоочередном закреплении, – презумпция невиновности, запрещение принуди-

тельного труда) сформулированы дополнительные конституционные положения в ст. 4, 5, 6 проекта...

Обеспечение, а не просто защита

Права и свободы человека нуждаются не просто в защите, а в обеспечении. Разумеется, не в том виде, в каком это обеспечение предусматривалось в советских конституциях, когда в отношении «права на труд», «права на отдых» с пафосом говорилось о социалистическом строе, ликвидации безработицы и т. д., а в виде широкой системы государственно-правовых мер, призванных не только гарантировать действенную реакцию на каждый случай нарушения прав, но и на то, чтобы предупредить, по возможности исключить, сами нарушения.

Что здесь имеется в виду (далее – приводятся материалы альтернативного проекта)? Наряду с установлением общей и высшей публичной обязанности государства, всех его органов и должностных лиц защищать права и свободы, предусмотрено упразднение («навсегда»!) органов, направленных на поправление прав и свобод, – таких, как тайный политический сыск, цензура. Далее, в отличие от общедозволительного порядка для граждан, их объединений («дозволена любая деятельность, кроме запрещенной и ограниченной законом» – ст. 3), в отношении государственных органов действует иной, «зеркальнообратный» порядок – порядок строго разрешительный, т. е. государственные органы и должностные лица – обратим внимание на этот пункт! – «...могут совершать только такие действия, в таких формах и процедурах, которые прямо предусмотрены законом» (п. 3 ст. 18). В отличие от положения граждан, их объединений, здесь – никакого усмотрения, «самодеятельности», полная, абсолютная связанность с законом. И, наконец, – это строгая ответственность должностных лиц, призванных судом виновными в нарушении прав человека (в этом случае они, кроме предусмотренного законом наказания, «лишаются права занимать соответствующую публичную должность»).

Вместе с тем, разумеется, должно быть гарантировано самое широкое и беспрепятственное использование каждым гражданином самой надежной формы защиты прав и свобод – судебной защиты. Право на судебную защиту – ненарушимое право; здесь, по проекту, «законодательные органы не должны издавать акты, ограничивающие это право». Да и к тому же – как предлагается – гражданин может обращаться за защитой своих прав в Верховный суд страны (и в «сам» Верховный Суд, и в Палату по правам человека), а также в международные суды, решения которых для всех органов и должностных лиц Российского государства обязательны (ст. 20)...

Социальная деятельность государства, права и обязанности граждан

Все другие человеческие права, за рамками основных прав и свобод – притом здесь уже в соединении с обязанностями, – рассматриваются как «права граждан» («права и обязанности гражданина»).

В такой постановке проблемы есть известная условность, так как по своей основе право гражданства – это также основное, прирожденное право человека. И к тому же здесь имеется в виду весь широкий спектр экономических, социальных, культурных прав гражданина. Но важно то, что все они так или иначе вытекают из самой принадлежности человека к данной политической и гражданской общности и в соединении с обязанностями характеризуют все грани и весь спектр юридического статуса человека как гражданина данной страны (в области военной службы, семейных отношений, образования и т. д.).

Есть здесь принципиальные вопросы. Такие, в частности, как возраст совершеннолетия (ст. 9-я – 18 лет), недопустимость привилегий; принцип, в соответствии с которым никакая личная повинность, налоги и сборы не могут быть установлены иначе как на основании закона; ряд других (ст. 10).

В то же время принципиально, что права гражданина, а также его обязанности (думается, в конституции и последние должны быть обозначены «по минимуму»: обязанность защищать Родину, уплачивать налоги) взаимообусловлены с социальной деятельностью государства.

Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что социальная деятельность государства в современных условиях, в высшей степени необходимая и важная в особенности в отношении малоимущих, стариков, детей, инвалидов и т. д., в то же время по отношению к трудоспособному населению имеет и известную негативную сторону: она ставит человека в зависимое от государства положение и, осуществляемая за известными рамками, может порождать – что наглядно и продемонстрировал «реальный социализм» – иждивенческие нравы, атрофию трудовой морали, утрату у людей трудовой инициативы и ответственности. Думается, здесь весьма существенно не потерять грани, которые предопределяет своего рода «существование» социальной, попечительской деятельности государства – с одной стороны, а с другой – свободы людей, опирающейся на собственность и состоящей в своей инициативной деятельности. Ввиду этого в альтернативный проект включена норма, которая сформулирована так: «Деятельность государства по обеспечению социальных нужд населения не должна приводить к замене государственным попечительством экономической свободы и активности, хозяйской и предпринимательской инициативы, возможности гражданина самому достигать экономического благополучия для себя и своей семьи».

VI ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Сверхзадача

Есть в нашей жизни проблемы нерешаемые, точнее, почти нерешаемые, трудно поддающиеся решению. Но без стремления достигнуть такого решения, максимально приблизиться к нему, вообще не нужно браться за дело, за саму эту проблему. Именно таковы вопросы демократической организации государственной власти. Здесь нужно совместить вещи, казалось бы, несовместимые – с одной стороны – демократию, выраженную в формировании и деятельности представительных органов, а с другой – эффективность, действенность государственной власти, ее силу.

И все это – наиболее сложный момент! – следует сочетать с тем требованием современной демократической государственности, обусловленным приоритетом прав и свобод человека в государственной жизни (и это взято за основу в альтернативном проекте), которое должно реализоваться в умеренности, упорядоченности государственной власти, исключающих саму возможность ее перерастания, перерождения в тоталитарный режим.

Такова сверхзадача: достигнуть осуществления принципов демократизма, одновременно – сильного государства, и притом – при обеспечении умеренности, упорядоченности государственной власти.

Главные звенья, с помощью которых возможно осуществление этой сверхзадачи, – разделение властей, федерализм, формирование муниципальной власти, отграниченной от государственной...

Решающее звено – разделение властей

Разделение властей, «придуманное» великим французским просветителем, крупным мыслителем, философом Ш. Монтескье, а затем чуть ли не буква в букву реализованное в Конституции США, – незаменимый способ демократического

упорядочения и умирения власти. Суть его, как всякого крупного человеческого свершения, предельно ясна: по своему функциональному предназначению государственная власть подразделяется на три основные ветви, на три «власти» – законодательную, исполнительную и судебную; и нужно их уравновесить, оснастить взаимными сдержками и противовесами. И тогда государство по самой своей организации не сможет стать диктаторским, тираническим, а по содержанию своей деятельности не пойдет дальше, чем ему предназначено быть в свободном, демократическом обществе, – обеспечивать его свободное, «саморегулирующееся» развитие.

Однако и по тому, казалось бы, предельно ясному вопросу, в ходе развития современной государственности возникли сложные проблемы. Они касаются в основном законодательной и исполнительной ветвей власти («третья власть», правосудие – тема особая; она и будет рассмотрена особо, в следующей главе)...

Реальности

Проблемы, связанные со взаимоотношениями законодательной и исполнительной власти, затрагивают две существенные стороны развития современной государственности.

Первая из них касается самой сути и силы этих двух ветвей государственности. Ведь «законодательная власть» – власть парламента, т. е. высшего представительного органа страны, который в ходе становления демократии предстал в качестве выразителя воли народа, нации. К тому же, как и положено в правовом государстве, – законы, издаваемые этим высшим представительным органом страны, призваны стать основой всех других видов государственной деятельности. Но вот какой парадокс: реальная «государственная мощь» должна обеспечивать интересы людей, но сосредоточена не в законодательной сфере, а в управленческом аппарате; именно в нем концентрируется вся работа по практическому решению государственных дел, да и сам-то этот аппарат состоит из учреждений, обладающих реальной силой воздействия и принуждения, – полиции, налоговых инспекций, армии, карательных подразделений власти и т. д. И, что особенно характерно, по мере развития общества – вхождения его в промышленную, индустриальную, а затем в постиндустриальную стадию – многократно возрастает количественно, усложняется по функциям и обретает всё новые и новые рычаги воздействия на общественные процессы именно этот управленческий аппарат, который «по теории» должен быть сугубо исполнительным.

Одновременно с этим в развитии государственности обнаруживается и вторая сторона. Это – необходимость интеграции власти, формирования в ней такого звена, которое, олицетворяя и представляя государство в целом, могло бы объединить «разделенные» власти, в той или иной мере обеспечивая их согласованное функционирование. Подобное звено – институт Главы государства. Причем если в странах, где сохранилась конституционная монархия, эту функцию, в основном на церемониальном уровне, как правило, стал выполнять монарх, ограниченный парламентом, то при республиканской форме правления подобная миссия в большинстве стран, осуществляющих принцип разделения властей, выпала на долю должностного лица, возглавляющего управленческо-исполнительную администрацию, – на Президента. И хотя Президент – как, например, в США – по-прежнему остается руководителем управленческо-исполнительного аппарата, его высшие государственные функции, и в особенности государственный статус, сосредоточились все же на деятельности, характерной для Главы государства.

Вот тут-то и кроется разгадка того, почему столь острое значение приобрела в политической жизни многих стран проблема двух разновидностей демократических республик – парламентской и президентской. «Яблоко раздора» здесь –

это правительство, возглавляющее управленческо-исполнительную администрацию, главную «ударную силу» государственной власти. И хотя возникло немало вариаций в самом осуществлении парламентских и президентских функций, в системе выборов, назначений и форм деятельности парламентских, президентских и правительственных учреждений, а отсюда ряд промежуточных, смешанных разновидностей – всё это, однако, не устраняет центрального вопроса, касающегося «яблока раздора»: под чьим контролем находится правительство, концентрирующее управленческую силу, – парламента (парламентская республика) или президента (президентская республика)?...

Тупики и развязка (общие подходы)

Начну сразу же с «развязки».

Исходный пункт такой «развязки» состоит в следующем. Развитие современной государственности свидетельствует о том, что оптимальным путем решения проблем, возникающих в области взаимоотношений между законодательной и управленческо-исполнительной властями, являются смешанные, «сбалансированные» формы, в которых сообразно традициям, другим особенностям данного государства используются в определенном сочетании элементы, относящиеся и к президентской, и к парламентской республике. Причем одним из примечательных явлений в организации государственной жизни современности стало выделение, наряду с институтом Главы государства, института самостоятельного и ответственного Правительства.

Что же получится, если не идти дальше системы разделения властей в «чистом виде», замыкаясь – как это, увы, было у нас в последнее время при обсуждении конституционных вопросов – только на дилемме: либо президентская, либо парламентская республика?

Вот в этом случае и возникает тупик, первый непреодолимый тупик. Ибо в нынешних условиях, когда выделился институт Главы государства и многократно возросла сила управленческо-административного аппарата, «чисто» парламентский вариант и «чисто» президентский вариант, каждый взятый в отдельности, не только не дает каких-либо позитивных результатов, но объективно разрушает сам принцип разделения властей, приводит либо к параличу власти, к многовластию, либо к неоправданной концентрации власти (если даже до предела усилить сдерживающую роль «третьей», судебной власти). И, кстати, Ленин в апреле 1917 года напрасно противопоставлял «Республику Советов» «парламентской республике»: система Советов с их принципом «всевластия» – не что иное, как доведенная до логического предела система парламентаризма, претендующая на абсолютную политическую власть.

Но не только «чисто» президентский или «чисто» парламентские варианты приводят в современных условиях к отрицательным результатам. Тупиком – вторым непреодолимый тупиком! – грозит также и одно лишь прямое смешение президентской и парламентской форм демократической республики. Попытки подобного рода могут закончиться и, судя по всему, будут заканчиваться тем, что характерно для «чисто» парламентской версии – ситуацией многовластия, политической неустойчивости, паралича власти, когда глава государства и парламент, осуществляющий непосредственный контроль над управленческой администрацией, «держат друг друга за руки».

Вот почему, хотя исходным пунктом для развязки тупиков в области соотношения законодательной и управленческо-исполнительной властей являются смешанные, сбалансированные формы, должно быть одновременно признано, что суть «развязки» – в достижении доминирования одной из этих двух форм, причем –

скажу еще раз – в условиях, когда самостоятельный и ответственный статус получает правительство.

Такое доминирование и характерно для современных конституционных систем, демонстрирующих свою жизнеспособность и эффективность. Характерный пример – конституционное устройство Франции, где при известном парламентском контроле (вынесение резолюции порицания или неодобрение правительственной программы, влекущие отставку правительства) президент назначает премьер-министра и по его предложению министров, а также председательствует в совете министров, но – знаменательный штрих – не совмещает свой пост с должностью премьер-министра.

В то же время хотелось бы обратить внимание на тот опыт, который накапливается в конституционной практике Германии, где при известном доминировании парламента, избирающего президента, последний по представлению главы правительства, канцлера, назначает членов правительства, увольняет канцлера по просьбе парламента и может даже распустить парламент в случае правительственного тупика...

«Наши» уроки, тупики

Решая вопросы организации власти в России, ни на мгновение нельзя забывать живучесть советских традиций, порождаемого ими стремления ко «всевластию» представительных органов (Советов), а также гигантскую сложность решаемых государством проблем и, плюс к тому, – огромность и разноликость многонациональной России, требующих единения, формирования государственно-правовых институтов, способных обеспечивать государственную интеграцию (с учетом, разумеется, российских государственно-правовых традиций).

И кроме того, есть еще и опыт – «наш» опыт, свидетельствующий о «наших» тупиках и опасностях.

Главный из таких уроков состоит в том, что доминирование парламентского контроля над правительством неприемлемо – сейчас и, судя по всем данным, в обозримом будущем. Объясняется это не только невозможностью формирования в ближайшее время партийно-политической структуры, способной образовывать устойчивое большинство в парламенте (иначе – многовластие, политический паралич, крах), но и острой необходимостью стабильной и эффективной власти в огромном многонациональном государстве, и в неменьшей степени – какой-то неодолимостью въевшихся во все поры политической жизни советских традиций. Наглядное подтверждение этому – не ослабевающие, упорные попытки Съезда народных депутатов, Верховного Совета постоянно вторгаться в сам ход осуществления правительственных программ, желание подчинить управленческо-административные дела своему постоянному контролю.

Другой урок, перекликающийся с мировым опытом, должен быть постоянно в поле зрения. Это – тревога, связанная с потенциальной опасностью прямого соединения института Главы государства с административно-управленческим аппаратом, карательными органами. И хотя ныне ситуация резко изменилась, Глава государства – Президент России – сейчас стал символом и надеждой демократии, и вдобавок к этому можно надеяться, что демократические, антитоталитарные силы на нынешнем этапе достаточно могущественны, чтобы противостоять тенденциям, вытекающим из подобного соединения; тем не менее здесь важен принцип как таковой, и необходимость достижения максимальных гарантий на будущее («навсегда»), предупреждающих возможное неблагоприятное развитие событий.

Принципиальная неприемлемость прямого соединения института Главы государства (президентства) с управленческо-административной властью диктуется и

другими причинами, связанными, в основном, с живучестью советских традиций, стремлением представительных органов ко «всевластию».

Прежде всего, ослабевает решающая миссия президентства – осуществление функций Главы государства. Возглавив, например, правительство, он «спускается» на уровень управленческо-исполнительной администрации (не случайно поэтому на шестом, апрельском (1992 года) Съезде народных депутатов, вопреки статусу Президента, именно от него потребовали «отчета» по правительственным делам). Вместе с тем подобная ситуация заряжена противостоянием института президентства с парламентом, его руководством, так как сама по себе управленческо-исполнительная деятельность в принципе является подзаконной, что подогревает упомянутые стремления парламента ко «всевластию». Наконец, в сущности, правительство сходит со сцены как самостоятельное и ответственное подразделение; и тогда, помимо всего иного, возникают, например, такие казусы, когда от имени всего правительства «в отставку» подает заместитель премьер-министра, а принимает (или не принимает) отставку Президент, который одновременно является премьер-министром...

Вариант альтернативного проекта

Сначала, для того чтобы ввести в курс дела, представляется необходимым привести два первых пункта ст. 33 проекта. Вот этот текст:

«Статья 33.

1. Умеренность, упорядоченность и действенность государственной власти в Российской Федерации обеспечиваются разделением законодательной, исполнительной и судебной властей, федеральным построением государства, разделением государственной власти и муниципального самоуправления, а также всенародным избранием главы государства – Президента Российской Федерации, воплощающего единство российской государственности и обеспечивающего незыблемость конституционного строя, согласованную деятельность всех подразделений государства.

2. Государственную власть в Российской Федерации представляют и осуществляют:

законодательную власть – Федеральное законодательное собрание;

исполнительную власть – Правительство Российской Федерации;

судебную власть – Верховный Суд Российской Федерации, суды и судьи системы правосудия Российской Федерации...»

Самое существенное здесь вот что. Альтернативный проект в отличие от официального проекта (предлагающего нечто «смешанное», с весьма большим расчетом на доминирование парламента по отношению к управленческо-административному аппарату) сориентирован в основном на *современную президентскую республику*.

При определении конкретных форм соотношения законодательной и исполнительной власти в альтернативном проекте поставлена задача воплотить в этих формах достоинства президентства как института Главы государства, ценности современного парламентаризма и преимущества института самостоятельного, ответственного правительства. Отправным материалом для такого построения с учетом отечественных традиций послужили достижения мировой конституционной культуры, в частности преимущества статуса всенародно избираемого Президента, его весомых конституционных прерогатив, самостоятельного и ответственного правительства.

Принимая во внимание достоинства иных вариантов (один из них предложен самим Президентом – назначение премьер-министра с согласия парламента и др.),

можно указать на такие основные черты построения законодательной и исполнительной власти, предлагаемого в альтернативном проекте:

Президент (глава государства, который в основном контролирует правительство, но непосредственно его не возглавляет) – обеспечивает согласованное и скоординированное взаимодействие всех государственных органов, предлагает – и только он предлагает! – Законодательному собранию кандидатуру премьер-министра для утверждения, ставит вопрос об отставке правительства, а в случае правительственного тупика может распустить Законодательное собрание, назначает общенародный референдум (ст. 43, 57, 58);

Федеральное законодательное собрание (оно по отношению к правительству осуществляет лишь высший парламентский контроль, не вмешиваясь в правительственные дела, зато функции по законодательству всецело сосредоточены у него и могут быть, согласно строгим правилам, на короткий срок частично переданы только правительству) – назначает по представлению Президента премьер-министра, а по представлению последнего – министров; однако и Президент (в отношении премьер-министра) и премьер-министр (в отношении своей «команды») согласно правилам, предусмотренным в проекте, в конечном итоге могут «настоять на своем», на предлагаемых ими кандидатурах, обеспечивая тем самым устойчивость, определенность и единство исполнительной власти;

Правительство (самостоятельно и ответственно осуществляет управленческо-исполнительную деятельность, находясь в то же время под «тройным контролем» – под эгидой Президента, парламентским контролем при назначении премьер-министра, а также в отношении своих актов – под административно-юрисдикционным контролем Государственного совета – высшего органа административной юстиции) – формируется по представлению премьер-министра, причем, при возражении против кандидатуры того или иного министра в Законодательном собрании, глава правительства может поставить вопрос о своей отставке, и отклонение этой отставки (принятие отставки ведет к правительственному кризису со всеми вытекающими отсюда конституционными последствиями) означает утверждение кандидатуры министра.

Предлагаемое в альтернативном проекте построение законодательной и исполнительной власти (как показывают конституционный опыт других стран и проигрывание возможных «сценариев») позволяет решить одну из ключевых задач оптимальной демократической организации государственной власти – осуществление Президентом, при полном «суверенитете» законодательных полномочий парламента и его высшем контроле, – высокозначимых функций Главы государства и, следовательно, обеспечение единства и целостности государства, скоординированность и согласованность функционирования в режиме демократии всех его властных подразделений. В известном отношении деятельность Президента (как и по упомянутому «президентскому» варианту) становится «над» деятельностью исполнительной и даже парламентской, но именно «в какой-то мере» и исключительно в смысле последовательно демократического обеспечения скоординированности, гармонизации, а не диктаторского возвышения, как могло бы показаться тому, кто исповедует одни лишь категории тоталитарной власти.

В то же время предлагаемое построение государства призвано в связке «Президент – Правительство» обеспечить действенность, эффективность исполнительной власти. И что важно – на началах демократии, умеренности и упорядоченности власти. Если даже взять «крайний» сценарий и предположить, что в силу неотвратимых обстоятельств возникает потребность осуществления в соответствии с законом жестких, авторитарных мер, то их проведение в жизнь при данной системе власти замкнется – под упомянутым ранее «тройным контролем» – лишь на уровне правительственной деятельности. И это даст возможность, обеспечивая

действенность и непреклонность исполнительной власти, сохранить общий уровень демократического режима, в том числе – высокий статус Президента как гаранта Конституции, прав и свобод граждан, свободного демократического конституционного строя...

Достоинства федерализма

Оптимальная демократическая организация государственной власти не сводится к одному лишь принципу разделения властей, при всей, разумеется, его важности и незаменимости. Существенное значение в этой области имеют также федеративные начала.

К сожалению, в господствовавшей в нашей стране ортодоксальной марксистско-ленинской теории федерализм связывался в основном с «национальным вопросом», получившим к тому же классово-силовую интерпретацию, преимущественно обосновывающую «право на выход», «отделение», «национальный суверенитет» как достаточное основание для односторонних действий.

Между тем федерализм – более широкая проблема, связанная, как и разделение властей, с упорядочением и умирением власти, с достижением такой ее децентрализации, когда бы произошло разделение власти также и по вертикали – между «центром» и «местами». Понятно, что рассматриваемые в таком ключе вопросы федерализма распространяются и на сферу национальных, а также межнациональных отношений.

В связи с этим в альтернативном проекте федерализм («Федерация», раздел первый главы второй) рассматривается как общее начало построения Российского государства. Соответствующие вопросы помещены в тексте проекта сразу же после первого главного блока «Конституционного строя» – прав и свобод граждан.

Исходное положение, заложенное в проекте, таково: и республики, и губернии (традиционные для России укрупненные образования, которые должны охватить в ряде случаев несколько областей, краев) – субъекты федерации, осуществляющие на соответствующей территории функции государственной власти, по принципу – «все функции, за исключением тех, которые закреплены за федерацией в целом». Способ такого закрепления один: это в соответствии с Конституцией, которая «бронирует» некоторые сферы государственной жизни и функции за федерацией, – федеративный договор. В проекте предусмотрено, в частности, что: «...к ведению республики может быть отнесено решение любых государственных дел, включая законодательство, поскольку это не затрагивает федеративное устройство, территориальную целостность Российской Федерации, права и государственные полномочия других субъектов федерации и не противоречит требованиям кодифицированных законов, принятых Российской Федерацией в соответствии с Конституцией» (ст. 23).

«Изюминка» альтернативного проекта – возможность индивидуальных договоров, т. е. договоров между отдельным субъектом Федерации, республикой и Федерацией в целом, – возможность, все более признаваемая и в нынешней конституционной практике. Может показаться, что это – неоправданное, «опережающее» нормативное решение, способное привести к разному в конституционных порядках страны. Думается, подобные опасения неоправданны. Напротив, судя по всему, твердый и устойчивый конституционный правопорядок может быть достигнут только на договорной основе, когда, в соответствии с едиными конституционными принципами, ее демократическим духом, будут учтены национальные, народные, культурные, иные особенности, традиции, существующие на данной территории, республике, губернии. В отличие от «многоэтажных» государственно-национальных образований – «союзные республики», «автономные республики», «автономные области» и т. д., насажденных в прошлом, в альтерна-

тивном проекте предусматривается переход на систему единых, однопорядковых государственно-национальных образований – «республик» (интересы отдельных наций, народностей, помимо республик, должны получить выражение в «автономных национальных сообществах», в том числе в этнических, национально-культурных автономиях, – ст. 22 и др.).

И – вопрос, от которого мы все время стремимся уйти, будто бы его нет, но от которого, по-видимому, уйти не сможем и не должны – как по существу проблемы, так и потому еще, что соответствующий настрой глубоко внедрился в национальное сознание. Это вопрос о «праве выхода» республики из федерации. Вполне понятно, что каждая нация, народность по своему ненарушаемому естественному праву должна иметь возможность только своей волей решать свою собственную судьбу. Но в то же время и правовое государство не может постоянно находиться под угрозой распада, наступающего вследствие реализации «права на выход», которое по самой своей природе предполагает правомерность такого рода односторонней акции.

И вот в проекте предлагается решение, которое должно стать достойной альтернативой «праву на выход», но не иметь столь разрушительного потенциала. Нация, народность должны решить свою судьбу при вступлении в федерацию, т. е. при заключении федеративного договора. Для обеспечения такого порядка предусматривается следующий юридический механизм: «положения Конституции (кроме положений раздела первого главы первой, т. е. об основных правах и свободах человека) действуют на территории республики после заключения ею Федеративного договора». А после того, как заключен договор, общий конституционный порядок становится строгим и неукоснительным – таким, когда он уже не будет непрерывно испытываться на прочность, находиться под дамокловым мечом «выхода»...

Государственная и муниципальная власть

Еще одно важное начало организации демократической государственной власти по альтернативному проекту – это обособление муниципального самоуправления, придание и ему надлежащего «суверенитета», его особое построение.

Один из оппонентов альтернативного проекта заметил, что проект в отношении местных органов власти проводит идею «десоветизации». Лучшего комплимента – не скажешь. Существенный и очевидный порок системы Советов состоит как раз в том, что она целеустремлена на то, чтобы «все Советы», «снизу доверху», одинаково были органами государственной власти. Вот мы и получили на местах – в областях, краях, округах, районах, городах, поселках и т. д. – тысячи «парламентов» и «правительств», претендующих на то, чтобы быть полностью суверенными, по-настоящему законодательствовать и править. Политический хаос, многовластие – вот результат всего этого.

Между тем власть на местах – не государственная, а муниципальная. Она основывается не на суверенитете, а на самоуправлении населения, и строится так, чтобы быть целиком направленной на обеспечение его нужд. Притом – с учетом местных традиций, сложившихся обыкновений, особенностей культуры. С таким именно расчетом и предлагаются соответствующие нормативные положения в альтернативном проекте.

Основной организационный принцип самоуправления, соответствующий мировому и отечественному опыту, – это такое его построение, когда ответственность за ведение местных дел возлагается на избранное населением лицо – главу администрации (городского голову, мэра, казачьего атамана, старшину и т. д.) и формируемые при нем исполнительные органы (ст. 72). Вместе с тем предусмотрено избрание населением городских, земских собраний, коллегиальных муници-

пальных органов. Главное же – что и закреплено в ст. 71 проекта – муниципальное самоуправление автономно от государства, и его органы «...ведут все местные дела самостоятельно, поскольку это соответствует Конституции, федеральным законам и законам республик»...

VII ВОЗВЫШЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

«Разделение властей», но не только это

В последнее время внимание к суду повысилось; в особенности в связи с принципом разделения властей, образованием в России Конституционного Суда. Это – хорошо.

В то же время здесь есть и негативная, теневая сторона.

Суд как субъект «судебной власти», существующей наряду с другими «властями» – законодательной и исполнительной, – это лишь одна из граней более широкой, самостоятельной, высокозначимой проблемы – правосудия в свободном, демократическом обществе.

Тут важно с необходимой определенностью обозначить вот какой момент. Ранее в этой работе уже были рассмотрены два основных блока, определяющих и реализующих свободу людей, действительную демократию, свободный, демократический конституционный строй. Это, во-первых, прирожденные, абсолютные и незыблемые права и свободы человека; во-вторых, демократически организованная, упорядоченная и умеренная государственная власть, затрагивающая в основном деятельность законодательных и управленческо-исполнительных, административных органов. Третий же блок (ранее об этом, когда рассматривалась концепция конституции, уже говорилось) – это как раз правосудие.

Правосудие – это не просто государственно-правовая форма, обеспечивающая охрану интересов людей и организаций, защиту против преступных посягательств, определение наказания правонарушителям и т. д. Правый суд являет собой само бытие свободы в обществе; через правый суд – правосудие – люди утверждают свое достоинство, прирожденные права и свою самоценность, такие истинно человеческие начала жизни людей, как справедливость, мир, согласие, истина и правда.

И чтобы не застревать на столь высоких, в чем-то, наверное, высокопарных характеристиках суда, надо сказать о наших земных проблемах, связанных с демократическим развитием и демократическими реформами. Хотя бы о двух из них.

Во-первых, сколько бы и как бы торжественно мы ни провозглашали права и свободы человека, они в конечном счете – ничто, ноль, пустой звук, если нет независимого и сильного суда, способного защитить, обеспечить права людей.

Во-вторых, сколько бы и какие бы замечательные законы ни принимались с целью ограждения человека, объединений людей от произвола власти и чиновничьего своеволия, – ничего не получится до тех пор, пока не утвердится в обществе полностью независимое правосудие, способное противостоять власти, ее «хотению» и напору.

И вот здесь пора вернуться к вопросу о разделении властей.

Это замечательно, что в России образован и действует Конституционный Суд. Тем более, что за короткое время Конституционный Суд уже продемонстрировал свою гражданственность, стремление стойко защищать конституционные начала общества.

Тем не менее о существовании действительно «третьей власти», способной противостоять произволу и надежно защитить права человека, допустимо говорить только тогда, когда такую функцию будет выполнять все правосудие.

И суть, высокое предназначение «третьей власти» состоит не только и, пожалуй, даже не столько в том, чтобы признавать отдельные акты тех или иных органов, должностных лиц неконституционными, приструнивать органы, выходящие за пределы своей компетенции, а то и просто разбирать «околозаконные» дразги между подразделениями высшего эшелона власти, сколько в том, чтобы стать непреодолимым барьером на пути произвола власти, ее своеволия, – неважно, в чем эти произвол и своеволие проявляются: в нормативных ли документах или в индивидуальных акциях должностных лиц.

К этому нужно добавить еще вот что. Ныне в России сложились три качественно отличные судебные системы – Конституционный Суд, «общая», возглавляемая Верховным Судом, и арбитражный суд. Между тем разъединенные судебные системы – это уже не сила, способная противостоять власти, ее произволу.

Именно поэтому в альтернативном проекте соответствующая глава обозначена не как «судебная власть» или каким-то иным близким термином (вряд ли вообще уместно вносить в текст закона научные категории), а так, как это предопределено данным блоком свободного, демократического общества, – «Правосудие» (глава шестая)...

Конституционные вехи правосудия

Правосудие – настолько важный, существенный блок свободного, демократического общества, что его основные параметры («вехи») требуют более основательного, чем порой это принято считать, закрепления, т. е. не только путем фиксирования прав граждан по вопросам правосудия и указания на звенья судебной системы или, как ныне, трех судебных систем.

Центральный пункт здесь – это независимость и реальная сила суда. В соответствии с положениями, намеченными в альтернативном проекте, независимость суда достигается прежде всего высоким статусом судов – тем, что они состоят из «постоянных несменяемых судей», причем – так же, как это сделано по правам и свободам граждан, – «в Российской Федерации не должны издаваться законы, ограничивающие или умаляющие личную или профессиональную независимость судей». И потому: «Все акты, клонящиеся к ограничению или умалению независимости судей, недействительны». Наконец, в соответствии с проектом судья имеет статус, равный депутату Законодательного собрания: он «пользуется неприкосновенностью и иммунитетом, соответствующими неприкосновенности и иммунитету депутата парламента» (ст. 61 проекта).

Весьма важен порядок назначения судей, который сразу же ставит их на высокую ступень государственной и общественной иерархии демократического общества. Прежде всего, судьи отбираются по конкурсу и рекомендуются на должность высокоавторитетным независимым органом, состоящим из специалистов самого высокого ранга и уровня, – Магистратурой; причем высшую Магистратуру возглавляет Президент. Судьи Верховного Суда по представлению Президента назначаются верхней палатой Законодательного собрания – Сенатом. Все другие федеральные судьи (это судьи палат Верховного Суда) назначаются непосредственно Президентом страны; надо обратить внимание – именно Главой государства, представляющим государство в его единстве.

В альтернативный проект конституции включены нормы, которые (в соответствии с достижениями мировой судебной культуры) призваны придать судейской деятельности такой характер, что его «высшими божествами» становятся закон и принцип недопустимости малейшего произвола, исключения какого бы то ни было неправосудного решения. Вот три нормативных положения, содержащихся в ст. 65 проекта:

никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников;

никто не может быть признан виновным, если единственным доказательством вины является его собственное признание;

доказательства, полученные с нарушением закона, признаются несуществующими; ссылка на них в суде не допускается.

Проект предусматривает единство всей судебной системы, устранение такого положения, когда бы действовали отличные друг от друга судебные системы (конституционная, общая, арбитражная) и вместе с тем – известное «ранжирование» судов, их ступенчатость.

Возглавляет всю пирамиду правосудия, придавая ей силу и цельность, Верховный Суд, в состав которого должны входить самые крупные специалисты, ведущие правовые авторитеты страны. Кроме «самого» Верховного Суда предлагаются – как это намечал в своем проекте конституции А. Д. Сахаров – относительно автономные высшие судебные учреждения по категориям дел – палаты Верховного Суда, председатели которых по представлению Президента назначаются Сенатом (таких палат пять – по правам человека, по уголовным делам, по гражданским делам, по трудовым делам и социальным вопросам и палата арбитражного суда). Следующая ступенька судебной системы – суды республик и губернских и наконец, на местном уровне, мировые судьи.

Достоинна внимания, надо полагать, и та «веха» правосудия по альтернативному проекту, которая касается прокуратуры и предварительного следствия по уголовным делам. Прежде всего предполагается исключить из компетенции прокуратуры как органа надзора за законностью функцию обвинения, в существенных моментах искажающую само предназначение прокуратуры в условиях существования независимого беспристрастного правосудия; характерное для нее начало состязательности (обвинение – дело особых должностных лиц, по проекту – Комиссаров по обвинению, входящих в состав следственных органов, которые должны быть выделены в особое ведомство). Да и сама прокуратура должна поменять свой публично-обвинительный настрой на служение праву и правосудию, и потому по проекту переведена в состав судебной системы, должна действовать «при» Верховном Суде. Функции прокуратуры в соответствии с альтернативным проектом: надзор за законностью при возбуждении и расследовании уголовных и административных дел, принятие мер к устранению любых нарушений независимости судей, к обеспечению выполнения судебных решений, а также опротестовывание в суде актов, противоречащих Конституции, а на местах – и федеральным законам...

Высшая конституционно-правосудная власть

Не означает ли формирование единой судебной системы в России умаление конституционного контроля, выполняемого Конституционным Судом?

Скажу вновь: формирование Конституционного Суда – существенное демократическое завоевание России последнего времени.

Но сразу же обратим внимание на то, что в ряде развитых демократических стран органа с таким названием нет совсем; это – США, тем более – Великобритания (где не существует и «конституции» как особого документа, его заменяет совокупность актов, плюс – конституционные обычаи, «конституционные соглашения»). Между тем в этих, как и в других, развитых демократических странах сложилась крепкая «третья власть»,

В чем же дело? А в том как раз, что «третья власть» – это правосудие в целом. И кстати, в странах, где образован особый орган с названием «конституционный суд», он представляет собой в сущности отдифференцированное от других судеб-

ных органов подразделение судебной системы, и эта дифференциация происходит в условиях, когда правосудие в целом уже утвердилось, укоренилось в стране его твердые основы.

Таким образом, предложения альтернативного проекта направлены не на уменьшение конституционно-надзорной деятельности, а, напротив, на ее развитие, на ее возвышение на уровень высшей конституционно-правосудной власти. Более того, предполагается усилить полномочия высшей судебной инстанции страны по конституционным вопросам. Верховный Суд, по проекту, не только признает неконституционными законы и иные нормативные юридические акты в случае их расхождения с Конституцией и не только решает все вопросы, основанные на обращении граждан в связи с нарушением основных прав и свобод (и это – наряду с деятельностью особой Палаты по правам человека), но и – дальше привожу текст ст. 68 проекта – «решает все споры, расхождения во мнениях, сомнения в отношении действия, применения и толкования Конституции, споры между Федерацией и ее субъектами, субъектов Федерации между собой». Словом, Верховный Суд России, по проекту, должен стать «держателем» и толкователем конституции, причем – в последней инстанции и, стало быть, по вопросам конституции иметь в стране безусловное верховенство (именно такую, близкую по значению функцию приобрел Верховный Суд в США). И вместе с тем, возглавляя всю судебную систему, задавая ей строгую правосудную тональность, Верховный Суд и в практическом отношении может опираться на всю судебную систему, на все ее звенья, и это обеспечивает решение труднорешаемой (а в нынешних условиях многовластия вообще нерешаемой) проблемы – безусловного и точного исполнения всех постановлений конституционно-правосудной власти.

И еще одна деталь. Осуществление высшей конституционно-правосудной власти в рамках правосудия Верховным Судом предупреждает политизацию соответствующей деятельности, втягивание органа конституционного контроля в политическую борьбу, политические противостояния (опасность тем более серьезная в случае, если соответствующий орган формируется лишь одним подразделением верхнего эшелона власти, скажем, только представительным органом). Есть достаточные основания полагать, что эта опасность не коснется ныне действующего Конституционного Суда России, но избежать и не допустить ее в принципе – первейшая задача при определении конституционного устройства демократического государства...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь ясно: сложным, трудным будет путь к демократии, к свободному демократическому строю.

Шестой Съезд народных депутатов России, хотя и не принял в первом чтении – как это намечалось – официальный проект, но одобрил «общую концепцию» конституционной реформы и «основные положения» проекта. Но это как раз и означает, что если осуществится такое предначертание, то на конституционном уровне будет законсервировано нынешнее неопределенное и противоречивое состояние общества и возникнут новые, теперь уже конституционно-законодательные, преграды на пути демократических реформ. Впрочем, уже и ныне, одобрив «концепцию» и «основные положения», Съезд – притом простым большинством – в сущности заблокировал саму возможность официального рассмотрения конституционных проектов, направленных на развитие радикальных демократических преобразований в России.

Слов нет, сейчас нужна практическая работа, продолжение экономической реформы. Реальные меры по приватизации, по созданию «общества собственни-

ков». Практические шаги по созданию независимого и сильного суда. Общая переориентировка всей, пока еще в целом «огосударственной», законодательной системы, с тем чтобы в ней достойное и во многом определяющее место заняло частное, гражданское право.

Но исходный рубеж для успешного решения этих и всех других задач преобразования нашего общества – создание твердого и надежного, свободного и демократического конституционного строя.

Будем верить: для этого у истинных приверженцев демократии, сторонников глубоких демократических реформ, хватит сил, воли, мужества, ответственности.

Sergey Sergeevich Alekseev (1924–2013)

Democratic Reforms and the Constitution. Scientific-Op-ed Notes

The notes analyze the essence of the Soviet socialist regime and the situation in which it, or rather the State administration of society, was found as a result of the restructuring ("perestroika") that began in 1985 – paralysis, anarchy, a bacchanalia of arbitrariness, lawlessness in the sphere of public life. The myth is dispelled that state property is a property alleged to serve people. The notes examine the role of private property as a natural human right. Dignity and treachery of the formula "strong power," the prospects and necessity of consistent democratic development of Russia to save the country from the consequences of socialist totalitarianism and the risks of its replacement by a new freak – such as the system of state-nomenclature quasi-capitalism – are discussed. The need for reforms in Russia is mentioned and the author's (together with A. A. Sobchak) draft Constitution, which is considered a credo of society, as a means of protecting people from arbitrary power and ensuring human rights and freedoms, is analyzed. The Constitution should be a strictly legal document designed for the long term – "for centuries" (and therefore it cannot be changed easily and often), containing legal principles and norms, without any political-party, worldview orientations. Nor should it turn into instruction on current state affairs. The draft Constitution enshrined the concept of a State of a free self-regulating society based on a "sovereign" person – Citizen. Its three pillars ("three whales") are human beings, dignity, rights, and freedoms; Democratization, efficiency and, at the same time, moderation of power – such an organization that it could not become a dictatorial force; elevation to the highest possible stage of the "third power" – justice, strong and independent, able to resist arbitrary power, become a reliable obstacle to its self-determination and without which human rights are nothing, zero, empty sound. Among human rights and freedoms, as the most important institution of the Constitution, the special role of political and personal rights and freedoms is emphasized. The author hopes that the true adherents of democracy will have the strength, will, courage, and responsibility to create a free and democratic constitutional order.

Keywords: reforms; constitution; draft; democracy; constitutional system; self-regulated society; human rights and freedoms; separation of powers: legislative, executive, judicial power; federalism; municipal power; parliamentary or presidential democratic republics; mixed and balanced state form.

О состоянии права и правового государства в тени коронавируса

Используя компаративистскую, системную, герменевтическую и антропологическую методологии и кейс-метод, автор рассматривает ситуацию в правовой системе Франции, сложившуюся в результате ограничительных мер, введенных правительством в результате пандемии коронавируса. Эти меры ограничивают конституционные свободы граждан, введены с нарушением принципа юридической иерархии правовых норм, противоречат Конституции Франции, Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Критике подвергнуты правовые нормы, которые вводят уголовную ответственность лишь за сам факт трижды составленных в течение тридцати дней полицейских протоколов о нарушении режима самоизоляции без передачи их на рассмотрение судьи. Нарушены принципы презумпции невиновности и *non bis in idem* (право не быть судимым или наказанным дважды). Анализируются практика Европейского суда по правам человека и полномочия судебной власти в случае принятия законодателем неконвенционных правовых норм, в том числе правовая позиция Суда, который накладывает на национальных судей обязанность толковать фактические обстоятельства, национальные источники права, любые другие акты в свете Европейской конвенции.

Ключевые слова: коронавирус; Covid-19; самоизоляция; права и свободы человека; презумпция невиновности; *non bis in idem*; юридический позитивизм; конвенционность; закон; право; преступление; уголовный проступок; уголовно-правовой деликт.

Тень коронавируса постепенно стала заслонять свет публичных свобод. В других странах, не в столь отдаленную эпоху, как, например, в России, Советский Союз противопоставлял буржуазное право социалистическому праву, которое «основывалось главным образом на философской доктрине Карла Маркса, превратившейся в итоге в марксизм-ленинизм»¹. Оно превозносило всемогущество государства. В такой системе индивид не учитывался как таковой – он был средством, поскольку общественное благо рассматривалось в качестве цели². Сегодня в капиталистической и ультралиберальной Франции мы являемся свидетелями сокрушительного наступления всемогущего государства, в котором индивид больше не считается целью в себе на благо общества. Вместе с тем реальность сложнее, чем кажется на первый взгляд. Франция столкнулась с беспрецедентной проблемой: смертельной пандемией. По этой причине некоторые методологические инструменты, заимствованные у Паскаля, оказываются очень ценными. В частности, его мысль, что мы «постигаем истину не только разумом, но и сердцем»³.

* **Екатерина Криеф-Семитко**, Вице-президент судебного трибунала, д-р права, профессор *honoris causa* Уральской государственной юридической академии (Россия).

Статья опубликована: Catherine Krief-Semitko. De l'état du droit à l'État de droit à l'ombre du coronavirus // Publié sur Dalloz Actualité le 8 mai 2020 (<https://www.dalloz-actualite.fr>).

После публикации статьи Палата по уголовным делам Кассационного суда Франции направила запрос в Конституционный Совет по вопросу о соответствии Конституции Франции абзаца четвертого статьи L. 3136-1 Кодекса общественного здравоохранения, который и обсуждается в данной статье. См.: Arrêt n°868 du 13 mai 2020 (20-90.004) - Cour de Cassation - Chambre criminelle.

Перевод с французского языка В. Д. Бурковой.

¹ Н., L. et J. Mazeaud, F. Chabas, *Leçons de droit civil*, Tome I, 1er volume, Introduction à l'étude du droit, 12e éd. 2000, n° 61.

² См.: Н., L. et J. Mazeaud, F. Chabas, *op. cit.*, n° 61.

³ Blaise Pascal, «Pensées», Edition de Michel le Guern, folio classique, n°101, p. 104.

Итак, в качестве преамбулы, мы предлагаем отнестись к Франции с любовью, чтобы узнать ее лучше, потому что «мы постигаем истину только через любовь»⁴; эвристическая гипотеза, которую бы не отверг Эдуард Ламбер⁵. Таким образом, мы предлагаем имеющий герменевтическое измерение анализ состояния французского права в тени коронавируса⁶. Это измерение позволяет «отдавать предпочтение взаимосвязи между непосредственно доступной позитивной информацией и ее культурными основаниями с тем, чтобы получить более глубокое понимание права»⁷. Речь идет о рассмотрении французского права в период изоляции в соответствии с методами сравнительного права. Этот компаративистский подход позволяет опираться на идеальное измерение, которое вытекает из социальной структуры данной страны, результата развития ее истории, культуры, а также географического положения. Такой подход позволяет объяснить эпистемологическое своеобразие правовых традиций⁸, устраняя при этом парадокс, приводящий к невозможности познания права, если он не будет разрешен. Действительно, в отношении иностранных правовых систем некоторые подчеркивают, что лучшее знание законов позволяет лучше узнать менталитет народа⁹. Однако нет сомнения, что нельзя глубоко познать законы страны, не узнав лучше ее народ. На первый взгляд, этот парадокс непреодолим. Однако индуктивный метод, объединяющий герменевтическое и антропологическое измерения права, позволяет разрешить это противоречие. Этот метод требует микрокомпаративного системного анализа и основан на постулате и констатации. Сначала постулат: правовая система – это сложная совокупность знаков, которые необходимо расшифровать. Далее констатация: правовая система – это социальный факт, культурный феномен¹⁰ в той же степени, в какой это – правовой феномен; как юридическое явление, она не может быть сведена только к нормам права и их позитивной реализации. Поскольку закон является социальным фактом, его реализация обязательно требует социальных взаимодействий. По логике вещей, позитивное право следует рассматривать не более как гипотезу, к которой индуктивный метод требует привязки нескольких социальных переменных. Именно люди разрабатывают законы, принимают судебные решения, подают иски или отказываются передавать свои споры в суд. Поэтому человеческое измерение права так же важно, как и само право. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о понятиях порядочного отца семейства, *bona fides* или же добрых нравов, которые опираются, хотим мы того или нет, на субъективную основу, меняющуюся во времени и в пространстве. Перефразируя Пьера Леграна, скажем: от нас зависит – и мы подтверждаем, зная, что формула чрезмерна, – перестать быть вспомогательным средством государства – производителя норм и работать как мятежный герменевт для появления критического сознания в высшем смысле этого слова у тех, кто практикует право¹¹.

⁴ Blaise Pascal, «De l'esprit géométrique», Flammarion, coll. GF, 1985, p. 151.

⁵ См.: R. David, *Le droit comparé, droits d'hier, droits de demain*, Economica 1982, p. 19 ; Édouard Lambert, *Le gouvernement des juges*, Préface Franck Moderne, Dalloz 2005 ; Luc Heuschling, Édouard Lambert, *Le gouvernement des juges et la lutte contre la législation sociale aux États-Unis. L'expérience américaine du contrôle judiciaire de la constitutionnalité des lois*, Paris, Giard 1921, Préf. F. Moderne, Paris Dalloz 2005, Bibliographie, *Revue internationale de droit comparé* 2007, p. 958.

⁶ См.: M. Foucault, *Les mots et les choses*, NRF Gallimard, 1967, p. 44.

⁷ P. Legrand, «Comparer» in *Le droit comparé : aujourd'hui et demain*, colloque du 1er décembre 1995, Société de législation comparée, 1996, p. 59.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: H., L. et J. Mazeaud, F. Chabas, *op. cit.*, n° 61.

¹⁰ См.: P. Legrand, *Notes inspirées par une gêne persistante à l'égard de la fascination exercée par l'habitude, l'autorité, la loi et l'État dans les facultés françaises*, RTDCiv. 1998, p. 299.

¹¹ См.: P. Legrand, *art. préc.*, à propos des étudiants, p. 300.

Однако сегодня, в период самоизоляции, социальные взаимодействия очень ограничены и даже запрещены. Реализация законов неизбежно вызывает потрясение. Таким образом, предложенный сравнительный метод должен служить основой для всех переменных, которые формируют систему права: норм права, судебной практики, истории, культуры, правосознания людей, которые создают право, его применяют или используют, их менталитета, языка – как юридического, так и обыденного, а также всего, что относится к неправовой сфере. Непрерывное движение между всеми этими переменными позволяет установить связь между абстрактным законом и живым правом, высвечивая таким образом право в том виде, в каком оно существует на самом деле, другими словами, право живое. Этот метод также предполагает рассмотрение «я» наблюдателя как параметр, способный повлиять на наблюдаемый объект, потому что «познание другой правовой культуры всегда больше зависит от знания-посредника – т. е. уже известных значений и языка, – нежели от непосредственного познания»¹². Именно в этом ракурсе мы приглашаем читателя следовать за нами по пересеченной местности, что позволит нам достичь лишь некоторой (ограниченной) истины относительно французской правовой системы в тени коронавируса, а не истины как таковой, именно из-за «я»-переменной. Что же имеется в виду?

Сначала мы констатируем, что ситуация, с которой столкнулась Франция, беспрецедентна, по крайней мере, что касается последних ста лет. Сегодня Франция, как и другие страны, замкнулись на себе. Страх или даже террор превалирует над разумом. Вместе с ним погибла и политика, поскольку теперь именно ученые управляют в тени тех, кого мы избрали. Настоящая революция происходит на наших пустых улицах, перед нашими глазами, уставившимися в экраны. Но насколько мы осознаем это?

Затем мы увидим, что если Французская революция 1789 года была в высшей степени юридической, то революция под знаком коронавируса является по сути революцией в здравоохранении и экономике, когда право – всего лишь предлог, низведенный в ранг простого инструмента.

Уточним еще: даже если кажется, что посредством ордонансов и декретов Франция использует правовой фактор, то на самом деле вся структура современного мышления больше всего обращена к экономическим и медицинским проблемам, а Право находится в той же самоизоляции, что и народ. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть недавние ордонансы и декреты: даже если они являются временными, на что в любом случае следует надеяться, становится ясно, что право сориентировано на обдeldывание грязных делишек – таких, как продление сроков предварительного заключения, домашний арест всей страны, что, если коротко, наносит серьезный удар по основным свободам, потому что «свобода – это результат юридической конструкции»¹³, и все это тогда, когда суды практически закрыты, а дела, которые ими еще рассматриваются, относятся лишь к срочным или насущным!

Следовательно, то, что закон может ввести, он может и отменить, и именно это пугает больше всего в этой эпидемии. Свобода, равенство и братство! Что же осталось от этих ценностей Франции? Мы все равны перед законом, который предписывает всем нам домашний арест для нашего же блага. Взывают к волнующему чувству братской солидарности, чтобы заставить нас забыть, что нас

¹² P. Legrand, “Comparer” in *Le droit comparé : aujourd’hui et demain*, colloque du 1er décembre 1995, Société de législation comparée, 1996, p. 51.

¹³ Ch. Leroy, «De la normativité économique en démocratie de marché», in *Études offertes à Jacques Dupichot*, Bruylant 2004, p. 282.

лишили одной из наших фундаментальных свобод¹⁴. И худшее во всем этом хаосе заключается в том, что мы, французские граждане, так влюбленные в нашу дорогую свободу, мы склоняемся, не говоря ни слова, и даже одобряем это лишение, и, что еще хуже, мы осуждаем наших сограждан, которые не соблюдают режим самоизоляции.

Это значит, мы забыли, что не несем ответственности и не виновны в этом кризисе в области здравоохранения. Это значит, мы забыли, что было время, чтобы подготовиться к нему лучше, если бы заранее были приняты адекватные меры. Поскольку управление – это предвидение! Повсюду, где воцарился коронавирус, для того чтобы люди забыли о некомпетентности правителей, вводят правление посредством террора – страха перед смертью или распространением смерти. Этот террор, вроде того, что царил в самые мрачные времена Французской революции, является очень эффективным оружием. Как доказательство мы видим пустынные улицы и дороги наших городов и деревень. Конечно, этот серьезный кризис в области здравоохранения может оправдать принятые меры, но при условии, что они пропорциональны грозящему риску¹⁵.

Крах нашей системы нашел, стало быть, свое оправдание в страхе, спровоцированном коронавирусом и тревогой влечения к смерти¹⁶. Равенство и братство без свободы не нуждаются более в публичном порядке, который определяет границы свободы и выступает в качестве баланса равенства и солидарности. Самоизоляция, то есть лишение свободы, должна быть невыносимой для любого носителя идей Аристотеля. Она лишена соответствующего юридического обоснования. Как указывает Анна Левад, «закон о чрезвычайном положении от 23 марта 2020 года, направленный на противодействие эпидемии Covid-19, вступил в силу. Он устанавливает, в рамках Кодекса общественного здравоохранения, новый исключительный режим: чрезвычайное положение в области здравоохранения. Даже несмотря на то, что не была доказана необходимость прибегать к закону, его содержание не лишено рисков в отношении прав и свобод»¹⁷. И все же опасение близости смерти перевесило.

Продвинемся далее: в аристотелевской мысли закон ассоциируется со справедливостью, с объективной правильностью. Право – это «справедливое отношение, реализованное вовне между двумя целями»¹⁸. Априори можно полагать, ограничиваясь сферой правовых норм, что эта аристотелевская концепция кажется очень близкой к нынешней французской концепции. Тем не менее, это не так. По какой же причине?

Чтобы понять это, достаточно ввести в исследование герменевтическое и антропологическое измерения. Давайте уточним: индуктивный метод требует оценки, а затем вовлечения в анализ различных явлений, которые относятся к правовой и неправовой сфере, к сказанному и несказанному. Следовательно, достаточно связать все эти переменные, чтобы выявить причины необычности сегодняшней ситуации. Как мы увидим, культурный фактор порождает эту временную особенность: это особое отношение к государству.

Сегодня Франция замкнулась в себе, а ее жители затворились у себя дома. Тем не менее Право всегда являлось существенной ценностью. Так что же случилось? Случилось то, что юридический позитивизм и экономика одержали победу

¹⁴ См.: Anne Levaдe, État d'urgence sanitaire : à nouveau péril, nouveau régime d'exception, Semaine Juridique Edition Générale n° 13, 30 Mars 2020, 369.

¹⁵ См.: Diane Roman, Coronavirus : des libertés en quarantaine? Semaine Juridique. Edition G. n° 13, 30 mars 2020, 372.

¹⁶ См.: Freud, Au-delà du principe de plaisir (1920).

¹⁷ Anne Levaдe, État d'urgence sanitaire : à nouveau péril, nouveau régime d'exception, Semaine Juridique Edition Générale n° 13, 30 Mars 2020, 369.

¹⁸ M. Villey, Leçons d'histoire de la philosophie du droit, 2002, p. 29.

над правом! Юридический позитивизм приводит к тому, что упускается из виду тот факт, что верховенство права создано в интересах всех, представших перед судом, а не против них, и что его предназначение заключается в максимальном приближении к идеалу справедливости¹⁹.

Мы рассмотрим только один пример, но который, по нашему мнению, достаточен для иллюстрации ультра-позитивистской концепции права и вытекающих из нее опасностей. Этот ультра-позитивизм²⁰ проистекает из слепого подчинения государству, которое рассматривается в качестве монарха, чуждого самому себе и находящегося превыше всего. Он предполагает, что закон применяется буквально, не заботясь о том, что дух его при этом искажается. Этот позитивизм – продукт искаженного патриотического чувства и страха перед микробами – доводит до пренебрежения иерархией правовых норм. Фундаментальные свободы закреплены в Конституции, однако же посредством обычных ордонансов и декретов они оказались изолированными! Нарушается также и принцип презумпции невиновности введением в статью L. 3136-1 Кодекса общественного здравоохранения нового состава преступления – уголовно-правового деликта, который предусматривает, в частности, что если нарушения самоизоляции были запротоколированы более, чем три раза на протяжении тридцати дней, то эти деяния наказываются лишением свободы на срок до шести месяцев и штрафом до 3 750 евро, а также дополнительным наказанием в виде общественных работ в соответствии с положениями, предусмотренными в ст. 131-8 Уголовного кодекса и на основании условий, предусмотренных в ст. с 131-22 по 131-24 того же кодекса, а также дополнительным наказанием в виде приостановки действия водительских прав на срок до трех лет, если преступление было совершено с использованием транспортного средства. Вопреки тому, что полагают некоторые²¹, это именно повторность – повторное привлечение к уголовной ответственности за то, за что лицо уже привлекалось к ответственности административной²². Другими словами, ст. L. 3136-1 Кодекса общественного здравоохранения вводит случай повторности в сферу административных правонарушений, в то время как это понятие до сих пор было закреплено за преступлениями и уголовно-правовыми деликтами. Действительно, согласно положениям ст. 132-16-7 Уголовного кодекса имеет место повторность уголовно-правовых деликтов и преступлений, когда кто-либо был уже окончательно приговорен за преступление или уголовно-правовой деликт и совершает новое преступление (уголовно-правовой деликт), которое не соответствует условиям предусмотренного законом рецидива²³. Вместе с тем статья L. 3136-1 Кодек-

¹⁹ H., L. et J. Mazeaud, F. Chabas, *Leçons de droit civil*, T. I, 1er volume, Introduction à l'étude du droit, Montchrestien, 12e éd., 2000, n° 17, p. 48.

²⁰ О юридическом позитивизме см. в частности: M. Villey «La formation de la pensée juridique moderne», présentation S. Rials, PUF, 2003, p. 559 et s.

²¹ См.: Jean-François Dreuille, *État d'urgence sanitaire*, *Revue Droit pénal*, avril 2020, comm. 78.

²² Во французском тексте имеется в виду уголовно-правовые проступки («contravention»), которые с незначительными оговорками соответствуют в основном российским административным правонарушениям. В этом смысле здесь (и в следующем предложении) добавлено слово «административные», что будет понятно российскому читателю. Французские уголовно-правовые проступки отличаются от французских преступлений и уголовно-правовых деликтов тем, что в качестве санкции за них не предусмотрено лишение свободы. В целом уголовно-правовые проступки по характеру и степени общественной опасности соответствуют, с определенными оговорками, российским административным правонарушениям и преступлениям небольшой тяжести, за которые не предусмотрено лишение свободы, а уголовно-правовые деликты – российским преступлениям небольшой тяжести, за которые предусмотрено лишение свободы, преступлениями средней тяжести и тяжким, а преступления по французскому праву соответствуют российским особо тяжким преступлениям. – *Примечание ред.*

²³ Что может влечь за собой не квалификацию по другой статье, а более строгое наказание в пределах соответствующей статьи Уголовного кодекса Франции. – *Примечание ред.*

са общественного здравоохранения и в то время, когда речь идет об уголовно-правовом проступке²⁴, вводит понятие повторности, что полностью противоречит общим принципам уголовного права еще и потому, что повторность основывается лишь на факте полицейского протоколирования уголовно-правового проступка, а не на окончательном осуждении, т. е. не на вступившем в законную силу приговоре суда!

Коронавирусу объявлена война. Да будет так! Когда гремит оружие, законы молчат, говорил Цицерон, но действительно ли мы на войне? Не похоже ли это, скорее, на огромную операцию в сфере коммуникации с целью заставить замолчать Право?

Да проснемся же мы! Мы должны разбудить нашу способность задавать себе вопросы о том, что мы переживаем сегодня, и нашу способность еще и возмущаться, когда Право отодвинуто в сторону. Речь идет не о позитивном праве, а о подлинном Праве – праве прав человека, о великих принципах права, сформировавшихся в судебной практике со времени принятия Гражданского и последующих кодексов, о Праве статьи-преамбулы Уголовно-процессуального кодекса, короче говоря о правовых ценностях, которые несет и развивает Франция со времен Революции 1789 года и соответствующего общественного договора²⁵.

Предусмотренный статьей L. 3136-1 Кодекса общественного здравоохранения уголовно-правовой деликт является вопиюще несправедливым законом, законом чрезвычайным, принятым на скорую руку, без размышления о причинах и особенно о последствиях. Достаточно трех ранее составленных полицейских протоколов, чтобы привлечь кого-либо к уголовному суду, где лицу грозит 6 месяцев лишения свободы?! Но с каких пор во Франции признается виновным лицо, в отношении которого всего лишь составлен полицейский протокол? Эти зафиксированные в протоколе в качестве предполагаемого уголовно-правового проступка деяния могут быть оспорены в суде, и до тех пор, пока суд не признает лицо виновным вступившим в законную силу приговором, протокол является как бы приостановленным. Или же мы неосознанно погружаемся в полицейское государство. И, значит, мы оказываемся уже не в правовом государстве! Ибо эта норма является прямым и бесцеремонным нарушением презумпции невиновности. Если последняя получила искаженное применение в сфере уголовно-правовых проступков из-за положений ст. 537 Уголовно-процессуального кодекса²⁶, то не может быть и речи о том, чтобы в данном случае выступить соучастником в таком отказе от правосудия. Судья является гарантом прав человека. Только оправдательный приговор может быть вынесен из-за неконвенционности этой нормы, потому что она – неразумна и непропорциональна. Самоизоляция является исключительной мерой, которая представляет собой лишение свободы без судебного решения и без конституционно-правовых оснований. Если есть желание смириться с какими-то незначительными уголовными проступками, не может быть и речи о том, чтобы уступить коронавирусу еще больше. Леон Блюм поведал нам об одном важном последствии, вытекающем из законов конца XIX века, которое может быть перенесено на действующие законы и которое должно нас насторожить: «Направленные против анархистов, они подвергли опасности основные свободы всех граждан»²⁷.

²⁴ Соответствует административному правонарушению, по российскому праву. – *Примечание ред.*

²⁵ См. : Diane Roman, Coronavirus : des libertés en quarantaine? article précité.

²⁶ См.: Catherine Krief-Semitko, Le procès équitable en matière contraventionnelle, AJ Pénal 2015, p. 478.

²⁷ Léon Blum, Comment ont été faites les Lois scélérates, in Revue blanche, n° du 1er juillet 1898, article signé par «un juriste».

Потому что, на самом деле, самоизоляция является прямым нарушением ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой, в частности, предусматривается – и следует это напомнить, – что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность: «Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: <...> е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний...»

Тем не менее в отсутствие тестов, позволяющих обнаружить заболевание, нет никаких доказательств того, что люди, закрытые в самоизоляции, способны распространять коронавирус. Поэтому получается, что из-за отсутствия средств на проведение тестов мы ограничиваем передвижение всех! И еще мы должны задаться вопросом о понятии законного заключения. Находимся ли мы в законном заключении, когда мы пребываем в самоизоляции? Да, если мы считаем, что принуждение оставаться дома без электронного браслета является особой формой лишения свободы. Но в отличие от домашнего ареста с электронным браслетом – законного лишения свободы, которое является одной из альтернативных мер предварительного заключения, самоизоляция не предполагает ни решения судьи по вопросам свободы и заключения, ни нашего согласия. Короче говоря, самоизоляция уже сама по себе является серьезным нарушением фундаментальных свобод, с чем мы можем временно примириться по причинам серьезного кризиса в области здравоохранения, прежде чем получим возможность потребовать отчетность. Но допустить, что три полицейских протокола создают повторность в уголовно-правовом смысле в отсутствие судебных решений в каждом случае, – значит резко противоречить Конвенции по правам человека, а введенный законом от 23 марта 2020 состав преступления – это юридическая мерзость!

Кроме того, это выглядит гораздо хуже, когда мы перечитываем еще раз положения спорной статьи: «Если нарушения, предусмотренные в третьем абзаце настоящей статьи, были запротokolированы более трех раз в течение тридцати дней, они наказываются лишением свободы на срок до шести месяцев и штрафом в размере до 3 750 евро». Таким образом, состав преступления вытекает не из действий, совершенных обвиняемым, но в связи с существованием трех протоколов по поводу этих действий. Это юридическая ересь! Наконец, в результате составления протоколов обвиняемый уже был наказан штрафом, по крайней мере, три раза. Поэтому осуждение за эти деяния противоречит принципу *non bis in idem*, закрепленному в ст. 4 (право не быть судимым или наказанным дважды) Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который предусматривает, в частности, что никто не может быть привлечен к ответственности или наказан в уголовном суде одного и того же государства за преступление, за которое он уже был оправдан или осужден окончательно в соответствии с законом и нормами уголовно-процессуального права этого государства. Европейский суд по правам человека всегда приходит к заключению, что имеет место нарушение ст. 4 Протокола № 7, когда разбирательство касается второго преступления, основанного на фактах идентичных тем, которые явились объектом для первого осуждения или окончательного оправдания²⁸, или когда оба судебных решения были основаны на одном и том же поведении²⁹.

В постановлении по делу «Золотухин против России» от 10 февраля 2009 года Большая палата уточнила, какое значение вкладывает Конвенция в термин «то же правонарушение». Она указала следующее: «Проанализировав сферу действия права не привлекаться к суду и наказанию дважды, как это предусмотрено другими международными документами, в частности Международным пактом о граж-

²⁸ См.: CEDH, *Sismanidis et Sitaridis c. Grèce*, 9 juin 2016.

²⁹ См.: CEDH, *Gradinger c. Autriche*, 23 octobre 1995.

данских и политических правах, принятым Организацией Объединенных Наций, Хартией основных прав Европейского союза и Американской конвенцией о правах человека, Суд указывает, что статью 4 Протокола № 7 следует понимать как запрещающую привлекать к ответственности или судить человека за второе преступление при условии, что оно проистекает из идентичных фактов или из фактов, которые “по существу” совпадают с теми, которые формируют первое преступление. Эта гарантия вступает в силу, когда возбуждается новое уголовное преследование, в то время как предыдущий оправдательный или обвинительный приговор уже стали *res judicata*³⁰. Этим все сказано!

Кроме того, в соответствии со статьей 6 Европейской конвенции по правам человека, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком. Однако составление полицейского протокола не образует виновности, установленной законным порядком. Следовательно, составление протокола не может быть достаточным основанием, даже если это было сделано трижды, для формирования состава какого бы то ни было преступления. Более того, и это следует помнить, что в данном случае наблюдается какой-то момент правоты, когда нарушитель осуществляет свое фундаментальное право, которого он был лишен чрезвычайным законом, чья конституционность и конвенционность более чем неопределенны!

Какая же доля ждет мятежного герменевта?

Вспомним некоторые принципы. Согласно положениям ст. 55 Конституции Франции от 4 октября 1958 г., договоры или соглашения, должным образом одобренные или ратифицированные, с момента их опубликования имеют силу, превышающую силу внутренних законов, при условии применения такого договора или соглашения другой стороной

Вопрос о контроле конвенционности не должен более обсуждаться сегодня, потому что и административной, и общей (уголовной и гражданской) юрисдикциям было предложено взять на себя ответственность в соответствии с решением Конституционного совета от 15 января 1975 г. в связи с законом о добровольном прерывании беременности³¹. Эти юрисдикции должны осуществлять контроль за соответствием внутреннего законодательства международным договорам или соглашениям, основанным на ст. 55 Конституции 1958 г. Таким образом, Конституционный Совет, полагая, что осуществление такого контроля не входит в его прерогативу, призвал как общую, так и административную юрисдикцию осуществлять новую компетенцию — контроль соответствия закона международным нормам³².

Кассационный суд первым отреагировал на это предложение в постановлении, вынесенном Смешанной палатой, в принципе подтверждающим постановление Парижского апелляционного суда, которое исключило применение ст. 265 Таможенного кодекса из-за его несовместимости с Римским договором, хотя эта статья взята из закона, принятого позднее Договора³³.

³⁰ CEDH, Grande Chambre, Sergueï Zolotoukhine c. Russie, 10 février 2009.

³¹ См.: Décision n° 75-54 DC du 15 janvier 1975 sur la loi relative à l'interruption volontaire de grossesse.

³² См.: Olivier Dutheil de Lamothe, Contrôle de constitutionnalité et contrôle de conventionnalité, in *Mélanges en l'honneur de Daniel Labetoulle*, Dalloz 2007.

³³ См.: Cass, Ch. Mixte, 24 mai 1975, Société des Cafés Jacques Vabre, D., 1975, p. 497, закл. Туффё: «Принимая во внимание, что договор от 25 марта 1957 года, который в соответствии с вышеупомянутой статьей Конституции имеет силу, превосходящую силу законов, устанавливает правовой порядок надлежащий и интегрированный с правопорядком государств-членов; что, исходя из этой специфики, правовой порядок, им созданный, непосредственно применим к гражда-

Что касается Европейской конвенции о защите прав человека, то стоит напомнить, что она непосредственно применяется во внутреннем правовом порядке, что уже давно признается кассационным судом³⁴, и вменяется также в обязанность национальным судебным системам Европейским судом по правам человека³⁵.

Действительно, в постановлении по делу Пла и Пенсерно против Андорры от 13 июля 2004 года Суд по правам человека требует от национальных судей толкования национальных правовых норм в соответствии с Конвенцией. В этой связи в нем указывается, что оценка национальным судом фактических обстоятельств и юридических элементов внутреннего правового порядка не должна быть явно необоснованной или произвольной, или же вступающей в вопиющее противоречие с основополагающими принципами Конвенции.

Таким образом, Европейский суд по правам человека предоставляет национальному суду реальное полномочие толкования национальных правовых положений с точки зрения Европейской конвенции по правам человека или даже отклонения последних в случае их противоречия Европейской конвенции.

Кроме того, Суд считает, что при осуществлении конвенционного контроля, который на него возлагается, он не может оставаться безучастным, когда толкование, осуществленное национальным судом какого-либо юридического акта, будь то пункт в завещании, частный контракт, публичный документ, положение в законе или же в административной практике, представляется необоснованным, произвольным или же вступающим в вопиющее противоречие с положениями Конвенции.

Европейский суд по правам человека возлагает таким образом на национальные власти, и в частности на суды, обязанность толковать национальное законодательство разумно, обоснованно и справедливо, и, в любом случае, и что бы там ни было, в соответствии с Конвенцией в отношении фактов, которые подлежат их оценке, это обязательство также может быть квалифицировано как реальное полномочие не интерпретировать закон слепо.

С этой точки зрения мы можем сделать вывод, что судья – это уже больше не уста закона, как утверждал Монтескье в своей работе «О духе законов», заявляя, что «судьи нации являются... только устами, произносящими слова закона, существами не одушевленными, которые не могут повлиять ни на его силу, ни на строгость»³⁶. Функция судьи – изрекать Право, а не закон. Изрекать Право означает для судьи обязанность толковать закон с целью его применения к представленному ему делу и делать это в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека. Интерпретация – ключевой момент контроля конвенционности, коль скоро данный контроль находится в центре судебной власти – власти, которую пора захватить.

Не следует забывать, что именно люди в конечном итоге создают живое право; если это само собой разумеется, то следует об этом говорить. Конечно, юридические нормы важны, но люди, их применяющие, еще важнее, потому что их роль «заключается не только в том, чтобы знать правовые нормы для их применения. У судьи гораздо более высокая миссия... создать правовую норму, создать ее так, чтобы она приблизилась максимально к идеалу справедливости»³⁷. Следова-

нам этих государств и распространяется на них, следовательно именно потому, что данное положение правомерно и не выходит за пределы полномочий апелляционного суда, он решил, что ст. 95 Договора должна была применяться в настоящем деле, исключая ст. 265 Таможенного кодекса, хотя эта последняя была принята позже.

³⁴ См.: Cass. Ass. Plén., 11 décembre 1992, Bull. civ. 1992 A. P., n° 13, p. 27.

³⁵ См.: CEDH, Pla et Puncernau c. Andorre, 13 juillet 2004, Req. N° 69498/01.

³⁶ Ch. L. Montesquieu, De l'esprit des lois, Garnier, 1777. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/De_l%27esprit_des_lois,_Garnier,_1777

³⁷ H., L. et J. Mazeaud, F. Chabas, op. cit., n° 17, p. 48.

тельно, французские юристы и то, как они понимают право, это самое важное. Мы не должны позволить захватить себя тревогой влечения к смерти и превратиться в юристов неодушевленных. Мы должны оставаться действующими лицами нашей общей судьбы! На данный момент мы лишь напуганные и самоизолированные зрители!

Советский Союз тоже имел право, но это не было Правом в том смысле, как мы его понимаем. Если мы не будем осторожны, наше право вполне может скатиться к анти-праву, праву государств авторитарных, тоталитарных, и даже диктатур. С правами человека не шутят. Это слишком драгоценное общее благо!

В заключение можно лишь отметить, что стремление к достижению идеала справедливости более не так широко распространено во Франции, поскольку сдерживается ультра-позитивизмом. Тем не менее «право – это в собственном смысле культурное и, следовательно, духовное благо. Поэтому оно не может не быть предметом бесконечной борьбы, но только такой борьбы, которая приобретает смысл, если, как Иеринг, мы способны испытывать к Праву немного любви»³⁸.

Литература

1. Blum L. Comment ont été faites les Lois scélérates, in *Revue blanche*, n° du 1er juillet 1898, article signé par «un juriste».
2. David R. Le droit comparé, droits d'hier, droits de demain, *Economica* 1982, p. 19.
3. Dreuille J.-F. État d'urgence sanitaire, *Revue Droit pénal*, avril 2020, comm. 78.
4. Dutheil de Lamothe O. Contrôle de constitutionnalité et contrôle de conventionnalité, in *Mélanges en l'honneur de Daniel Labetoulle*, Dalloz 2007.
5. Lambert É. Le gouvernement des juges, Préface Franck Moderne, Dalloz 2005.
6. Foucault M. Les mots et les choses, NRF Gallimard, 1967, p. 44.
7. Freud S. Au-delà du principe de plaisir (1920).
8. Jouanjan O. «Présentation. Jhering ou l'amour du droit», préface à l'ouvrage de Jhering, «La lutte pour le droit», Dalloz 2006, p. XXXIII.
9. Krief-Semitko C. Le procès équitable en matière contraventionnelle, *AJ Pénal* 2015, p. 478.
10. Legrand P. «Comparer» in *Le droit comparé : aujourd'hui et demain*, colloque du 1er décembre 1995, Société de législation comparée, 1996, p. 59.
11. Legrand P. Notes inspirées par une gêne persistante à l'égard de la fascination exercée par l'habitude, l'autorité, la loi et l'État dans les facultés françaises, *RTDCiv.* 1998, p. 299.
12. Leroy Ch. «De la normativité économique en démocratie de marché», in *Études offertes à Jacques Dupichot*, Bruylant 2004, p. 282.
13. Levade A. État d'urgence sanitaire : à nouveau péril, nouveau régime d'exception, *Semaine Juridique Edition Générale* n° 13, 30 Mars 2020, 369.
14. Heuschling L., Lambert É., Le gouvernement des juges et la lutte contre la législation sociale aux États-Unis. L'expérience américaine du contrôle judiciaire de la constitutionnalité des lois, Paris, Giard 1921, Préf. F. Moderne, Paris Dalloz 2005, Bibliographie, *Revue internationale de droit comparé* 2007, p. 958.
15. Mazeaud H., L. et J., Chabas F. *Leçons de droit civil*, Tome I, 1er volume, Introduction à l'étude du droit, 12e éd. 2000.
16. Montesquieu Ch. L. De l'esprit des lois, Garnier, 1777. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/De_l%27esprit_des_lois_Garnier_1777
17. Pascal B. «De l'esprit géométrique», Flammarion, coll. GF, 1985, p. 151.
18. Pascal B. «Pensées», Edition de Michel le Guern, folio classique, n°101, p. 104.
19. Roman D. Coronavirus : des libertés en quarantaine? *Semaine Juridique. Edition G.* n° 13, 30 mars 2020, 372.
20. Villey M. *Leçons d'histoire de la philosophie du droit*, 2002, p. 29.

³⁸ O. Jouanjan, «Présentation. Jhering ou l'amour du droit », préface à l'ouvrage de Jhering, «La lutte pour le droit », Dalloz 2006, p. XXXIII.

21. Villey M. «La formation de la pensée juridique moderne», présentation S. Rials, PUF, 2003, p. 559 et s.
22. Décision n° 75-54 DC du 15 janvier 1975 sur la loi relative à l'interruption volontaire de grossesse.
23. Cass, Ch. Mixte, 24 mai 1975, Société des Cafés Jacques Vabre, D., 1975, p. 497.
24. Cass. Ass. Plén., 11 décembre 1992, Bull. civ. 1992 A.P., n° 13, p. 27.
25. CEDH, Gradinger c. Autriche, 23 octobre 1995.
26. CEDH, Pla et Puncernau c. Andorre, 13 juillet 2004, Req. N° 69498/01.
27. CEDH, Sismanidis et Sitaridis c. Grèce, 9 juin 2016.
28. CEDH, Grande Chambre, Sergueï Zolotoukhine c. Russie, 10 février 2009.

Ekaterina Kriyef-Semitko,

Vice-President of the Judicial Tribunal, Doctor of Law, Professor honoris causa,
Ural State Law Academy (Yekaterinburg)

On the State of Law and the Rule of Law in the Shadow of Coronavirus

Using comparative, systemic, hermeneutic, and anthropological methodologies and the case method the author examines the situation in the French legal system resulting from restrictive measures imposed by the Government as a result of the coronavirus pandemic. These measures restrict the constitutional freedoms of citizens, are introduced in violation of the principle of the legal hierarchy of legal norms and are contrary to the Constitution of France and to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The law which criminalizes only the fact that police reports on violations of the self-isolation regime have been drawn up three times within thirty days without being referred to a judge has been criticized. The principles of presumption of innocence and non bis in idem (the right not to be tried or punished twice) have been violated. The practice of the European Court of Human Rights and the powers of the judiciary in the event of the adoption by a legislator of non-binding legal rules are analyzed including the Court's legal position, which imposes on national judges the obligation to interpret factual circumstances, national sources of law, any other acts in the light of the European Convention.

Keywords: coronavirus; Covid-19; self-isolation; rights and freedoms of the person; presumption of innocence; non bis in idem; legal positivism; conventionality; law; right; crime; criminal offense; criminal delict.

Принципиальность и справедливость. Памяти Нины Исаевны Клейн

Статья посвящена личности и творчеству Нины Исаевны Клейн (1924–2013) – видного советского и российского правоведа, профессора, главного научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженного юриста РФ, участника разработки Закона СССР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», Гражданского кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ и др. нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: справедливость; обычаи делового оборота; поставки; антимонопольное законодательство; защита конкуренции; право на получение квалифицированной юридической помощи; доктрина; *amicus curiae*; научный спор; свобода договора; злоупотребление правом, недействительность сделок; встречный иск.

Уважаемый читатель! Взявшись за краткий очерк о Нине Исаевне Клейн¹, мы осознавали рискованность этой затеи. Надеюсь, что наша смелость, которая выражается в том, что мое очное знакомство продолжалось всего лишь около 10 лет, будет оправдана нашим искренним желанием познакомить хоть немного с ней тех, кто не знал ее лично.

Так получилось, что я познакомился с Ниной Исаевной Клейн заочно, по ее статьям в журнале «Хозяйство и право» [2; 7; 5]. Точнее, я познакомился со статьями Н. И. Клейн, тогда я не знал, что это статьи Нины Исаевны Клейн. Мне очень понравились статьи, они были очень полезны для начинающего юриста, который, еще не закончив обучение, уже начал работать юрисконсультom. Лаконичность и простота изложения в статьях Н. И. Клейн подкупали. Достаточно сложные практические вопросы в ее статьях разрешались легко и просто, становилось понятно, что ответ лежит на поверхности, все сомнения сразу же исчезали, и было очевидно, что ответ единственно верен.

Безусловно, я проникся уважением к автору, но лишь когда по счастливой случайности ко мне в руки попал «Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР», я узнал, что Н. И. Клейн – это Нина Исаевна Клейн. В советское время юридическая литература выходила огромными тиражами, но почему-то она почти всегда была в разряде дефицита – спутника советского хозяйства.

Мне повезло – я начал работать в Нижнекамском ордена Ленина производственном объединении «Нижнекамскнефтехим», которая благодаря начальнику юридического отдела Екатерине Константиновне Неверовой была богата юридической литературой. Все свои первые годы работы юрисконсультom я использовал в своей работе и этот комментарий к ГК РСФСР, и Комментарий к положениям о поставках [11]. Надо отметить, что с тех пор в сфере работы юрисконсульта на предприятии многое поменялось, а в 80-х и в начале 90-х гг. большая часть работы была связана именно с поставками. Споры в 80-х и начале 90-х также в боль-

* Айдар Рустэмович Султанов, член Ассоциации по улучшению жизни и образования, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим» (г. Нижнекамск).

¹ Нина Исаевна Клейн (1924–2013) – видный советский и российский правоведа, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный юрист РФ, участник разработки Закона СССР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», ГК РФ, АПК РФ и др.

шей части были связаны с заключением и исполнением договоров поставки [8]. Была тогда популярная категория споров о взыскании штрафов за недопоставку, а также споры о некачественной поставке.

Многие термины, которые тогда были ключевыми при разрешении споров о заключении договоров, такие как, например, «длительные хозяйственные связи», уже исчезли из правового лексикона юристов. Однако и тогда были споры о «справедливости» при заключении договоров поставок. Более того, в те времена преддоговорных споров в госарбитражах было значительно больше, чем сейчас в арбитражных судах.

Соответственно, литература о поставках была крайне востребована. Комментарии к арбитражной практике – это была мечта любого юрисконсульта на предприятии.

В то время не использовали высокого термина «прецедент», однако же обязательность правовых позиций Госарбитража не просто не ставилась под сомнение – порой разъяснение Госарбитража было единственным и достаточным аргументом в споре.

Госарбитражи СССР и РСФСР серьезнейшим образом определяли не только порядок разрешения споров хозяйствующих субъектов, но и политику права в договорных правоотношениях. Госарбитраж даже выпускал «Особые условия поставок», которые канули в Лету, но инструкции Госарбитража СССР № П-6 [3] и П-7 [4], в разработке которых принимала участие Н. И. Клейн, до сих пор не исчезли из практики хозяйствующих субъектов. Юрисконсульты и сейчас, стоя перед выбором детальной регламентации приемки товара в тексте договора или ссылки на данные инструкции, предпочитают всё же сослаться на данные инструкции, которые в настоящее время продолжают существовать в качестве «обычая делового оборота».

Как я уже отмечал выше, мне повезло, у нас на работе были практически все выпуски «Научно-практического комментария арбитражной практики», которые выпускались под эгидой Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (который недавно отметил свое 90-летие уже как Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ), а с 1968 года – издательством «Юридическая литература». Так вот, практически с первого выпуска Нина Исаевна стала постоянным автором этих комментариев. В отсутствие справочно-правовых баз, облегчающих жизнь сегодняшнего юриста, в отсутствие Интернета, когда единственным источником информации были бумажные издания, эти комментарии были просто супербестселлерами.

Когда я впервые их увидел, то их потрепанный вид мне сразу же показал, что это востребованная литература. Как я уже отмечал, у статей Нины Исаевны и ее комментариев был свой собственный особенный стиль, характеризующийся одновременно лаконичностью и четкостью изложения. Причем всегда создавалось впечатление, что все очень просто и очевидно. В то же время ее комментарии бывали очень емкими по содержанию, хотя и порой небольшими по объему. Полагаем, что несколько пренебрежительное отношение некоторых ученых к жанру комментариев весьма ошибочно. Возможно, комментарии и не важны для тех, кто занимается «чистой наукой» (кабы знать, что это такое). Для практиков толковые и ясные комментарии крайне важны. В книге «Культура интерпретации до начала Нового времени» подчеркивается, что комментарий является механизмом инновации, он способен породить новые смыслы и идеи, что комментарий способен подорвать канон, что комментарий к традиционному жанру – это способ неосознанного преодоления традиции: построенный на уважении к авторитету, в результате он оказывается полигоном инноваций [1]. Действительно, порой комментарии Нины Исаевны к арбитражной практике носили характер не просто воспроиз-

водящих тексты судебных решений, а содержали серьезнейший анализ практики, и ее научное мнение могло не совпадать с арбитражной практикой, а шло в развитие практики более правильной и справедливой.

Лишь спустя годы, после личного знакомства, я узнал, что она этот стиль работала в свою бытность госарбитром. В 1951–1967 гг. она была госарбитром Госарбитража при Мособлисполкоме, в 1957–1964 гг. – госарбитром Госарбитража при СМ РСФСР. С 1964 г. она перешла на научную работу во ВНИИ СЗ.

Она долгое время входила в состав Научно-консультативного совета при Высшем арбитражном суде РФ, Федеральном арбитражном суде Московского округа.

Судьба «заставила меня», или предоставила шанс, познакомиться с Ниной Исаевной, когда у нашей компании возникли проблемы с антимонопольной службой. Обычно когда возникают проблемы в какой-то новой области, первое, что приходится делать, – это учиться. Я обложился книгами, диссертациями в области антимонопольного законодательства. Послал своих сотрудников на семинар по антимонопольному законодательству, который организовал «Статут», а проводила Нина Исаевна. Мои сотрудники, вооруженные вопросами, на которые не было ответов в законодательстве и книгах, на этом семинаре стали их ей задавать. Позже, когда я прослушивал аудиозапись, я понял, что она именно тот человек, с которым мне нужно пообщаться.

В 2006 году, когда было принято новое антимонопольное законодательство, нужно было срочно принять меры, чтобы наши коммерсанты не совершили, по незнанию, ошибок, нарушающих требования антимонопольного законодательства. Я поставил перед нашим Учебным центром задачу не просто организовать обучение, но и добиться, чтобы обучение провела именно профессор Нина Исаевна Клейн.

Мне говорили, что это невозможно, что она не прилетит к нам, потому что уже давно не летает, и прочее. И все же это случилось: Нина Исаевна приехала в Нижнекамск, и мы с ней познакомились очно. Первое впечатление, как правило, бывает наиболее сильным. Она сразу же расположила к себе. Дело в том, что она проявляла неподдельный, искренний интерес к другим людям. А когда человек по-настоящему интересуется тобой – это не может не располагать. Оказавшись в незнакомом месте – до этого она никогда не бывала в Нижнекамске, – она проявила живой интерес и к людям, и к местной культуре. Ей было очень приятно, что антимонопольным законодательством интересуются и вдали от Москвы.

Так уж получилось, что общение началось с обсуждения острых проблем антимонопольного законодательства, и как же было приятно обсуждать их с профессионалом! Она сразу же по заданным вопросам сориентировалась и сделала комплимент, что по вопросам видно, что мы достаточно глубоко понимаем право. И спросила: а вот недавно на моем семинаре не Ваш ли сотрудник задавал вопрос? Когда я сознался, она сказала, что она сразу же поняла, что это вопрос не новичка, а человека, уже погруженного в тему.

Конечно, мы по ряду вопросов имели разные точки зрения, но глубина ее познаний и концептуальное понимание, системное понимание, с учетом принципов права, просто приводила в небольшой шок. Если бы мне за короткое время ее пребывания не нужно было обсудить очень много животрепещущих проблем, я, наверное, просто сидел бы с открытым ртом, ведь не часто удастся встретиться с человеком блестящего ума и огромной эрудиции, который был разработчиком целого ряда федеральных законов и кодексов. За первый вечер мы успели обсудить с ней большое количество проблем, договориться о сотрудничестве.

На следующий вечер она читала лекции, на которых присутствовали не только руководители, юристы, но и экономисты, сотрудники отделов сбыта и закупок.

Она читала лекцию именно с учетом того, что ее слушают не только юристы, и ее манера формулировать мысли простыми, лаконичными предложениями, а также сопровождать примерами из жизни сделали эти лекции бесценными. Нина Исаевна была классическим лектором-профессором. Для нее были приготовлены стол, стул, графин с водой и стакан, но она всю лекцию прочитала стоя, даже не присев ни на секунду. Она привлекла заинтересованное внимание всей собравшейся публики, это было видно по количеству заданных вопросов. Никогда ранее и позднее никому из приглашенных лекторов не удавалось получить столько заинтересованных вопросов. Безусловно, ей было очень приятно увидеть, что прочитанная ею лекция была понята столь разношерстной публикой. Надо отметить, что все сотрудники, побывавшие на этой лекции, до сих пор помнят ее.

После этого мы еще много общались, и когда мы ее провожали в Москву, мы знали, что приобрели нового друга.

С тех пор было немало встреч и общения. Она была удивительно чутким человеком. Когда человек «попадал в ее орбиту», она окружала его теплом и заботой. Ее аспиранты и ученики как бы попадали под ее крыло, они всегда могли рассчитывать на ее помощь и внимание.

В наше бурное время, когда всё делается на бегу, когда ни на что не хватает времени, само ее существование помогало нам. Ее обращенность к людям, настроенность на помощь невольно заставляли меняться и нас. Ее бескорыстие и сердечная отзывчивость делали мир светлее и теплее.

Она была очень открытым человеком, легким в общении. Быть ее другом было большой честью. «Друг Нины Исаевны» – значит, он этого стоит, значит, она этого человека обязательно защитит и проявит заботу. Значит, нужно быть достойным ее дружбы, стараться хоть немного быть, как она, принципиальным, добрым, чутким и неравнодушным. Ну и, конечно же, друг Нины Исаевны – это уже и наш друг.

Когда мы подали жалобу в Конституционный Суд РФ на неконституционность ряда положений Федерального закона «О защите конкуренции», то мы обратились сразу к ней, как специалисту, который стоял у истоков антимонопольного законодательства, с просьбой дать заключение по предмету спора. Она вначале запросила текст жалобы, а когда она его прочитала, то она меня очень поразила тем, что она сказала, что текст жалобы написан не мной – не мой стиль... Это было действительно так. Хотя план и примерное содержание жалобы были определены мной, но жалобу писал начальник претензионно-искового отдела Т. В. Быстрова. Конечно же, я жалобу потом правил и корректировал, но факт оставался фактом, весь текст писал не я.

Насколько же тонко она чувствовала тексты, чтобы даже определить руку, написавшую текст! Это очень высокий уровень понимания и компетентности. Я был шокирован и, конечно же, подтвердил ей ее правоту, не удержавшись от вопроса, как она догадалась. Она ответила: «Вы написали бы по-другому». Я был очень рад, что она согласилась написать заключение. Правда, пока она его писала, мне пришлось выдержать целый ряд дискуссий, поскольку она писала заключение, исходя не из того, что мы хотели бы увидеть в заключении, а из собственного понимания права. Было очень приятно наблюдать, как она пытается понять проблему с других точек зрения. Дискутировать с ней было и легко и нелегко. Легко потому, что она была не узким специалистом, а универсалом – и процессуалистом, и цивилистом, и антимонопольщиком и пр. Соответственно, добиться, чтобы она взглянула на проблему через призму процессуального законодательства или другой отрасли права, было очень легко. А нелегко потому, что она сама была авторитетом и некоторые ее утверждения звучали очень безапелляционно, как не подлежащие обсуждению. Но со временем я как-то к этому при-

способился, оказалось, что это только видимость авторитаризма, порожденная профессиональным чтением лекций. Сама же Нина Исаевна была открыта к дискуссиям и восприятию других точек зрения. Она была очень корректным оппонентом в научном споре. Не соглашаясь с вашими идеями и утверждениями, она продолжала крайне уважительно относиться к Вам.

Заключение, данное Н. И. Клейн, в дальнейшем нам очень помогло при рассмотрении дела в Конституционном Суде РФ. Хотя там были и другие точки зрения, другие заключения, заключение Н. И. Клейн было очень уважительно воспринято. Конституционный Суд РФ помог защитить нам наши права в споре с ФАС РФ.

Хотя надо отметить, что Н. И. Клейн не без сомнений восприняла Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 и 4 ст. 12, ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках” и ст. 23, 37 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобами ОАО “Газэнергосеть” и ОАО “Нижекамскнефтехим”». Она была не согласна с существованием «общего срока исковой давности» при привлечении к публичной ответственности, а также декларированием в данном Постановлении возможности одновременного взыскания и штрафа, и дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства. Ее несколько успокоила публикация Особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. М. Казанцева, в котором он полагал, что «положения п. 2 и 4 ст. 12, ст. 22.1 и 23.1 Закона РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках” и ст. 23, 37 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в той мере, в какой ими на лиц, нарушивших нормы антимонопольного законодательства, возлагается ответственность в виде перечисления в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие данного нарушения, без закрепления в законе общих положений о данном виде юридической ответственности, в частности без определения состава правонарушения, срока давности привлечения к ответственности и условий возложения ответственности на группу лиц, без указания, на ком лежит бремя доказывания виновности привлекаемого к ответственности лица, без указания на обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности, не согласуются с конституционными принципами верховенства права и правового государства, а также с общеправовыми принципами правовой определенности, справедливости и равенства, не отвечают требованиям ст. 1 (ч. 1), 19 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и ведут к несоразмерному ограничению конституционного права собственности, гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации».

Жаль, что точка зрения судьи С.М. Казанцева не возобладала при рассмотрении данного дела. В результате мы имеем крайне странную конструкцию по срокам давности при привлечении к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства...

Не могу не упомянуть, как очень часто консультации по тому или иному вопросу, с которым я приезжал к Нине Исаевне, превращались в обсуждение совсем других вопросов, которые интересовали ее. И таких вопросов было порой значительно больше. Как правило, вопросы, действительно, были сложные, на которые трудно найти ответ путем простого прочтения нормы того или иного закона. И она занималась решением этих проблем, получая от этого удовольствие.

Было несколько раз, когда я приезжал к ней в санаторий и видел, что ей нездоровится, я сожалел, что отвлекаю ее. Но через 10–15 минут общения я видел, как она меняется, как уходит усталость, появляется румянец. Я, наверное, отвлекал ее от болезни – она оживала за работой и решением сложных проблем. Ей бы-

ло важно помочь людям, которые обратились к ней за советом и помощью. Она доставала папку с различными бумагами и начинала выяснять: а что я думаю по вот такому поводу, чем я обосновываю свою точку зрения? Она была очень любознательна, и другая точка зрения для нее была важна, чтобы выяснить, какое же решение проблемы будет правильным.

Она была очень принципиальна, и, видя неправильную практику даже высших судебных инстанций, она называла ее неправильной, и много комментариев судебной арбитражной практики содержало изложение ее точки зрения, противоречащей сложившейся судебной практике. В то же время ее критика была очень тактична и, быть может поэтому, еще более убедительна. Проходило время, и иногда практика менялась.

Огромное ее преимущество перед узкими специалистами права заключалось в том, что она была специалистом не только материального, но процессуального права. Причем специалистом, который писал и ГК РФ, и АПК РФ. Хотя надо отметить, что она не защищала всех норм этих законов, иногда даже, наоборот, критиковала их.

В частности, она полагала излишним установление трехмесячного срока для обжалования ненормативных актов государственных органов. Пропуск этого срока не делал ненормативный акт законным и не лишал заинтересованного лица права ссылаться на такой способ защиты, установленный в ст. 12 ГК РФ, как «неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону». Не можем не отметить, что сама по себе данная норма очень похожа на процессуальную норму в материальном праве. Что ж, авторство этой нормы принадлежит Н. И. Клейн, написавшей ее еще до того, как были переписаны советские процессуальные кодексы.

Она также выражала несогласие с тем, как были внесены изменения в ч. 4. ст. 539 ГК РФ – «К отношениям по договору снабжения электрической энергией правила настоящего параграфа применяются, если законом или иными правовыми актами не установлено иное». По ее мнению, не следовало давать приоритет нормам подзаконных актов перед нормами ГК РФ. Такое регулирование основано на желании обойти стройную систему норм и принципов ГК РФ.

Надо отметить, что Нина Исаевна была специалистом очень широкого профиля и ее кругозор позволял ей браться за такие новые отрасли права, как антимонопольное законодательство, законодательство об энергоснабжении.

Причем Н. И. Клейн была привлечена к разработке первого российского антимонопольного закона вместе с сотрудниками ведомства и рядом ученых, в том числе и Г. Е. Авиловым. Весной 1991 был принят Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-І «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Безусловно, разработка данного закона была сложнейшей задачей в отсутствие устоявшегося смежного законодательства, когда гражданское и административное законодательство находились в стадии реформирования или, точнее, формирования, когда даже Конституция была предметом постоянных изменений и корректировок.

Руководитель ФАС РФ И. Ю. Артемьев, отмечая ее вклад, называл ее – «легендарная... Нина Исаевна Клейн. Она просто “мама” всего нашего антимонопольного законодательства» [16]. Неудивительно, что именно она стала первым Почетным работником антимонопольных органов России.

Причем она постоянно отслеживала и применение антимонопольного законодательства, и проблемы, возникающие при применении, сразу же пытаясь решить проблемы в русле справедливости. У нее было очень острое чувство справедливости, и она не терпела лукавства. Лукавая в разговоре с ней, можно было очень сильно упасть в ее глазах, поэтому было очень важно в общении с ней быть чест-

ным. Когда же она видела несправедливость, она с радостью предлагала свою помощь.

Мы также обращались к ней за помощью при разрешении сложнейших проблем в энергоснабжении, когда нам нужно было справиться с проблемой перекрестного субсидирования. Проблема была очень острой и болезненной, и поэтому решать ее нужно было очень аккуратно. Нина Исаевна не просто поддержала наш способ защиты добрым словом, но и представила свое правовое заключение.

Надо отметить, что ее заключения были весьма лаконичными, содержащими в себе концепт проблемы, с очень точными формулировками и лишены ненужного внешнего антуража, создающего видимость научной работы за счет большого количества ссылок и цитат. Ее заключения были очень емкими, всегда удивляла ее способность кратко и точно формулировать свои идеи. Такое ее качество было, безусловно, важно при подготовке законопроектов. Впрочем, от такой способности не отказался бы ни один практикующий юрист. Лаконичность и четкость ее заключений делала их более ценными для представления в суд, которого редко интересуют научные изыски и сложные логические умозаключения.

Не можем не отметить, что у нее было в планах написать статью о применении правовых заключений в арбитраже. Тема и сейчас сохранила свою актуальность. Поскольку представление правового заключения порой вызывает бурю эмоций, сопровождаемых заявлениями, что экспертизы по вопросам права недопустимы, что это заключение, сделанное вне процесса, не является доказательством и пр.

Когда мы представляли суду правовое заключение Н. И. Клейн, наш оппонент, как и следовало ожидать, стал возражать против его приобщения к материалам дела. Мы обосновали приобщение правового заключения Н. И. Клейн, как полученное в рамках реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и которое мы просили приобщить не в качестве доказательства, а в качестве нашей правовой позиции. Суд устроил такой подход, и в последующем было приятно обнаружить в тексте судебного решения целые абзацы из заключения. Спор был очень важным, и другой стороной прилагались неимоверные усилия для того, чтобы переломить ситуацию, в том числе административные и пр.

Но заключение Н. И. Клейн помогло победить правде. Суд кассационной инстанции воспроизвел в своем постановлении еще больше положений заключения Н. И. Клейн, хотя, как и в суде первой инстанции, без ссылок на ее заключение. Впрочем, у нас в судах и на доктрину не принято ссылаться, а не только на правовое заключение. К сожалению, в нашем процессуальном законодательстве до сих пор нет процедуры представления суду заключения «амикускуриэ» (*amicuscuriae*)². Возможно, причиной тому является следование аксиоме «суд знает право». Однако бывает достаточно много очень узкоспециальных споров, где суду бывает сложно разобраться в деле ввиду отсутствия у него этой узкоспециальной подготовки. Кроме того, бывают споры, затрагивающие очень широкий круг заинтересованных лиц, например об оспаривании нормативных актов. В таких спорах очень важно увидеть дело со всех точек зрения, а не только с позиции заявителя, которая может быть иногда слабой, а вынесенное решение уже будет правопрепятствующим юридическим фактом для всех остальных заявителей. Соответственно, заключение «амикускуриэ», представленное в пользу общественно-

² «*Amicuscuriae*» – это субъект, который не принимает участия в судебном процессе в качестве стороны, но предлагает вниманию суда определенное мнение, взгляд, отчет с тем, чтобы способствовать вынесению желаемого судебного решения». Институт «друзей суда» известен человечеству еще со времен римского преторского права.

го интереса лицом, не участвующим в деле, могло бы быть весьма полезным, чтобы судебное решение было более справедливым.

Эти рассуждения отчасти плод нашего разговора с Н. И. Клейн, которой мы показали судебные акты с заимствованным из ее заключения мотивировкой. Ей было очень приятно, что ее заключение не только было приобщено, но и фактически легло в основание судебного решения.

Дружба с Ниной Исаевной также накладывала определенные обязательства. Поскольку я часто направлял ей свои статьи, она настояла на том, чтобы я начал делать шаги в сторону защиты диссертации: мол, у Вас все давно написано, нужно только оформить. Я долго отбивался, но был вынужден дать ей обещание подготвиться и сдать кандидатские экзамены. Экзамены я сдал.

Экзамен по специальности «гражданский процесс» я сдавал в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Не могу не рассказать, как проходил экзамен. В составе экзаменационной комиссии были также и Н. И. Клейн и Л. Ф. Лесницкая. После того как я ответил на стандартные вопросы, экзамен незаметно превратился в выяснение моего мнения о некоторых процессуальных проблемах в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Это было неудивительно, поскольку Институт часто готовил заключения по тем или иным законопроектам, и, как я понял, мнение практика было очень интересно. Через некоторое время экзамен превратился в дискуссию, где я уже был не «экзаменуемым», а равноправным членом научного диспута. Было очень интересно, в ходе этого диспута я также обнажил ряд проблем процессуального права, возникших в ходе моей практической деятельности. Через пару часов этого диспута всё же пришлось вспомнить о том, что есть другие циклы и что экзамен затянулся. Это, наверное, было первый раз в моей жизни, когда мне было жаль, что экзамен уже закончился. Общение с высококомпетентными профессионалами, когда тебя понимают с полуслова, многого стоит. Не стану скрывать, что в ходе этого экзамена я решил несколько практических проблем.

К сожалению, я при жизни Нины Исаевны не успел дописать диссертацию, зато писал отзывы на диссертации ее учеников. Когда я пытался отказаться, ссылаясь на то, что я еще сам не защитился, она просто сказала: «Пишите, Вас и так знают». Надо отметить, что диссертации, на которые я писал отзывы, были подготовлены на очень высоком уровне. Особенно запомнилась диссертация М. А. Глазковой, которая «заразилась» требовательностью к научной работе. Было видно, что диссертант уже к концу диссертации вышел на новый уровень понимания рассматриваемой проблемы и что пока она писала диссертацию, она же сама ее и переросла. Это показывает, насколько щепетильно Н. И. Клейн прорабатывала с диссертантами их работы, мягко направляя их и помогая им расти. Она гордилась своими учениками, рассказывая об их успехах. Рассказывая о защите М. А. Глазковой, она радовалась, что это была настоящая защита – с научной дискуссией, с острыми вопросами и компетентными ответами. Она очень гордилась своими диссертантами и очень часто рассказывала о них как об очень близких людях. Так, она часто упоминала в разговорах Светлану Михайловну Петрову, которая работала судьей ВАС РФ до его реорганизации.

Нина Исаевна была одной из первых, поддержавших проект по изданию трудов классиков гражданского процесса, и именно у нее я получил поддержку в необходимости переиздания «Курса гражданского процесса» Е. А. Васьковского. Сейчас он уже вышел, жаль лишь, что она не увидела переводов работ Е. А. Васьковского польского периода (их публикация стала возможной благодаря стараниям Ю. В. Тая), никогда не публиковавшихся ранее на русском языке. Она же поддерживала издание трудов Михаила Малинина, которого она, как оказалась, ранее не читала, но, ознакомившись с одной из его книг [12], она сказала: «Это надо

обязательно переиздать!», пожалев, что многие дореволюционные труды русских ученых в советское время не были доступны.

Тогда же она дала согласие на переиздание ее книги «Встречный иск в суде и арбитраже». Как ни удивительно, эта работа до сих пор сохранила свою актуальность, и все, кто соприкасается с проблемой, связанной с реализацией права на встречный иск, обращаются к этой работе.

Когда жизнь поставила перед нами проблемы подачи нескольких встречных исков, возможности обжалования определений об отказе в принятии встречных исков [18; 20], о возможности подачи встречных исков при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений [9; 17], то первыми работами, в которых мы искали ответ, были труды Нины Исаевны. Надо отметить, что ответ мы чаще всего находили или, по крайней мере, находилось направление для дальнейшего поиска ответа.

Немного подробнее о дискуссиях с Ниной Исаевной Клейн

Полагаем уместным поведать о некоторых дискуссиях с профессором Н. И. Клейн.

Одна из тем, которая была предметом наших совместных дискуссий, – это свобода договора и возможность ее ограничения антимонопольными органами.

Н. И. Клейн придерживалась той точки зрения, что свобода договора является важнейшим принципом договорного права, но она может быть ограничена антимонопольным законодательством как с целью защиты публичного порядка, так и в пользу экономически зависимой стороны [10].

Нарушение антимонопольного законодательства может быть одновременно нарушением публичного права, а также гражданского права. Кроме того, не можем не отметить, что Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) предусматривает защиту нарушенных гражданских прав в административном порядке (ч. 2 ст. 11 ГК РФ). Обращение в ФАС РФ о нарушении прав злоупотреблением доминирующим положением может являться способом защиты гражданских прав в административном порядке. Это порождает вопрос о пределах вмешательства антимонопольных органов в гражданские права хозяйствующих субъектов.

Так, например, вправе ли антимонопольный орган выносить суждение о недействительности сделки, заключенной с нарушением антимонопольного законодательства?

В ст. 10 ГК РФ, установившей запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также на злоупотребление доминирующим положением на рынке, в качестве общего правила в качестве правовых последствий предусматривался отказ судом лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично. Очень долгое время практика отрицательно относилась к возможности признания злоупотребления правом в качестве основания для признания сделки недействительной.

Хотя в отношении сделок, заключенных с нарушением антимонопольного законодательства, сомнений в возможности их признания недействительными не было, но был другой вопрос: является ли сделка, заключенная с нарушением антимонопольного законодательства, ничтожной или все же является оспоримой? Ответ на этот вопрос также позволял понять, какие сроки давности должны быть применены – годичный для оспоримых или трехлетний для ничтожных.

Этот вопрос был тем более актуален, что ранее нарушение законодательства влекло чуть ли не автоматическое признание ничтожности сделки (ст. 168 ГК РФ) и правовые последствия в виде реституции. Что порой было явно несоразмерным вмешательством в свободу договора.

В отношении сделок, заключенных с нарушением антимонопольного законодательства, часто высказывалась точка зрения, что они являются оспоримыми, поскольку в ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции» содержалось право антимонопольного органа обращаться с исками о признании недействительными полностью или частично договоров, не соответствующих антимонопольному законодательству. На основе этого положения строилось утверждение, что поскольку ничтожная сделка является недействительной с момента ее совершения, а оспоримая признается недействительной только по решению суда, то сделка, не соответствующая антимонопольному законодательству, является оспоримой. Такое толкование и на наш взгляд было приемлемым, хотя и могло быть излишне мягким к сделкам, совершенным с грубым, умышленным нарушением антимонопольного законодательства.

В настоящее время в ч. 1 ст. 168 ГК РФ указано, что по общему правилу сделка, заключенная с нарушением закона, является оспоримой, если иное не установлено в законе. Однако это не дает возможности однозначно утверждать, что сделка, заключенная с нарушением антимонопольного законодательства, является оспоримой, поскольку в ч. 2 ст. 168 ГК РФ установлено правило, что «сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима, или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки».

Полагаем, что в определенных случаях такой ничтожной сделкой может быть и сделка, заключенная с нарушением антимонопольного законодательства. Фактически новая редакция ст. 168 ГК РФ дает «рецепт» по разграничению ничтожных сделок и недействительных сделок – ничтожность влечет лишь соединение нарушений требований закона с фактом посягательства на публичные права либо охраняемые законом интересы третьих лиц. Возможно, такой «рецепт» будет вызывать иногда проблемы в правоприменении, но он более соответствует требованиям ст. 55 Конституции РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» также содержатся определенные «рецепты», противодействия злоупотреблению правом: «к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений ст. 10 и п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ». Однако применение положений данных статей все же возможно, лишь когда нет другого способа защиты. Ст. 10 и 168 ГК должны применяться в качестве оснований для признания сделок недействительными только тогда, когда у суда нет никакого другого средства для защиты от злоупотреблений. Чаще всего такое специальное регулирование имеется, и оно устанавливает не ничтожность, а оспоримость сделки. Поэтому эти специальные нормы должны исключать применение ст. 10 ГК РФ, когда они подпадают под состав таких специальных норм.

Очевидно, что «одна и та же сделка не может быть ничтожной и оспоримой одновременно» [13]. Из этого следует, что наличие специальной нормы об оспоримости сделки имеет приоритет перед «убийственным дуэтом» – ст. 10 и ст. 168 ГК РФ. Иной подход делал бы ненужным все специальные нормы.

Таким образом, ранее существовавшее суждение о том, что закрепленное в ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции» право антимонопольного органа обращаться с исками о признании сделок, противоречащих антимонопольному законодательст-

ву, означает, что такие сделки являются оспоримыми, не потеряло права на существование. Тем более что норма закона о защите конкуренции безусловно является специальной нормой, подлежащей применению при оспаривании сделок, противоречащих антимонопольному законодательству.

Из этой же специальной нормы можно с легкостью вывести правило, запрещающее антимонопольному органу самостоятельно квалифицировать сделки в качестве недействительных без обращения в суд. Что, однако, не лишает антимонопольные органы права привлекать к ответственности и принимать другие меры, например давать обязательные предписания об изменении условий договоров или о расторжении договоров в случае, если при рассмотрении антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства лицами, права которых нарушены или могут быть нарушены, было заявлено соответствующее ходатайство.

Таким образом, свобода заключать договоры ограничена обязанностью соблюдать антимонопольное законодательство.

В то же время тот факт, что нарушение антимонопольного законодательства может быть основанием для признания сделки недействительной, не означает, что при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства всегда применимы положения гражданского законодательства. В частности, на одном процессе, где хозяйствующие субъекты оспаривали привлечение их к ответственности за антиконкурентное соглашение, мы наблюдали, как очень долго адвокат доказывал, что соглашение не было заключено, через призму требований ст. 432 ГК РФ. Его защита отчасти была построена на том, что поскольку сделка не заключена, то привлекать за антиконкурентное соглашение нельзя. Такой подход по своей сути есть продолжение сложившейся практики, допускающей возможность признания только заключенной сделки недействительной и не допускающей такую возможность в отношении незаключенной сделки.

Однако вся эта защита не выдержала риторического вопроса: должен ли деликт соответствовать требованиям гражданского законодательства? Конечно, нельзя вопрос квалификации нарушения антимонопольного законодательства связывать с соблюдением формы заключения договора.

Другой вопрос, который мы обсуждали с Н. И. Клейн, был о пределах законной силы решения антимонопольного органа и о том, обладает ли преюдицией решение антимонопольного органа.

В результате долгого обсуждения мы пришли к общему мнению, что само по себе решение антимонопольного органа не порождает преюдиции, но, пройдя процедуру судебного решения, может создавать определенную преюдицию.

Надо отметить, что попутно было обсуждено большое количество процессуальных вопросов, в частности вопрос о необходимости установления в процессуальных кодексах трехмесячного срока для обращения в суд с целью оспаривания ненормативных актов государственных органов. По мнению Н. И. Клейн, установление таких сроков являлось излишним.

Отчасти ее подход был основан на таком способе защиты, закрепленном в ГК РФ, как «неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, не соответствующего законодательству».

Применение данной нормы не связано ни с какими сроками. Исходя из положений Гражданского кодекса РФ, к данному способу защиты возможно прибегнуть в любое время. Существование данной нормы нивелирует довод о том, что установление срока для обращения в суд создает правовую определенность. Данная норма показывает, что нарушение принципа законности не может породить правовой определенности, поскольку в любой момент может быть заявлено о не-

применении судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, не соответствующего законодательству [19].

Одновременно, при обсуждении обязательности необжалованного акта антимонопольного (а впрочем, и любого другого) государственного органа, возник вопрос о возможности подачи встречного иска при рассмотрении иска об исполнении акта государственного органа (например, иска антимонопольного органа о взыскании дохода в федеральный бюджет, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, который подается при неисполнении предписания антимонопольного органа о перечислении в доход государства).

Профессор Н. И. Клейн – автор классической работы «Встречный иск в суде и арбитраже» [6], поднимая проблему возможности предъявления встречных требований в делах, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, отмечала, что «правовая доктрина длительное время отрицала такую возможность. Однако арбитражная практика давно допускает предъявление встречных требований по такой категории дел, особенно по налоговым спорам» [9]. Причем правом подачи встречного иска пользуются не только налогоплательщики, но порой и налоговые органы [14; 15].

В обоснование возможности подачи встречного иска Н. И. Клейн указывала, что «в соответствии с ч. 1 ст. 189 АПК дела, возникающие из административных правоотношений, рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, предусмотренными разд. III АПК РФ. В особенностях рассмотрения дел, возникающих из административных правоотношений, нет норм, препятствующих предъявлению встречных требований, отвечающих условиям и основаниям, предусмотренным ст. 132 АПК» [9].

Сам по себе факт неоспаривания акта государственного органа не делает его законным и не порождает преюдиции при рассмотрении дела в суде. Поэтому, конечно, он может быть оспорен путем подачи встречного иска в момент, когда государственный орган подаст иск об исполнении его акта.

В настоящее время, в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее КАС РФ), уже не нужно отстаивать право на подачу встречного иска в делах о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [17]. Н. И. Клейн всегда в дискуссиях была настроена на поиск истины, и очень приятно наблюдать, как многие ее идеи продолжают прорастать в обществе на благо всем нам.

В последние месяцы ее жизни мы с ней часто обсуждали вопрос создания Кодекса административного судопроизводства РФ, который, по ее мнению, был бы отчасти декодификационным актом, поскольку основные процессуальные принципы и положения уже прописаны и в АПК РФ, и в ГПК РФ. Буквально за неделю до того, как она попала в реанимацию, мы договорились о встрече с ней для обсуждения статьи на эту тему для «Вестника гражданского процесса». К сожалению, в день, когда я прилетел, она уже находилась в реанимации, и мы с ней больше уже не увиделись.

Безусловно, ее смерть – большая потеря для всех нас, для науки, для страны, но это лишь ее физическая смерть, а тепло душевного общения, которым она нас награждала, по-прежнему с нами. Она по-прежнему продолжает быть для нас примером и помогает нам в трудных ситуациях быть принципиальными и преданными идеалам права и справедливости.

И те из нас, кто считает себя ее учеником и другом, просто обязаны служить делу верховенства права и справедливости, как это делала Нина Исаевна Клейн.

Литература

1. Брагинская Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени / под ред. Ю. В. Ивановой, А. М. Руткевич. – М., 2009.
2. Быков А., Клейн Н. Новые положения о поставках продукции и товаров // Хозяйство и право. – 1988. – № 10. – С. 22–30.
3. Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству : утв. пост. Госарбитража при СМ СССР от 15 июня 1965 г. № П-6.
4. Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству : утв. пост. Госарбитража СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7.
5. Каллистратова Р., Клейн Н. Участники арбитражного процесса (Комментарий главы 3 Закона СССР «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР») // Хозяйство и право. – 1991. – № 10. – С. 20–28.
6. Клейн Н. И. Встречный иск в суде и арбитраже. – М., 1964.
7. Клейн Н. И. Непродовольственные товары: новое в их производстве и реализации // Хозяйство и право. – 1987. – № 11. – С. 54–57.
8. Клейн Н. И. Организация договорно-хозяйственных связей. – М., 1976.
9. Клейн Н. И. Оспаривание органом исполнительной власти предписания антимонопольного органа об отмене нормативного акта // Комментарий судебно-арбитражной практики. – Вып. 10 / под ред. В. Ф. Яковлева. – М. : Юридическая литература, 2003. – С. 72–83.
10. Клейн Н. И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2008. – № 1.
11. Клейн Н. И., Петров И. Н. Комментарий к Положениям о поставках продукции и товаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юридическая литература, 1978.
12. Малинин М. И. Убеждение судьи в гражданском процессе / 1. В производстве до судебного заседания. – Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1873. – 159 с.
13. Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 89-КГ15-13.
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 октября 2008 г. № 6272/08.
15. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 апреля 2007 г. № КА-А40/2297-07.
16. Российская государственная политика в области конкуренции и новое антимонопольное законодательство : интернет-конференция. – URL: <http://www.garant.ru/action/conference/10122/#ixzz3fQHOWYQM> (дата обращения: 09.07.2015).
17. Султанов А. Р. Встречный иск при рассмотрении споров, вытекающих из публичных правоотношений // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 3. – С. 129–141.
18. Султанов А. Р. Недопустимость подачи нескольких встречных исков – идол театра? // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 2. – С. 104–126.
19. Султанов А. Р. О возможной неконституционности установления трехмесячного срока для оспаривания актов государственного органа, органа местного самоуправления, их должностных лиц, ограничивающих права и свободы граждан и юридических лиц (абз. 1 ч. 3 ст. 263 ГПК Кыргызской Республики) // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 3. – С. 76–87.
20. Султанов А. Р. Подача второго встречного иска с точки зрения научной доктрины и АПК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 6. – С. 116–125.

Aidar Rustemovich Sultanov,

member of Association for Better Living and Education (ABLE),
Head of Legal Division of Nizhnekamskneftekhim (Nizhnekamsk)

Adherence to Principles and Justice. To the Memory of Nina Isaievna Klein

The article is dedicated to the personality and creativity of Nina Isayevna Klein (1924–2013) – a prominent Soviet and Russian jurist, professor, chief researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation, participant in the development of the Law of the USSR "On Enterprises and Business Activities, the Law of the RSFSR "On Competition and Restriction of Monopolistic Activity in Commodity Markets", the Civil Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and other normative and legal acts.

Keywords: justice; business customs; supply; antitrust law; competition protection; right to receive qualified legal aid; doctrine; amicus curiae; scientific dispute; freedom of contract; abuse of law; nullity of transactions; counter-claim.

Общественный контроль в современной России: основные направления и проблемы развития

Рассматриваются понятие, цели и задачи, субъекты, формы, направления общественного контроля, основные проблемы и особенности развития, анализируется роль общественного контроля в российском обществе и государстве.

Ключевые слова: общественный контроль; гражданское общество; правовое государство; общественные советы; общественные палаты.

Общественный контроль – важная составная часть системы защиты прав и свобод человека и гражданина, эффективность которой зависит от соблюдения законодательства всеми органами власти, уровня развития механизма сдержек и противовесов ветвей власти, взаимодействия власти и институтов гражданского общества.

Актуальное и емкое определение, отражающее ключевое содержание общественного контроля, дает Т. Н. Михеева, рассматривающая общественный контроль как «новый демократический институт, который позволяет гражданскому обществу контролировать деятельность власти» [6].

Рассматривая роль общественного контроля в российском обществе и государстве, российские ученые и практики дают различные оценки (от определяющей, ведущей, приоритетной до дополнительной, вторичной). Так, например, В. В. Гриб определяет систему общественного контроля как основу гражданского общества и правового государства [1, с. 33], и с такой позицией вполне можно согласиться. Т. Н. Михеева и Е. В. Маслов отмечают, что общественный контроль – это одна из дополнительных форм взаимодействия общества и власти [7, с. 18–20].

Анализируя экспертные мнения, концепции российских ученых о формах, содержании, специфике общественного контроля, можно обобщить различные типологии в следующую классификацию данного института: 1) цифровой, электронный или «живой», реальный общественный контроль; 2) официальный или неофициальный; 3) институциональный или функциональный; 4) виртуальный или документальный; 5) тематический (например, направленный на противодействие коррупции, или жилищный общественный контроль, или др.) или всеобщий, комплексный; 6) экспертный или практический; 7) муниципальный, региональный, федеральный, др.

Участие граждан в общественном контроле формирует, по нашему мнению, и используя терминологию Р. Даля, гражданскую компетентность [2]. Институты общественного контроля предназначены, в том числе, и для гражданского просвещения, формирования демократической гражданственности.

В актуальной повестке дня ООН – Целях устойчивого развития (далее – ЦУР) – развитие демократических институтов (в том числе института общественного контроля) закреплено в цели 16 «Мир, правосудие и эффективные институты» и цели 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития». Надо отметить в связи с этим, что «программа ООН об устойчивом развитии до 2030 г., где указаны

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

** Наталья Валерьевна Палкина, юрист МЦ «ПрофМед», магистр юриспруденции, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

17 целей устойчивого развития, была единогласно принята мировыми лидерами на историческом саммите ООН в сентябре 2015 г. Благодаря объединению национальных приоритетов с Программой 2030 и сотрудничеству с частным сектором и гражданским обществом, правительства начали активизировать усилия по ликвидации нищеты и работе с проблемами неравенства и изменением климата к 2030 г.»¹.

Общественный контроль должен быть эффективным институтом каждого правового государства и гражданского общества, участие в деятельности которого позволяет гражданам реализовать право на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ), право на участие в ведении государственных дел (ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Сферу общественного контроля регулирует Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», в соответствии с которым под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений².

Таким образом, основные направления осуществления общественного контроля – это наблюдение, общественная проверка, анализ и общественная оценка актов и решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций. Считаем важными гражданское просвещение и правовое обучение граждан умениям и навыкам общественного контроля, так как каждый из нас, независимо от принадлежности к тому или иному субъекту общественного контроля, должен знать и понимать сущность и назначение этого демократического института, имеющего прежде всего правозащитную направленность краткосрочного или долгосрочного действия.

Целями общественного контроля в соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ» являются: «1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; 2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударствен-

¹ Цели устойчивого развития // Официальный сайт ООН. – URL: [https://www.un.org/sustainable-development/ru/sustainable-development-goals/](https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/) (дата обращения: 10.02.2020).

² Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809 (дата обращения: 10.02.2020).

ных некоммерческих организаций»³. Достаточно сложными по мере полного осуществления являются все указанные цели, особенно вторая из них, которая трудно достижима при наличии острых дискуссий, противоположных и отчасти противоречивых мнений, полярных позиций, политизации общественного мнения, невысокого уровня развития политической и правовой культуры в обществе в целом.

В качестве задач общественного контроля в ст. 5 данного Федерального закона закреплены следующие: «1) формирование и развитие гражданского правосознания; 2) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; 3) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов; 4) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; 5) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 6) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; 7) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия»⁴.

В качестве принципов осуществления общественного контроля в ст. 6 Федерального закона «Об основах общественного контроля в РФ» установлены: приоритет прав и законных интересов человека и гражданина; добровольность, самостоятельность и независимость субъектов; публичность и открытость; законность; объективность, беспристрастность и добросовестность субъектов; обязательность рассмотрения органами публичной власти результатов общественного контроля; многообразие форм общественного контроля, др. Наряду с этим, важным принципом является недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов публичной власти и в сферу деятельности политических партий.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в ч. 1 ст. 9 определяет в качестве субъектов общественного контроля: Общественную палату Российской Федерации; общественные палаты субъектов Российской Федерации; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Часть 2 ст. 9 предусматривает возможность создания общественных наблюдательных комиссий (ОНК), общественных инспекций, групп общественного контроля и других организационных структур общественного контроля. Часть 1 ст. 3 Федерального закона предусматривает, что граждане имеют право участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; граждане могут принимать участие в общественном контроле в качестве общественных контролеров, общественных инспекторов и общественных экспертов, которые привлекаются к его осуществлению субъектами общественного контроля. Него-

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809 (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ Там же.

сударственные НКО также могут участвовать в осуществлении общественного контроля, выступать в качестве организаторов общественного мониторинга и общественного обсуждения.

Система общественного контроля в современной России представлена прежде всего общественными палатами, общественными советами, общественными наблюдательными комиссиями, и остается актуальным вопрос о расширении перечня субъектов общественного контроля.

Общественная палата Российской Федерации реализует свои задачи, в том числе, посредством: выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений; проведения общественной экспертизы (экспертизы) проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления; осуществления общественного контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также за соблюдением свободы слова в средствах массовой информации; привлечения граждан, общественных объединений и представителей средств массовой информации к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова в средствах массовой информации, реализации права граждан на распространение информации законным способом, обеспечения гарантий свободы слова и свободы массовой информации, и выработки по данным вопросам рекомендаций.

Так, за 2018 г. в Общественную палату Российской Федерации поступило более 29 тыс. обращений граждан, работало 13 тематических горячих линий, проведено 30 общественных экспертиз, в органы государственной власти направлено четыре резолюции и 66 рекомендаций⁵. Обзор обращений граждан показал, что их тематика затрагивает все сферы деятельности. Так, наиболее актуальными остаются вопросы в сфере жилищных отношений и ЖКХ, заявители выражают недовольство, прежде всего, действиями управляющих организаций, товариществ собственников жилья и прочих организаций, осуществляющих управление жилым фондом. На втором месте по числу жалоб – обращения граждан с проблемами, затрагивающими вопросы соцобеспечения и соцзащиты; так, среди них – материальная помощь многодетным семьям, пенсионерам и малообеспеченным слоям населения; предоставление дополнительных льгот отдельным категориям граждан, материальная помощь и льготы инвалидам, выплаты пособий и компенсаций на детей, социальная поддержка многодетных, малоимущих, неполных семей. Достаточно много обращений поступает в Общественную палату РФ от граждан с просьбой оказать содействие в трудоустройстве; обращения связаны с трудоустройством в организациях и на предприятиях, начислением и выплатой заработной платы, регулированием трудовых отношений, получением пособий в связи с закрытием, банкротством и ликвидацией предприятий, др.

Интересные демократические практики в области общественного контроля появляются в ряде регионов при участии региональных общественных палат. Так, например, в Вологодской области создана система общественного контроля за использованием и содержанием дорог, сформировано информационное поле с указанием принадлежности дорог и база, куда любой человек может направить

⁵ Итоги работы за 2018 г. подвели на пленарном совещании в Общественной палате РФ. – URL: <https://360tv.ru/news/obschestvo/itogi-raboty-za-2018-god-podveli-na-plenarnom-soveschani-v-obschestvennoj-palate-rf/> (дата обращения: 10.06.2019).

информацию о неисправности того или иного участка дороги⁶. В Оренбургской области за счет системы общественного контроля удалось заметно улучшить работу медико-социальной экспертизы⁷. Общественной палатой Ставропольского края⁸ ведется системная работа по общественному контролю за сохранением и рациональным использованием природного потенциала, уникальных лечебных и оздоровительных свойств особо охраняемого эколого-курортного региона федерального значения Кавказские Минеральные Воды. Результаты этой работы были, в частности, учтены Правительством России при разработке и принятии стратегии, утвержденной в конце ноября 2018 г.⁹

Интересная инициатива реализуется в Челябинской области, где функционирует своеобразный центр общественного контроля – межкомиссионная рабочая группа, которая занимается только вопросами общественного контроля¹⁰. К проведению общественных проверок привлекаются добровольцы, которые проходят предварительно обучение и получают статус общественного инспектора.

В целом в Общественную палату РФ в среднем в год поступает до 30 тыс. обращений, которые рассматриваются в профильных комиссиях. Обращения поступают в устном и письменном виде, в режиме он-лайн, на горячую линию, напрямую или через общественные палаты регионов, др. Наряду с индивидуальными обращениями поступают и коллективные, связанные прежде всего с протестами жителей, вызванными точечной застройкой, строительством нового участка железной дороги в пределах жилой застройки и т. д.

Так, в марте 2019 г. «в Общественную палату РФ поступило коллективное обращение за подписями более чем 4 500 жителей г. Покрова и Петушинского района Владимирской области, которые выражали протест против проекта строительства участка высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань через жилую застройку г. Покрова. По результатам проверки, осуществленной членами Палаты, было направлено обращение к Президенту РФ В. В. Путину с просьбой дать поручение изменить трассировку прохождения магистрали, чтобы она не затрагивала существующие заселенные территории. В настоящее время принято решение законсервировать проект строительства магистрали»¹¹.

Членам Общественной палаты РФ (далее – ОП РФ) «нередко приходится разбираться с уровнем компетенции и проявлениями халатности чиновников на местах. Например, на “горячую линию” Общественной палаты по вопросам деятельности учреждений медико-социальной экспертизы обратился гражданин, проживающий в г. Коврове Владимирской области. По запросу Палаты бюро МСЭ в порядке контроля запросило документы по его делу. После этого местная комиссия МСЭ внезапно пересмотрела собственное решение и изменила группу инвалидности со второй на первую. В другом случае авиакомпания обязала мать-

⁶ При Росавтодоре начал работу обновленный состав общественного совета // Сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://oprf.ru> (дата обращения: 06.12.2019).

⁷ Революция в освидетельствовании при инвалидности – общественный контроль в действии // Сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://oprf.ru> (дата обращения: 06.12.2019).

⁸ Официальный сайт Общественной палаты Ставропольского края. – URL: <http://opsk26.ru/> (дата обращения: 06.12.2019).

⁹ Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 2581-р. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72013422/> (дата обращения: 06.12.2019).

¹⁰ Официальный сайт Общественной палаты Челябинской области. – URL: <http://op74.ru/structure/rabochie-gruppy/> (дата обращения: 06.12.2019).

¹¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации в 2019 году // Официальный сайт Общественной палаты РФ. – URL: <https://report2019.oprf.ru/1/index.html> (дата обращения: 14.02.2020).

одинокую двоих детей-инвалидов купить 13 билетов, чтобы перевезти их из Кургана домой после операции рейсом, проходящим через Москву. По результатам проверки, проведенной по запросу члена Общественной палаты Д. Гурцкая, заведено два административных дела на авиакомпанию по двум статьям: «Продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг при отсутствии установленной информации» и «Обман потребителей» КоАП Российской Федерации. <...> Несколько месяцев члены ОП РФ разбирались с проблемой в г. Костомукше Республики Карелия, где по иску городской администрации суд принял решение ограничить многодетную семью в родительских правах, у родителей отобрали шестерых детей. В иске к семье числились ненадлежащие условия проживания, отсутствие спальных и рабочих мест для занятий уроками и др., между тем как необходимые условия для проживания и обучения детей в семье были созданы. После обращения из Палаты к губернатору Карелии ситуация получила широкий общественный резонанс. В мае 2019 года суд вынес решение об удовлетворении иска о снятии ограничений и немедленном возврате детей домой»¹².

Как видим, постепенно, с каждым годом, расширяются направления и сферы деятельности общественных палат, хотя эксперты достаточно критически оценивают их деятельность. Так, К. В. Рыбкина, разграничивающая официальный и неофициальный общественный контроль, отмечает следующее: официальный общественный контроль (учитывая отчетную информацию о деятельности Общественной палаты РФ) «реализуется в узких сферах (социальной, культурной, в области физической культуры и спорта), по локальным точечным вопросам осуществления публичной власти, в то время как он был задуман для реализации гражданским обществом широких инициатив» [9].

Общественная палата Свердловской области тоже принимает немало обращений и жалоб от граждан. По тематикам обращения 2017–2018 гг. в Общественную палату Свердловской области распределились следующим образом: городская среда – 61 % (заброшенные здания, недобросовестные застройщики, мусор на тротуарах); ЖКХ и придомовые территории – 16,5 % (качество уборки и вывоза мусора); дороги и транспорт – 8,4 % (ремонт дорог, общественный транспорт); реклама – 4,5 % (нелегальные рекламные конструкции); экология – 2,8 % (загрязнение водных объектов); выборы – 1,5 % (нарушение прав наблюдателей); торговля и услуги – 1 % (недобросовестная конкуренция); культура – 0,2 % (ненадлежащее содержание объектов культурного наследия). По каждой жалобе Общественной палатой Свердловской области был направлен запрос в органы государственной власти и местного самоуправления, была проведена проверка контрольных органов по обращениям граждан¹³.

Тенденцией последних лет, в соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), стало формирование и развитие Общественных палат (советов) муниципальных образований.

Постепенно наращивают свою правозащитную активность общественные советы при органах государственной власти; среди них на федеральном уровне необходимо выделить такой консультативный орган, как Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Данный Совет был создан в целях оказания содействия главе государства в

¹² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации в 2019 году // Официальный сайт Общественной палаты РФ. – URL: <https://report2019.oprf.ru/1/index.html> (дата обращения: 14.02.2020).

¹³ См.: Официальный сайт Общественной палаты Свердловской области. – URL: <http://op-sob66.ru/katalog-dokumentov/category/3-doklady-i-otchety.html> (дата обращения: 17.10.2019).

реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирования Президента Российской Федерации о положении дел в этой области¹⁴.

Среди направлений деятельности можно отметить такие, как выездные заседания в регионы и подготовка рекомендаций по итогам, их публикация на сайте Совета; работа над экспертными заключениями; подготовка заявлений по фактам ограничений, нарушений прав и свобод человека и гражданина; разработка нормативных инициатив; подготовка ответов на обращения, др.

В составе Совета функционируют 20 постоянных комиссий (далее – ПК), в том числе следующие: ПК-1 по развитию НКО, ПК-2 по социальным правам, ПК-3 по гражданским свободам и гражданской активности, ПК-4 по экологическим правам, ПК-5 по исторической памяти, ПК-6 по гражданскому участию в правовой реформе, ПК-8 по гражданскому участию в противодействии коррупции, ПК-9 по экономическим правам, ПК-13 по образованию и науке, др. Например, постоянную комиссию по миграционной политике, местному самоуправлению и территориальному развитию (ПК-16) возглавляет в качестве председателя Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова.

Одним из недавних действий Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (далее – СПЧ) стало обращение 8 мая 2020 г. к начальнику управления Генеральной прокуратуры по Центральному федеральному округу М. Кабалоеву по поводу проверки законности и обоснованности снятия мемориальных табличек со здания вуза в Твери. Так, «членам Совета стало известно о том, что 7 мая с фасада здания Тверского государственного медицинского университета (бывшего здания УНКВД по Калининской области) были сняты две мемориальные таблички, установленные в 1991 г. в память о жертвах политических репрессий. По имеющейся информации, эти действия стали следствием представления прокуратуры Центрального района города Твери, направленного руководству университета. Совет глубоко обеспокоен данной информацией, поскольку в указанном представлении не содержится убедительных доводов относительно необходимости демонтажа мемориальных табличек, тем более в канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Решение властей города Калинина 1991 г. об установке табличек продолжает действовать, органами прокуратуры не предпринималось никаких мер по его отмене. В этой связи Совет просит обратить внимание на сложившуюся ситуацию и поручить проверить законность и обоснованность действий прокуратуры Центрального района города Твери»¹⁵.

Одной из активных постоянных комиссий в Совете является комиссия по социальным правам (преемница рабочей группы по социальным правам, действовавшей до реформирования организации, до 2010 г. она называлась постоянной комиссией по детству (по вопросам защиты семьи, материнства и детства)). Среди направлений деятельности комиссии надо отметить такие, как разработка предложений по решению проблем социально незащищенных групп населения; сохранение социальных гарантий граждан при проведении реформ в сферах образования, здравоохранения и жилищной политики; предотвращение насилия в от-

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (вместе с Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.02.2011. – № 6. – Ст. 852.

¹⁵ Совет по правам человека обратился в прокуратуру в связи со снятием мемориальных табличек жертвам НКВД в Твери // Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: <http://president-sovet.ru/prescenter/news/read/6268/> (дата обращения 09.05.2020).

ношении детей, женщин, лиц пожилого возраста и других уязвимых групп; защита прав инвалидов и лиц с ментальными расстройствами, др.

Среди экспертных документов Совета большое значение имеет Заключение СПЧ (подготовленное, прежде всего, членами данной комиссии) в связи с жалобами в Конституционный Суд РФ на ст. 13 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» и рядом положений Закона г. Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» от 15 ноября 2019 г.

Так, в заключении отмечается, что «Совет убежден, что признание оспоренных А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой законоположений неконституционными будет иметь значение не только для восстановления прав конкретных людей, но и для всего общества. Осуждение многолетнего террора и массовых преследований своего народа как несовместимых с идеей права и справедливости выражалось в преамбуле Закона РФ “О реабилитации жертв политических репрессий” сначала Верховным Советом РСФСР, а затем – Федеральным Собранием РФ. Из необходимости осознания трагичности общественного раскола, повлекшего за собой массовые политические репрессии, а также объективного анализа соответствующих страниц советского периода исходит Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. М 1561-р. В компетенции Конституционного Суда – признать особое конституционно-правовое значение повышенных социальных обязательств государства в отношении жертв политических репрессий, основанием чего является пережитый ими произвол государства. Это будет полностью соответствовать положениям преамбулы Конституции о том, что многонациональный народ РФ принимает Конституцию, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, и доказывать состоятельность Российской Федерации как правового государства (ст. I Конституции)»¹⁶.

Среди заявлений Совета особый интерес представляет Заявление постоянной комиссии СПЧ по свободе информации и правам журналистов в связи с увольнением редактора газеты «Урюпинская правда» (от 9 января 2020 года). Так, в заявлении отмечалось, что «новый год начался с новостей о попрании Конституции и нарушениях прав журналистов. Главного редактора газеты уволили за “неправильное” фото. В такое невозможно поверить, но это факт. Глава администрации уволил главного редактора “Урюпинской правды” Ольгу Шушлебину за то, что она разместила фотографию политика федерального уровня ниже фото областного депутата. Чиновничий произвол в отношении журналистов и СМИ достиг опасного предела. Мы выражаем свое беспокойство и требуем от власти восстановить права главного редактора и объяснить главе администрации недопустимость подобного отношения к журналистам»¹⁷.

Несомненно, что деятельность СПЧ способствует привлечению внимания институтов гражданского общества, органов государственной власти и местного са-

¹⁶ Заключение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой на нарушение их конституционных прав ст. 13 Закона РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» и рядом положений Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» // Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/674/> (дата обращения: 04.05.2020).

¹⁷ Заявление постоянной комиссии СПЧ по свободе информации и правам журналистов в связи с увольнением редактора газеты «Урюпинская правда» // Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/678/> (дата обращения: 04.05.2020).

моуправления к актуальным проблемам правовой защиты и обеспечения правовой безопасности личности; важна роль и назначение СПЧ в процессе выявления системных и временных проблем, глобальных и точечных рисков, современных вызовов правам человека; постоянная работа всего состава Совета по развитию гражданского общества и правам человека, и особенно специализированных постоянных комиссий СПЧ помогает – силами экспертного сообщества, практикующих юристов и при взаимодействии власти и гражданского общества – решить насущные вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина.

Анализируя процессы формирования и развития общественных советов [3; 4], например, Е. Г. Дьякова отмечает, что «в нормативно-правовой базе, как на федеральном, так и на региональном уровне, наблюдается отчетливая тенденция к усилению роли и влияния таких совещательно-консультативных органов, как Общественные палаты (как Общественная палата РФ, так и региональные Общественные палаты) на формирование общественных советов. Началась “перезагрузка”, и на 01 апреля 2018 года доля представителей региональной Общественной палаты составила 30,1 % от общего числа членов общественных советов. Таким образом, развитие нормативно-правовой базы на региональном уровне привело к тому, что контроль за процессом формирования общественных советов был распределен между органом исполнительной власти и региональной Общественной палатой» [3, с. 126–128].

Федеральным законом № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ» в качестве субъектов общественного контроля закреплены также общественные инспекции и группы общественного контроля.

Одним из возможных вариантов институциональной формы реализации общественного контроля законодатель предусмотрел ассоциации и союзы субъектов общественного контроля (ст. 17 Закона № 212-ФЗ), целью создания которых стала координация деятельности нескольких субъектов, объединение усилий и средств для повышения эффективности общественного контроля.

Важной формой общественного контроля являются негосударственные (неправительственные) правозащитные организации.

В соответствии с Концепцией осуществления гражданского контроля в Российской Федерации, утвержденной Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, еще одним субъектом реализации общественного контроля является институт уполномоченного по правам человека¹⁸.

Правозащитную деятельность ведут и средства массовой информации, они участвуют в контроле за деятельностью органов власти путем выявления, сбора, обработки и распространения сведений о недостатках ее деятельности: коррупции, неэффективности решений, проявлениях бюрократизма, административного произвола и т. п.

Важным направлением развития общественного контроля является медиа-контроль, результаты которого прежде всего отражаются в рубриках и передачах «Общественного телевидения России» (ОТР).

Важной формой общественного контроля является общественный мониторинг. Так, в декабре 2019 г. Общественная палата РФ запустила мониторинг общественного мнения (онлайн-опрос) для изучения и обобщения представлений

¹⁸ Концепция осуществления гражданского контроля в Российской Федерации. – URL: <http://viperson.ru/articles/kontseptsiya-osuschestvleniya-grazhdanskogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.10.2019).

россиян о законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия»¹⁹, чтобы граждане могли высказать свое мнение по наиболее значимым положениям проекта закона, предложить свой вариант формулировок и высказать, в целом, отношение к тексту законопроекта²⁰.

Второй формой общественного контроля является общественная проверка, которая рассматривается как совокупность действий по сбору и анализу информации, проверке фактов и обстоятельств, касающихся общественно значимой деятельности органов публичной власти, а также деятельности, затрагивающей права человека, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

В роли инициаторов проведения общественной проверки могут выступать уполномоченные по правам человека, ребенка, защите прав предпринимателей в РФ, Общественная палата РФ, Общественные палаты субъектов Федерации, муниципальных образований, а также иные субъекты общественного контроля. Можно привести следующие примеры общественной проверки: Общественной палатой РФ в 2018 г. проводилась общественная проверка в ГБУ Астраханской области «Спортивная школа олимпийского резерва им. Л. А. Тихомировой» и ГАУ Астраханской области «Региональный центр спортивной подготовки «Звездный». Основанием для проведения общественной проверки послужил Форум активных граждан «Сообщество» в г. Астрахани, а также сигналы родителей (конфиденциальная информация), чьих детей якобы не записывают на занятия в эти учреждения на бесплатной основе («Региональный центр спортивной подготовки «Звездный»), либо дети не могут заниматься гимнастикой (ГБУ АО «Спортивная школа олимпийского резерва им. Л. А. Тихомировой»), так как количество детей, желающих заниматься, превышает количество, которое могут вместить в себя залы спортивной школы. Были изучены уставы учреждений, правила внутреннего распорядка, штатные расписания, списки получателей услуг, др. Наряду с этим участниками проверки были осмотрены помещения, опрошены получатели услуг. В ходе общественной проверки, проведенной 27 марта 2018 г. по инициативе Общественной палаты РФ, был обнаружен ряд проблем, которые требуют конкретных решений и рекомендаций. Участники проверки рекомендовали Губернатору Астраханской области, министру спорта Астраханской области, Общественной палате Астраханской области объединить усилия в поиске средств на капитальный ремонт здания спортивной школы и строительство дополнительной пристройки к спортивной школе им. Л. А. Тихомировой «под ключ» (спортзал, раздевалки, душевые и пр.)²¹.

Также Общественной палатой РФ проводилась общественная проверка Екатеринбургского детского дома-интерната для умственно отсталых детей, основанием для проведения которой стали неоднократные обращения волонтеров об ухудшении положения Ивана Б., 2010 г. р., из Свердловской области, а также многочисленные упоминания в СМИ различных трагических историй о происшествиях в данном интернате. В ходе проверки была выявлена проблема нехватки специалистов, штат сотрудников интерната не был укомплектован полностью. В целях решения этой проблемы были разработаны и даны рекомендации Министерству социальной политики Свердловской области: рассмотреть возможность увеличе-

¹⁹ О профилактике семейно-бытового насилия : проект Федерального закона № 1183390-6. – URL: [http://asozd.duma.gov.ru/по состоянию на 28.09.2016 г. \(дата обращения: 30.12.2019\)](http://asozd.duma.gov.ru/по%20состоянию%20на%2028.09.2016%20г.%20(дата%20обращения%2030.12.2019).). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте.

²⁰ Официальный сайт Общественной палаты Свердловской области. – URL: <http://www.opso66.ru> (дата обращения: 03.01.2020).

²¹ Официальный сайт Общественной палаты РФ. – URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения: 30.12.2019).

ния фонда оплаты труда учреждения, чтобы его хватало на всех сотрудников; рассмотреть возможность улучшения условий труда за счет приобретения техники для работы специалистов, провести специальную оценку условий труда²².

Важной формой общественного контроля является общественная экспертиза, которая предполагает анализ и оценку актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов публичной власти, проверку их соответствия требованиям законодательства, а также проверку соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций специалистами, привлеченными субъектом общественного контроля к ее проведению на общественных началах.

В соответствии с действующим законодательством, инициаторами проведения общественной экспертизы могут выступать уполномоченные по правам человека, общественные палаты и иные субъекты общественного контроля, а также сами органы публичной власти. Порядок проведения общественной экспертизы устанавливается ее организатором; срок ее проведения не должен превышать 120 дней со дня объявления о проведении; к данной процедуре на общественных началах привлекаются лица, обладающие специальными знаниями, имеющие соответствующие образование и квалификацию.

В современной России всё большее распространение получает такая форма общественного контроля, как общественная инициатива. С принятием Указа Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива” (РОИ)» данная форма контроля приобрела нормативно закреплённый статус на всех уровнях организации публичной власти.

Анализируя многообразие форм общественного контроля в современной России, необходимо выделить следующие используемые формы: наблюдение; общественный мониторинг; общественную проверку; общественную экспертизу; общественные обсуждения; общественные (публичные) слушания; общественную инициативу.

В то же время можно согласиться с Е. А. Огневой, которая отмечает: учитывая, что федеральный законодатель оставил перечень форм общественного контроля открытым, можно отнести к нему, помимо нормативно закреплённых, также следующие: 1) обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) референдум; 3) опрос граждан; 4) сход граждан; 5) народную правотворческую инициативу; 6) общественную инициативу; 7) территориальное общественное самоуправление; 8) отзыв выборных должностных лиц; 9) публичный отчет должностных лиц, др. [9].

Особенно важно поддерживать активность и инициативность граждан, обучать и просвещать сторонников и участников общественного контроля, формировать культуру гражданского участия, демократическую гражданственность.

Необходимо изучать муниципальный, национальный, региональный и международный опыт разработки, выдвижения, продвижения и реализации инициатив. Так, интерес представляет баварский опыт поощрения гражданских инициатив, который проанализировал Д. С. Михеев, в частности поощрение реализации права на организацию публичных собраний и выдвижение своих собственных предложений по вопросам местной жизни [5], также интересен опыт датских общественных советов по профилактике преступлений, др.

²² Официальный сайт Общественной палаты РФ. – URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения: 30.12.2019).

Общественный контроль сопровождается неизбежным конфликтом интересов в ходе наблюдения, выявления, проверки фактов нарушений, и поэтому важно достигать – по итогам его проведения – общественного согласия в связи с разрешением имеющейся проблемы, состоящие в нарушении, ограничении прав и свобод человека и гражданина, и др.

Анализируя модельные, вариативные пути к общественному консенсусу, согласно на основе подхода Дж. Сартори, надо отметить, что подобный консенсус постепенно достигается на трех уровнях: 1) уровне сообщества; 2) уровне режима, или процедурном уровне; 3) уровне политики/правительства. Достижение консенсуса на всех трех уровнях одновременно ведет к общественному миру [11, с. 113–115].

Актуальным в современной России является рассмотрение общественных палат регионов как «деполитизированного института медиации гражданского общества и власти», который «реализует политику малых дел, направленную на решение задач по развитию регионов – преодоление бедности, низкого уровня качества работы ЖКХ», др.; так, например, характеризует деятельность Общественной палаты Тверской области председатель регионального отделения РАПН Н. И. Козлова [8, с. 124]. Она отмечает, что «общественные палаты позиционируют себя как носители экспертного знания», а также как «обладатели значимого символического капитала» [8, с. 125]. Можно согласиться с этими характеристиками деятельности общественных палат, которые называет данный автор, хотя, конечно, в каждом регионе своя специфика, своя модель взаимодействия власти и общества (партнерская, патерналистская, сотрудничества, содействия, взаимодействия и др.).

Одна из авторов данной статьи (председатель Свердловского РО РАПН С. И. Глушкова) третий год сотрудничает с Общественной палатой Свердловской области (далее – ОПСО) в качестве эксперта и координатора областной программы «Общество против коррупции»; и, с точки зрения эксперта, можно отметить постепенное усиление влияния ОПСО как института медиации в региональном взаимодействии власти и гражданского общества, а также как системного аккумулятора общественных и гражданских инициатив, мощного общественного ресурса. Этому способствует совместная работа в различных комиссиях и группах ОПСО практикующих юристов, представителей НКО, ОНК, преподавателей вузов, большого числа экспертов, работающих на общественных началах; важными направлениями работы являются различные формы сотрудничества с областным парламентом, областным омбудсменом, профессиональными ассоциациями (например, Свердловским РО «Ассоциация юристов России» и др.).

Важно, чтобы общественный контроль способствовал позитивным изменениям, был направлен на реформаторские, а не революционные протестные инициативы; на максимальное использование всего многообразия форм общественного контроля; на привлечение не только экспертного сообщества, но и представителей всех социальных групп, в том числе социально уязвимых групп населения, молодежи; на решение следующих проблем, выявленных в последние годы деятельности субъектов общественного контроля: 1) противодействие коррупции; 2) борьба с онкологическими заболеваниями; 3) профилактика социального сиротства, устройство детей в семью; 4) обеспечение многодетных семей лекарствами, жильем, земельными участками; 5) семейный киднеппинг; 6) безопасность детей в частных детских садах и в учебных заведениях; 7) трудоустройство и профобразование инвалидов; 8) токсичная благотворительность; 9) продовольственная безопасность; др.

Литература

1. Гриб В. В. Роль и место общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 33.
2. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А. С. Богдановского ; под ред. О. А. Алякринского. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
3. Дьякова Е. Г. Консультативно-совещательные органы «на расстоянии вытянутой руки»: институционализация самостоятельности (на примере Свердловской области) // Дискурс-Пи. – 2019. – № 3 (36). – С. 126–128.
4. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 180–201. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.09> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Михеев Д. С. К вопросу о формах общественного контроля // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formah-obschestvennogo-kontrolya/viewer> (дата обращения: 10.02.2020).
6. Михеева Т. Н. Особенности осуществления общественного контроля // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osuschestvleniya-obschestvennogo-kontrolya> (дата обращения: 01.02.2020).
7. Михеева Т. Н., Маслов Е. В. О роли общественных советов муниципальных образований в осуществлении общественного контроля // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2 (17). – С. 18–20.
8. Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией : коллективная монография / под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб: Алетейя, 2020. – 252 с.
9. Огнева Е. А. Общественный контроль как фактор развития гражданского общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-kak-faktor-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения: 10.02.2020).
10. Рыбкина К. В. Общественный контроль: виды и значение // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-vidy-i-znachenie/viewer> (дата обращения: 10.02.2020).
11. Селиванова Е. С. Международный опыт в институционализации общественного контроля в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История, политология, социология. – 2014. – № 2. – С. 113–115.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political sciences, Head of Human Rights Chair,
Director of Liberal Arts University Center for Legal Education
and Human Rights (Yekaterinburg);
visiting professor of Université Paris X – Nanterre (France)

Natalya Valerievna Palkina,

lawyer at health center «ProfMed», Master of Jurisprudence,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Public Control in Modern Russia: Main Directions and Problems of Development

The article considers the notion, goals and objectives, subjects, forms, and directions of public control as well as its main problems and developmental features. It also analyzes the role of public control in Russian society and the Russian state.

Keywords: public control; civil society; state of the law; public councils; public chambers.

Эксперимент по введению налога на профессиональный доход. Практика УрФО

С целью борьбы с незаконным предпринимательством граждан без регистрации в Российской Федерации длительное время предпринимаются попытки легализации деятельности самозанятых. С 2019 года в качестве эксперимента был введен новый специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». По мнению автора, одним из ключевых ошибок законодателя при принятии Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 № 422-ФЗ стало отсутствие закрепления термина «самозанятый», а также неустановление четкого правового статуса лиц, применяющих новый налоговый режим. В статье автором анализируются условия применения налога на профессиональный доход, налоговые ставки, порядок его исчисления и уплаты, налоговая ответственность, вопрос распределения налоговых поступлений между бюджетами, а также преимущества и недостатки данного налогового режима. В рамках исследования автор сделал первый срез результатов действия налога на профессиональный доход в УрФО: исследовал статистику применения налога на профессиональный доход, а также деятельность государственных органов по информированию граждан. В заключение были приведены предложения по усовершенствованию новеллы с целью повышения эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: самозанятый; налог на самозанятых; налог на профессиональный доход; специальные налоговые режимы; легализация теневой экономики.

На государство возложено множество задач и функций, для реализации которых необходимы средства. В условиях затянувшегося экономического кризиса в России предпринимаются попытки поиска новых путей пополнения бюджета, в том числе через принуждение самозанятого населения к уплате налогов.

Хотя Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы, в нашей стране в теневом секторе экономики задействованы миллионы граждан, деятельность которых приносит доходы, однако не регулируется и не контролируется, что становится причиной недополучения налогов.

Так, согласно данным Росстата на 1 января 2019 года, в России 81 362 000 человек находятся в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины – 16–54 года), при этом занятыми являются 71 501 000 человек в возрасте от 15 до 72 лет [1]. Отметим, что сравнение данных показателей не позволяет точно выявить число лиц, работающих в теневом секторе, так как по каким-то причинам в своей аналитике Росстат не приводит подсчета занятого населения в рамках трудоспособного возраста, а использует более широкий коридор возраста. Следовательно, количество занятых из 81 362 000 человек ниже 71 501 000 человек. Однако даже имеющиеся цифры позволяют говорить об огромном количестве граждан, уклоняющихся от уплаты налогов со своих доходов.

Первым шагом к легализации доходов граждан, работающих без государственной регистрации, стало предоставление в 2017 г. в тексте ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации права гражданам осуществлять предприниматель-

* Ирина Александровна Михайленко, магистр права, ассистент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета, юрист ООО «Юридическая фирма «Лекс» (г. Тюмень).

E-mail: iramikhailenko@gmail.com

скую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в случаях, предусмотренных законом [2].

Тогда же в ст. 83 Налогового кодекса Российской Федерации было закреплено, что физически лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и не использующие наемный труд, вправе оказывать личные, бытовые услуги другим физическим лицам при условии уведомления налогового органа об осуществлении такой деятельности [3]. В силу ст. 217 НК РФ лица, уведомившие налоговый орган, освобождаются от налогообложения доходов, полученных в 2017–2019 гг., если они осуществляют следующие услуги: репетиторство; уборку жилья; присмотр и уход за больными старше 80 лет либо больными, которые по заключению медицинской организации нуждаются в постоянном уходе, а также детьми.

Принятые меры оказались недостаточны: во-первых, они изначально ограничивали число лиц, которые потенциально могут быть выведены из «тени»; во-вторых, количество уведомивших налоговые органы о своей деятельности за период с 01.01.2017 г. по 01.01.2020 г. составило 4 676 человек, что явно не оправдало ожидания, в связи с чем был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 № 422-ФЗ [4].

Первоначально с 1 января 2019 года экспериментальный налоговый режим был введен в Москве, Московской и Калужской областях, в Республике Татарстан. Спустя год после начала эксперимента к нему присоединились Санкт-Петербург, Волгоградская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Красноярский и Пермский края, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Башкортостан. С 1 июля 2020 года налог на профессиональный доход вводится во всех остальных субъектах Российской Федерации, о чем должны быть приняты региональные законы. Общий срок проведения эксперимента составит 10 лет, в течение срока действия эксперимента не могут изменяться его условия.

Необходимо подчеркнуть, что закон не оперирует термином «самозанятый», используемым в выступлениях журналистов и государственных деятелей применительно к лицам, применяющим налог на специальный доход, не вводит иной дефиниции, обозначающей налогоплательщика. Представляется, что такое положение является недостатком юридической техники, ведущим к размыванию границ между индивидуальным предпринимателем и физическим лицом, так как в силу закона оба субъекта вправе осуществлять приносящую доход деятельность и применять налог на профессиональный доход. Согласимся с мнением авторов, считающих, что до определения режима налогообложения какого-либо субъекта необходимо в первую очередь четко определить его правовой статус [5, с. 72; 6, с. 61], в том числе в гражданских отношениях.

Применять налог на профессиональный доход вправе физические лица и индивидуальные предприниматели, отвечающие следующим критериям, установленным в ст. 4 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»:

1) деятельность лица не входит в перечень видов деятельности, запрещенных при применении налога на профессиональный доход (деятельность по продаже подакцизных или маркируемых товаров; перепродажа товаров (за исключением личного имущества); добыча полезных ископаемых; деятельность в интересах третьих лиц);

2) лицо не имеет наемных работников;

3) доход лица не превышает в текущем календарном году 2,4 миллиона рублей.

Анализ условий позволяет говорить, что законодателем четко определены масштабы и рамки приносящей доход деятельности потенциального налогоплательщика, данный налоговый режим нацелен на малозначительный бизнес.

Согласно ст. 5 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» переход на налог на профессиональный доход, а также снятие с налогового режима осуществляются путем подачи заявления в налоговый орган через мобильное приложение «Мой налог», на сайте ФНС России, через банк или портал госуслуг.

Доходы, полученные от реализации работ, услуг, имущественных прав налогоплательщика, признаются объектом налогообложения. Законом в ст. 6 определен перечень доходов, которые не признаются в качестве объекта, куда входят, в том числе, заработная плата, доходы от купли-продажи имущества и прочее.

Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» в ст. 10 предусматривает следующие ставки: 4 % – с доходов, полученных от физических лиц, 6 % – с доходов от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Лицо вправе рассчитывать на единовременный вычет в размере 10 000 руб., рассчитанный нарастающим итогом (ст. 12 Закона). Иных оснований для вычета, в том числе уменьшение доходов на размер расходов, не предусмотрено.

От налогоплательщика требуется передача через приложение «Мой налог» или через уполномоченного оператора информационной площадки сведений о произведенных расчетах и получении профессионального дохода и формирование чека по каждому поступлению в порядке, предусмотренном ст. 14 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”». Нарушение порядка или сроков передачи сведений о произведенном расчете является основанием для привлечения к ответственности по ст. 129.13 Налогового кодекса Российской Федерации и влечет взыскание штрафа в размере 20 процентов от суммы такого расчета. При повторном нарушении в течение 6 месяцев штраф будет увеличен и приравнен к размеру суммы расчета.

Данный налоговый режим не предусматривает необходимости подготовки и сдачи деклараций или иной отчетности (ст. 13 Закона). Налог рассчитывается автоматически в приложении «Мой налог» не позднее 12-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом (налоговый период составляет календарный месяц), уплата налога осуществляется до 25-го числа этого же месяца (ст. 11 Закона).

Индивидуальные предприниматели, применяющие данный режим, освобождаются от обязанности уплачивать НДС и страховые взносы с профессионального дохода.

Физические лица при применении анализируемого налогового режима вправе не регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, установленных законом. Их профессиональный доход освобождается от налогообложения налогом на доходы физических лиц, также они не уплачивают страховых взносов.

В соответствии со ст. 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации налог на профессиональный доход зачисляется в бюджет субъекта по нормативу 63 %, в фонд медицинского страхования – по нормативу 37 %. При этом уплаченная сумма налога поступает в бюджет только того субъекта Российской Федерации, который был указан налогоплательщиком при подаче заявления о применении специального налогового режима, несмотря на то что фактически деятельность может осуществляться на территории нескольких субъектов.

К числу плюсов введенного налогового режима можно отнести возможность простой и быстрой легализации деятельности; упрощенность порядка работы за счет отсутствия отчетности и автоматического исчисления налогов.

Среди минусов налога на профессиональный доход следует назвать дальнейший низкий размер пенсии лиц, применяющих анализируемый режим [7, с. 197], а также необходимость высокой технической обученности налогоплательщика для использования приложения «Мой налог» и ведения деятельности, что затруднительно для старшего поколения. Необходимо отметить, что недостатками новеллы является то, что налогоплательщик сам вносит размер дохода, следовательно, не исключено его сокрытие. Также согласимся с мнением Андрея Покида, что начавшийся процесс перехода индивидуальных предпринимателей на данный налоговый режим с целью оптимизации расходов не является эффективным результатом реформы [8].

По состоянию на февраль 2020 года всего в России насчитывается 465 000 человек, подавших заявление на применение налога на профессиональный доход [9]. Несмотря на неплохой старт, реализация эксперимента в любом случае не позволит вывести всех из «тени».

Можно выделить следующие причины нежелания граждан работать легально: естественно-экономические; правовые; влияние политической и экономической ситуации, сложившейся в государстве; моральные и иные.

Причины естественно-экономического характера большинство ученых считают первостепенными [10, с. 257]. Они обусловлены попыткой налогоплательщика сэкономить. Он старается скрыть свои доходы (или их часть), чтобы развивать свою финансово-хозяйственную деятельность, увеличить собственные активы.

Не менее существенными являются правовые причины. Налоговое законодательство нашей страны очень объемно, несовершенно и нестабильно, существуют пробелы в теоретическом обосновании правовой базы. Результатом такого положения становятся различия в толковании норм. Несмотря на наличие кодифицированного акта, налоговые нормы разпылены по большому количеству иных законодательных и подзаконных актов. Еще одной трудностью для налогоплательщика являются постоянные изменения и дополнения, вносимые в налоговое законодательство. Хотя сейчас нормы об эксперименте не могут быть изменены, граждане понимают, что по истечении 10 лет, когда налог на профессиональный доход уже будет внесен в текст Налогового кодекса Российской Федерации, условия налогообложения уже могут существенно измениться.

Моральными причинами являются отрицательное отношение налогоплательщика к обязанности по уплате налогов и к контролирующим органам, низкая правовая культура, корысть налогоплательщиков.

Первые итоги применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в Уральском федеральном округе

Большая часть состава Уральского федерального округа (за исключением Курганской области) вошла во вторую волну эксперимента: с 01.01.2020 г. здесь реализована возможность перехода на новый налоговый режим.

По информации, оглашенной властями субъектов, на начало марта 2020 г. на юге Тюменской области в качестве лиц, перешедших на налог на профессиональный доход, зарегистрировано 3 300 жителей; на середину марта 2020 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре зарегистрировано 2 917 человек; в Ямало-Ненецком автономном округе на середину февраля 2020 г. зарегистрировано порядка 200 человек; в Свердловской области на середину марта 2020 г. зарегистрировано около 8 500 человек; в Челябинской области на начало марта 2020 г. зарегистрировано более 5 600 человек.

Как видно из статистических данных, наименьшее количество граждан, желающих применять новый режим, проживает в Ямало-Ненецком автономном округе. Представляется, что это объясняется сравнительно небольшим количеством жителей региона и их малой урбанизацией.

Во всех субъектах Уральского федерального округа в настоящее время проводится активная разъяснительная работа для граждан с целью их привлечения к выбору нового специального налогового режима. Так, сотрудники Федеральной налоговой службы России выступают перед широкой аудиторией для привлечения внимания граждан к налогу на профессиональный доход и его преимуществам (23.01.2020 г. заместитель руководителя УФНС России по Ямало-Ненецкому автономному округу Александр Слабенко выступил в эфире телевизионной радиокomпании «Россия»; 23.03.2020 г. заместитель начальника отдела налогообложения юридических лиц УФНС России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре выступила в эфире радиостанции «Серебряный дождь»). 03.04.2020 г. Инвестиционным агентством Тюменской области на базе проекта «Точка кипения» был проведен онлайн-семинар «Шаг за шагом: самозанятые», в рамках которого были рассмотрены преимущества нового режима налогообложения, особенности перехода на налог на профессиональный доход, а также функционал приложения «Мой налог».

Как отмечает начальник отдела налогообложения юридических лиц УФНС России по Свердловской области Юлия Смирнягина, одним из наиболее острых вопросов, возникших у жителей Свердловской области после введения налога на профессиональный доход, стала замена трудовых отношений переходом бывшего сотрудника на налог на профессиональный доход и заключение с ним гражданско-правового договора. Отметим, что ст. 6 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» закрепляет, что не является объектом налогообложения нового налогового режима доход от оказания физическими лицами услуг по гражданско-правовому договору своему работодателю и бывшему работодателю, если с момента увольнения не прошло 2 года.

Выводы

Введение нового специального режима «Налог на профессиональный доход» можно считать попыткой государства предоставить гражданам самые льготные условия осуществления приносящей доход деятельности с целью уменьшения теневого сектора экономики Российской Федерации и увеличения налоговых поступлений.

Представляется, что в настоящее время еще имеется потенциал для совершенствования анализируемого института: в частности, необходимо проработать вопрос с пенсионными накоплениями лиц, перешедших на налог на профессиональный доход, пресечь масштабный переход индивидуальных предпринимателей к новому статусу, а также исключить возможность утаивания налогоплательщиком произведенных расчетов. Принятый Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» фактически размыл границу между индивидуальными предпринимателями и физическими лицами, осуществляющими деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, в связи с чем, на наш взгляд, законодателю следует проработать понятийно-категориальный аппарат в сфере нового налогового режима, а также правовой статус налогоплательщика.

Тем не менее налог на профессиональный доход, по нашему мнению, должен справиться с поставленной перед ним задачей по легализации трудовой деятель-

ности большей части граждан при условии активной работы налоговых органов по выявлению незаконной приносящей доход деятельности.

Литература

1. Финансы // Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ: по сост. на 01.01.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ: по сост. на 01.04.2020 г. // Российская газета. – 1998. – № 148–149.
4. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ: по состоянию на 01.04.2020 г. // Российская газета. – 2018. – № 270.
5. Шуваев Е. А. Статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого, и проблемы налогообложения доходов самозанятых лиц // Российский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 66–72.
6. Чебанова Е. А. Актуальные правовые и практические вопросы внедренного специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 58–62.
7. Волков Д. Е. Отрицательные и положительные стороны специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Colloquium-journal. – 2020. – № 2. – С. 195–198.
8. Заседание расширенной коллегии ФНС России от 21.11.2019 // Федеральная налоговая служба России: сайт. – URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 13.04.2020).
9. Федеральная налоговая служба России : сайт. – URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 13.04.2020).
10. Бобринев Р. В. Обстоятельства, способствующие совершению налоговых правонарушений и преступлений // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 256–263.

Irina Aleksandrovna Mikhailenko,

Master of Law, Assistant of the Department of Administrative and Financial law,
Tyumen State University; Lawyer of LLC Law Firm Lex (Tyumen)

An Experiment in Introducing Professional Income Tax. The Practice of the Ural Federal District

To combat the illegal entrepreneurial activity of citizens in the Russian Federation, attempts have been made for a long time to legalize the activities of the self-employed. Since 2019 as an experiment a new special tax regime "Professional income tax" has been introduced. According to the author, one of the key mistakes of the legislator was the lack of fixing the term "self-employed" as well as the failure to establish a clear legal status for persons applying the new tax regime. In the article, the author analyzes the conditions for applying professional income tax, tax rates, the procedure for its calculation and payment, tax liability, the distribution of tax deductions between budgets, as well as the advantages and disadvantages of this tax regime. As part of the study, the author made the first section of the results of applying professional income tax in the Ural Federal District: he studied statistics on the application of professional income tax, as well as the activities of state bodies to inform citizens. In conclusion, proposals were made to improve the short story to increase the effectiveness of legal regulation.

Keywords: self-employed; self-employed tax; income tax; special tax regimes; legalization of the shadow economy.

|| ФИЛОСОФИЯ

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья вторая)

Во второй части настоящей статьи предпринята попытка анализа универсальных механизмов тоталитарного «сплющивания», «сворачивания», «самопреломления» советской истории. Получен ответ на вопрос, каким образом тоталитаризм из начала развития советской истории стал основанием, а затем и формой ее симулятивного и символического бытия, какое место в этих процессах занимал террор. Как он из «подручного средства» (Хайдеггер) самообоснования тоталитаризма превратился в тотальный террор, а в условиях Оттепели, Застоя, Перестройки приобрел символическую форму своего проявления. Делается вывод о том, что советская история преодолевала в себе нехватку бытия, его недостаточность и свое небытие, конституировала себя в качестве «полного», «позитивного», «собственного» бытия с помощью сталинизма, который был «метафизическим коэффициентом» (Сартр) ее развития. В статье подробно рассматривается, как жизнь с помощью дискурса монументальной, антикварной, критической истории противостоит эпидемии «исторической болезни» советской истории, посредством автономизации и историоризации, идеализации, трансцендирования освобождает ее от различного рода сокрытий, как в результате всех этих процессов она открывает в советской истории ее «бытие-к-смерти» (Хайдеггер).

Ключевые слова: тоталитаризм; террор; социализм; социалистическое строительство; сталинизм; эпидемия «исторической болезни»; монументальная; антикварная; критическая история.

Советская история есть то, что она есть, чем она является, а также сущее существующего и являющегося бытия. В первой части настоящей статьи мы рассматривали ее как специфический феномен истории, который становится, в результате чего у него появляется постоянно действующий источник развития, определяющий непрерывность осуществления. Анализировали, как происходит его самоопределение в качестве целостного исторического мира, в котором источник превращается в предельное основание развития, а собственно феномен истории превращается в бытие феноменов, образующих особое «бытие-в-мире». Наконец, мы попытались объяснить, как советская история обращается из основания самой себя в универсальную форму развития этого мира, становится способом обнаружения направленности его качественных изменений. Во второй части настоящей статьи мы раскроем универсальные механизмы осуществления *истории* (развития) советской истории и их связь с жизнью. Определим, с помощью каких средств жизнь пытается противостоять эпидемии «исторической болезни» советской истории. Все это должно позволить нам в заключительной части нашего исследования объяснить, как и почему советская история стала Куполом для исторической жизни, а она, в свою очередь, превратилась в *ретрожизнь*.

Тоталитаризм и террор

Обычно тоталитаризм определяют с помощью шести основных признаков (К. Фридрих и З. Бжезинский). Мы не будем оригинальны в установлении их количества, но в отличие от доминирующего в современной литературе экстенсивного (дескриптивного) подхода, фиксирующего лишь некоторые, безусловно важные, но всего лишь наличные формы его осуществления, мы выделим те субстан-

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

циональные признаки, которые характеризуют сущность и качество его исторического бытия. Тоталитаризм – это история, началом развития которой является власть [1]. Его движение осуществляется посредством развития определенной формы исторической самостоятельности (строительства) человека [2]. Отношения между властью и строительством регулируются «имплозией» (Бодрийяр) – особым способом их оборачивания друг в друга [3]. Они сближаются вплоть до абсолютного тождества посредством «симуляции» (Бодрийяр) [4], которая делает историческую реальность гиперреальностью [5] и превращает целостный исторический мир в «фиктивный мир» (Аренд) [6].

Советская история и тоталитаризм

Советская история становится как тоталитаризм. В процессе развития ее исторического бытия он превращается из источника в основание и способ (форму) его существования как непрерывного, целостного, направленного исторического мира. Если тоталитаризм является способом движения советской истории, образует своеобразную систему ее развития, то террор – это основной и системообразующий принцип раскрытия этой системы. Будучи сущностью «тоталитарного господства» (Аренд), он воплощает, реализует на практике основной закон самодвижения тоталитаризма. Террор «как исполнение закона движения (конечная цель которого – не благо людей или интересы отдельного человека, а выдуманное человечество) уничтожает индивидов во имя рода, приносит в жертву “части” во благо “целого”» [1, с. 603], которым как раз и является тоталитарный мир советской истории.

Тоталитаризм, будучи для-себя конкретным тождеством, особенным сплавом диктатуры пролетариата и строительства социализма, «раскрывает бытие как целостность, поскольку для-себя имеет в бытии свою собственную целостность в распадающемся модусе» [9]. Как «самодвижущееся» начало развития советской истории он в-себе заключает собственное отрицание, которое и является причиной его осуществления в виде особого распадающегося модуса – в виде террора, являющегося «полным отрицанием» и «отрицанием всего» (Гегель). С его помощью бытие тоталитаризма «раскрывается как не являющееся для-себя, способ, посредством которого существует бытие» [9] целостного советского исторического мира. И это бытие есть «полное отрицание» его целостности. В результате «отрицания всего» советская история превратилась в «фиктивный мир» и стала Ничто. Если для-себя тоталитаризм должен «быть ничто, посредством которого “есть” бытие, оно может иметь здесь первоначально бытие только как целостность» [9], то террор был тем «есть», которое посредством распадающейся модуляции открыло фиктивность, разомкнуло целостность тоталитарного мира как Ничто. Открыло и разомкнуло в советской истории то, что она «есть сама человеческая реальность как радикальное отрицание, посредством которого открывается мир» [9].

Тоталитаризм стал началом развития советской истории в процессе и результате взаимной контракции, обрушения «друг в друга двух традиционных полюсов» [3] диктатуры пролетариата: формы классовой борьбы и способа организации власти. В процессе становления тоталитаризма эти «два дифференциальных полюса имплозируют друг в друга или рециркулируют друг друга» [3]. В результате «огромного насыщения системы своими собственными силами, отныне нейтрализованными, неиспользуемыми, непонятными, за исключением взрыва, направленного внутрь, имплозии» [3] диктатура пролетариата поглотила всю живую историческую энергию и воспроизвела ее в форме «импловивного излучения» [3], породившего «длительную холодную катастрофу всемирной системы апотропии» [3] – цепную реакцию симулякров и симуляции социалистического строительства,

которая, в свою очередь, поглотила всю энергию реальности советской истории и в особенных формах растворила ее в непрерывном процессе симуляции социализма. В отличие «от взрывного насилия, направленного вовне» [3] имплозия диктатуры пролетариата породила такую форму насилия, которая была направлена внутрь нарождающегося тоталитаризма – направлена на него самого как единство диктатуры советской власти и социалистического строительства. Ее-то мы, вслед за Аренд, и называем тотальным террором – внутренним насилием «по отношению к перенасыщенной целостности» [3] тоталитаризма как в расширенных масштабах воспроизводимого и обновляемого начала развития советской истории.

В результате «импловзивного безумия» (Бодрийяр) процесс становления советской истории превратился в начало ее развития. «Именно здесь берет свое начало симуляция» [3] ее целостного существования, создавшая из реальной истории симулятивную «подделку» – гиперреальность тоталитаризма. В точке окончания становления советской истории ей как особенному историческому процессу пришел конец: «коловоращение репрезентации приобретает в ней безумную скорость» [2], и все произведенные ей репрезентации разлетелись в разные стороны, исчезли, растворились в гиперреальности «подделок» и галлюцинаций социалистического строительства социализма.

С «Великого перелома» и коллективизации «начинается ускоренный процесс имплозии, которая замораживает все вокруг себя и поглощает всю живую энергию» [3] советской истории, превращая ее в тоталитаризм – в начало развития «фиктивного мира». В результате резкого ускорения борьбы с классово чуждыми элементами, «реверсии всего цикла к самой низкой точке, реверсии энергии к минимальному порогу» [3], которым была диктатура, произошло своеобразное «сплющивание» (Бодрийяр) исторического мира до тоталитаризма как гиперреальности советской истории. Одновременно с этим произошла и ее деконструкция. В результате чего целостный мир распался на множественные социальные и «классовые» детали и произошло их «замкнутое в себе парадигмальное склонение по падежам» [2] насилия и террора, который превратился в линейный и серийный процесс нескончаемой борьбы с «чуждыми элементами». Тотальный террор «сворачивает» (Бодрийяр) уже «сплюсненную» до тоталитаризма советскую историю, что позволило ей произвести «умножение объекта» [2] – в расширенных масштабах воспроизвести бесконечное преломление друг в друге полученных в процессе инволютивно сворачиваемого исторического мира тоталитаризма частей и элементов социалистического строительства социализма.

В процессе превращения тоталитаризма из источника и основания в способ движения целостной советской истории «старая добрая материалистическая история сама стала процессом симуляции» [2] и, будучи непрерывным историческим процессом, обрела в целостном историческом мире социализма свою вторую, теперь уже симулятивную жизнь – произошел процесс «самоотражения» (Бодрийяр) «сплюсненной», «свернутой» истории в своих «победах», «свершениях» и «преимуществах». В результате того, что в этом процессе он был полностью лишен своей собственной субстанции, строительство стало чисто символической процедурой «коммунистического строительства», «совершенствования развитого социализма», «перестройки» всего того, что уже было построено и недостроено до этого. И, что очень важно отметить, все эти процедуры не были формами театрально-гротескной пародии на реальность – это была реальность симулятивной гиперреальности тоталитаризма, пытающегося с помощью тотального символического насилия воссоздать целостность и направленность развития исторического мира социализма.

Когда в процессе и результате «самопреломления» тоталитаризма произошло «вторжение символического» в советскую историю, целостный мир социалисти-

ческого строительства социализма стал «своей моделью («чистым взглядом»)» [2] самого себя. Обернувшись в процессе «самоотражения» на саму себя как историю тоталитаризма, социалистическое строительство социализма попыталось «истончиться, пожертвовать собой, самоустраниться перед реальностью» [2]. С помощью особых символических модуляций «отдаривания» [2] социализм попробовал стать «коммунизмом», «развитым социализмом», «социализмом с человеческим лицом». Делал это он даже не путем реальной комбинаторики различных знаков и возвращения им с помощью «символического насилия» некоторой референции, а посредством превращения социализма из подделки реальности (социалистического строительства) и репродукции гиперреальности (социалистического строительства социализма) в порождающую себя в себе модель – модель «самоотражения» истории тоталитаризма в целостном историческом мире советской истории.

Тоталитарная «система обладает исключительным правом на дарение без отдаривания» [2]. В ней только власть имеет право на дарение – только она может строить светлое будущее. Когда в эпоху Оттепели, Застоя и Перестройки она особым образом «самоотразилась» – обернулась на саму себя как симулирующую гиперреальность и с помощью символического насилия бросила самой себе столь же символический вызов, она, тем самым, пыталась сохранить и обеспечить односторонность одаривания. В результате этого она превратилась в специфический способ «отдаривания» дарения. При посредничестве различных форм «симулятивной референции» она возвратила этот дар самой себе, но не в виде социалистического строительства социализма, а как собственное «бытие к концу» (Хайдеггер). Ей пришлось, в силу того что ее связь со строительством оказалась существенно деформирована, бросить самой себе как тоталитарной «системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем, кроме своей гибели и крушения» [2].

Тотальный террор

На этапе становления тоталитаризма террор, будучи системообразующей формой диктатуры пролетариата, носил в основном классовый характер и был направлен не просто против враждебных пролетариату классов, но против тех классовых и социально «чуждых элементов», которые реально были и потенциально могли быть противниками социалистического строительства.

На этапе воспроизводства тоталитаризма, когда он из источника развития советской истории превратился в основание ее целостного бытия, тотальный террор как бы раскололся на две взаимосвязанные формы осуществления. Его внутренняя форма отражала и выражала направленность террора против так называемых «строителей социализма», а внешняя – против потенциальных и актуальных врагов социалистического строительства. Когда тоталитаризм обернулся на себя как социалистическое строительство и стал основанием самодвижения советской истории, террор обрел форму «Большого террора», особым образом в виде «тотального террора» соединившего в себе внутреннюю и внешнюю форму своего проявления. Соединившего террор против «строителей социализма», мешавших, по мнению власти, другим строителям социализма, строить социализм, и террор против тех, кто, оказавшись на аннексированных СССР в предвоенные годы территориях, не желал участвовать в строительстве на этих землях светлого будущего.

По мере того как тоталитаризм из основания превращался в «основоустройство» тоталитарного бытия советской истории, внутренняя и внешняя формы осуществления террора становились устойчивыми, опосредующими функционирование друг друга, способами тотального воспроизводства его сущности. Они уже не были непосредственно направлены против строителей социализма и их врагов. Критерием их различения и отождествления стала Война как способ продолжения

Мировой революции. Те «советские» народы, которые потенциально могли, по мнению власти, противодействовать этому процессу, были депортированы. Те военнослужащие, которые во время боевых действий оказались в плену, и те граждане, которые в силу различных обстоятельств оставались на оккупированной территории, были подвергнуты организованному насилию, как «невыясненные» (А. Платонов) и потенциально опасные для будущего Мировой революции. В эту же категорию попали и те, кто проживал в освобожденных от фашизма странах Восточной Европы, кто был не прочь на развалинах своих государств построить «народную демократию», но категорически возражал против строительства в их странах социализма. Возникшее после окончания войны так называемое «Ленинградское дело» было своеобразным продолжением в новых исторических условиях идей и практики «Большого террора» и было направлено, в первую очередь, против внутренних врагов. Развернувшаяся в эти же годы борьба с так называемыми «космополитами» была своеобразной внутренней репетицией организованного в 50-х годах внешнего насилия над теми, кто был против продолжения в странах Восточной Европы Мировой социалистической революции.

Когда тоталитаризм из «основоустройства» превратился в форму развития советской истории, тотальный террор стал относительно самостоятельным способом самообоснования его самости, способом ее развития по своим собственным, преимущественно символическим законам. При этом внутренняя и внешняя формы его осуществления опосредовали друг друга таким образом, что фактически совпадали, в результате чего он превратился в единый и неделимый способ тоталитарного строительства социализма в мировом масштабе. Суть символического террора в том, что он находил и преследовал в обществе и власти скрытых и открытых врагов не социалистического строительства социализма, но тех «инакомыслящих», кто был против строительства «фикций» (Аренд) – символического строительства Ничто.

В отличие от «красного террора» времен Революции, на этапе развития тоталитаризма террор «становится тотальным, когда он уже независим от любой оппозиции; он верховный правитель, когда никто уже не стоит на его пути. Если следование законам есть сущность нетиранических правлений, а беззаконие – сущность тирании, то террор есть сущность тоталитарного господства» [1, с. 603] – господства над людьми и их историей. Его главная цель заключалась в том, чтобы обеспечить определенным силам истории «свободный бег сквозь косную среду человечества, бег, не тормозимый никаким стихийным, самопроизвольным человеческим действием» [1, с. 603]. Для ее достижения тотальный террор не просто консолидировал определенные исторические силы тоталитаризма, но таким образом организовал их «свободный бег», что в результате кардинальным образом изменялась целостность и природа истории.

На завершающем этапе тоталитарного развития советской истории террор из реального насилия превратился в «символическое насилие» над тем, что было внутренней формой развития целостного мира советской истории – насилие над самой историей как непрерывным историческим процессом. На вызов Оттепели, который власть сама же себе и бросила, она с помощью «воображаемой референции» («призрачное существование» полной и окончательной победы социализма) ответила (отдарила дарением) «строительством коммунизма» – символическим насилием над *будущим*. На символический вызов Застоя она ответила «совершенствованием развитого социализма». Тем самым, с помощью «марионеточной референции» (Бодрийяр) и «ностальгически воскрешаемой реальности», она попыталась примирить исторический мир социализма с его *настоящим*. В результате «призраки, поглощенные системой в ходе ее прежних революций и искусно воскрешаемые ею в виде революционных фантазмов» [2] освободились, преврати-

лись в «операциональных симулякров», которые посредством символического насилия создали особое состояние исторического мира – «состояние всеобщей манипулируемости» [2]. На символический вызов Перестройки власть ответила «недетерминированной субверсией» (Бодрийяр), обращением к «порядку кода» советской истории и попыткой «рекуперации, манипуляции и реутилизации» [2] ее славного *прошлого*. Она попыталась вернуть к жизни «идеалы Октября», «ленинские нормы». Поскольку «лишь беспорядок символического способен прорваться в код» [2], избавиться от исторических наслоений, искажений и сокрытий, постольку она в этом процессе породила «бесконечный ряд симуляций», превратив социалистическое строительство в манипулятивную перестройку «порядка кода» и мутацию «социализма с человеческим лицом» в симулятивную модель.

Стремясь поставить себе на службу прошлое, настоящее, будущее советской истории как целостного мира, тоталитаризм с помощью символического насилия произвел «в самом себе разрыв с бытием» [9], разрушил временность исторического процесса в самом себе и, тем самым, фактически уничтожил целостность этого мира. Пытаясь остановить распад времен исторического процесса, он всегда использовал один и тот же метод символического насилия – существенно *ускорял* ход тоталитарного развития советской истории. Превращал социалистическое строительство в бесконечную и бессмысленную гонку за «воображаемым» коммунизмом, в манипулятивный иллюзион операциональных симуляций, лишенных какой-либо референции знаков «совершенствования развитого социализма», в способ упаковки реальной истории тоталитаризма в «черный ящик кода» [2], в котором «элементарная генетическая матрица» социалистического строительства социализма расшифровывалась в виде ускоренного строительства «социализма с человеческим лицом». В результате всех этих символических симуляций времени, манипуляций с процедурами времени временности «история отошла от дел, оставив после себя индифферентную туманность, пронизанную потоками, но лишенную своих референций» [3].

Жизнь в условиях эпидемии «исторической болезни»

Сплюсчивая, сворачивая, самопреломля советскую историю, тоталитаризм без меры насыщал ее «избытком истории» (Ницше), превращал избыток в постоянно действующий источник эпидемии «исторической болезни». С помощью избыточной истории он «соскальзывал в сокрытость» [11] собственного исторического бытия: скрывал в ней то, что еще не было открыто [1], «засорял» ее различного рода «затемняющими» сокрытиями [2] и тотально погружал в мир искажений и видимостей [3], в котором «возможности обмана и дезориентации особенно упорны» [11]. В условиях эпидемии «исторической болезни» жизнь использовала разные способы «прохождения сквозь господствующие сокрытия» [11]. Она вела себя примерно так же, как и во время эпидемии чумы: отгораживалась, закрывалась от болезни; следовала определенному порядку, который обеспечивал ее воспроизводство; устраивала своеобразный «пир во время чумы», на котором в различных имитационных формах возбуждала, пробуждала, собирала в себе воедино необходимые для существования и борьбы жизненные силы. При этом она использовала разные средства для «отвода сокрытий» советской истории. Но только те, которые позволял ей применять тоталитаризм. С их помощью она пыталась «открыть», «переоткрыть», «новооткрыть» (Хайдеггер) историческое бытие советской истории. Ницше называл эти средства «родами истории», мы же определяем их как дискурсы ее бытия: «монументальная», «антикварная», «критическая» история (Ницше). С их помощью жизнь стремилась обрести историческое бытие и стать исторической жизнью – стать полноценным способом развития советской истории как целостного исторического мира. Для этого она последовательно и настойчиво

«отводила сокрытия» от этого мира и способствовала открытию его «полного бытия» (Сартр), «переоткрытию» «позитивного бытия» (Сартр) и «новооткрытию» «собственного бытия» (Сартр).

Монументальная история

На этапе становления советской истории, когда тоталитаризм с помощью диктатуры пролетариата и социалистического строительства всячески скрывал от нее все то, чего в ней еще не было, но могло быть открыто, жизнь пыталась вырваться из плена этих сокрытий путем открытия «полного бытия» советской истории. Тоталитаризм активно противодействовал этому. Он, с одной стороны, превращал жизнь в «расколотую целостность» (Сартр), с другой стороны, как бы восстанавливал ее единство, но теперь уже на иных основаниях – на основании конкретного тождества диктатуры пролетариата и строительства социализма в виде начала развития советской истории.

Становящаяся, находящаяся на первом этапе своего развития советская история должна была обеспечить непрерывность своего бытия как целостного *исторического процесса*. Эту задачу ей пришлось решать в жестких условиях «нехватки бытия» – отсутствия в советской истории бытия «для-себя в самом себе по способу тождества» [9]. Фактически, ее становление было «своим собственным переходом к тому, чего ей не хватает» [9]. Не хватало же ей, в первую очередь, того, что могло бы обеспечить ее «полное бытие». Чтобы восполнить его нехватку, советская история исключила из него все то, что могло бы хоть как-то ограничить данный исторический процесс. С этой целью, используя особую процедуру – *автономизацию*, она изъяла из себя то, что мешало ей быть непрерывным историческим процессом – она удалила из своего бытия жизнь. Одновременно с этим советская история попыталась, напротив, включить, вернуть жизнь в исторический процесс и возместить с помощью процедуры ее *историоризации* нехватку своего бытия. Посредством автономизации советская история превратила жизнь в фон своего осуществления. С помощью историоризации она сделала этот фон формой своего восхождения к «полному бытию». В данном случае имел место и обратный процесс. Распадающаяся целостность жизни инициировала распад бытия истории на собственно историю и жизнь, превращение историоризированной жизни в источник «перенасыщения известной эпохи историей» [7]. В ней появились своеобразные «обжиралы истории» (Ницше), которые отказывались от самих себя и своей жизни ради достижения и постижения безграничных горизонтов ее бытия. «Обжирая» их, они производили «избыток истории», который стал основной причиной эпидемии «исторической болезни». В ответ на угрозу ее распространения жизнь, подвергнутая процедуре автономизации, как это было и во время эпидемии чумы, ушла в «полное заключение» (Фуко). Осуществила строгое пространственное распределение всех, без исключения, своих отправлений, закрыла себя от всяческих внешних воздействий. Запретила всем живущим покидать установленные для проживания территории и тем самым, уподобляясь «бродячим животным» (Бодрийяр), разносить по закрытой, разделенной на отдельные, не связанные между собой сегменты жизни, бактерии смертоносного недуга.

Оторвавшись, отпав в процессе автономизации от истории, жизнь обрела особую форму существования – превратилась в то, что большевики-ленинцы называли «мещанством». В свою очередь, ее историоризация средствами коллективизации сделала жизнь из «еще-несобранности-вместе» «собираанием частей в кучку» [11]. Для того чтобы хоть как-то сблизить между собой эти две абсолютно противоположные формы жизни, стремясь обеспечить «полноту бытия» истории, а тем самым и непрерывность осуществления исторического процесса, советская история использовала дискурс «монументальной истории». С его помощью она пыталась

максимально «сближать разнородные элементы, обобщать и, наконец, отождествлять их... смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счет *causae* представить *effectus* в монументальном виде» [7]. В результате естественные связи между людьми, и в первую очередь *causae* как «мелкое и низкое, заполняющее все уголки мира и окутывающее тяжелым земным туманом все великое» [7], исчезали, а произведенные *effectus* превращались в «великие завоевания Октября». Среди них особое место занимало самое главное «завоевание» эпохи – советская власть в форме диктатуры пролетариата. Она стремилась превратить жизнь в «способ, которым бытие раскрывается как не являющееся для-себя» [9]. Обостряя классовую борьбу, диктатура пролетариата с помощью данного дискурса «закрывает открытый круг» (Сартр) жизни, но зато, при этом, открывает в ней носителя и распространителя «исторической болезни» – открывает то, что Л. Троцкий называл «советской бюрократией», а мы называем «пролетариатом диктатуры». В процессе синтеза диктатуры пролетариата с самой собой как формой развития классовой борьбы и способом организации власти «монументальное воззрение» на историю обрело «полную иконическую истинность» [7] и стало «эффектом в себе» (Ницше). Использование этого дискурса на «почве диктатуры» (Сталин) привело к тому, что «число исторических “эффектов в себе”, т. е. производство “следствий без достаточных причин”» [7], увеличилось лавинообразно и приняло характер эпидемии «избытков истории».

Превращая *causae* в *effectus*, в «упорное состязание в беге с факелами» [7], «которым только и может жить дальше великое» [7], дискурс «монументальной истории» выполнял в советской истории очень важную функцию. Заполняя своими *effectus* пропасть между «мещанской жизнью» и жизнью «пролетариев диктатуры», он сближал их настолько, что в результате они, оставаясь абсолютно различными историческими формами жизни, оказывались в одном «большом заключении». Отделяя жизнь от истории, погружая ее без остатка в исторический процесс, будь то в форме «частной», или «коллективной» жизни, он в конечном итоге обездвигивал ее и тем самым способствовал восстановлению непрерывности и полноты бытия советской истории. Тем самым, в какой-то части, он компенсировал ей нехватку ее бытия.

Чего же не хватало становящейся советской истории для того, чтобы ее бытие было полным, сплошным, законченным и целостным? В эпоху «Великого перелома», перехода от становления к развитию выяснилось, что ей не хватало социализма.

Антикварная история

По мере того как тоталитаризм превратился в основание и основоустройство целостного исторического мира советской истории, он создал вокруг нее особое облако затемняющих сокрытий, «засорил» ее своими *effectus* и аффектами. Попытавшись прорваться сквозь них к «позитивному бытию» истории, жизнь «переоткрыла» ее, но лишь как то бытие, которое «еще не есть то, чем оно будет, и что оно уже есть то, что оно не есть» [9]. Стремясь «выдать это за что-то, что оно не есть» [11], она «переоткрыла» бытие советской истории, но всего лишь как бытие, которое «себя ближайшим образом и большей частью кажет» [11].

Эпидемия «исторической болезни» выявила в бытии истории «нехватку бытия», но кроме этого она открыла в ней его «недостатки» (Сартр). Всякий недостаток бытия «предполагает тройственность: то, чего недостает, или недостающее; то, кому недостает того, чего недостает, или существующее; и целостность, которая распалась посредством недостатка и которая будет восстановлена посредством синтеза недостающего и существующего» [9]. Какой же был основной «недостаток» тоталитарного развития советской истории, как он появился и что было сле-

лано жизнью для синтеза ее существующего и недостающего? Как удалось, несмотря на эпидемию «исторической болезни», превратить целостный мир тоталитарной истории в «полное позитивности бытие» (Сартр) советской истории?

Для того чтобы тоталитаризм из начала развития советской истории стал «общей формулой господства» (Фуко) его бытия над историей, необходимо было преодолеть внутри него «раскол» на власть и строительство и обеспечить «синтетическую целостность» (Сартр) их соподчиненного развития. Но для этого, в том числе, надо было остановить естественный и закономерный «распад» (Сартр) жизни, который был следствием этого «раскола». Необходимо было найти и задействовать такой исторический механизм, который бы позволил «распавшуюся целостность» (Сартр) жизни сделать синтетическим единством ее исторических проявлений. Советская власть и социалистическое строительство нашли способ решения проблемы недостаточности ее бытия. Советская власть обнаружила его в недавнем прошлом «расколотой» истории – в «классической эпохе» (Фуко). А социалистическое строительство, «самопреломившись» в ближайшее будущее, открыло его в себе как социализм. Это позволило им не только остановить в настоящем «распад» жизни, но и в особой форме произвести синтез ее целостного бытия как существующего и недостающего.

Что же нашла власть в глубинах классической, или «промышленной эпохи» (Фуко) такого, что позволило ей из источника стать «основоустройством» целостного исторического существования жизни? Она обнаружила там «новую политическую анатомию», в основании которой лежали особые механизмы «микрофизики власти» – «дисциплинарные механизмы» ее осуществления. Социалистическое строительство с этой же целью обратилось к тому трансцендентному объекту, который так же, как и дисциплинарные механизмы, мог при определенных условиях стать «основоустройством» его осмысленного бытия – обратилось к социализму. В результате «самопреломления» советской власти и социалистического строительства недостаточное бытие жизни обрело два принципиально новых измерения своего существования. Оно распалось на так называемую «дисциплинарную “формацию”» [10, с. 441] и «мир желаний» [9]. Естественно, что тут же появился и особый способ их синтеза, способ превращения недостающего бытия тоталитаризма в «чистое бытие» (Гегель) жизни и ее «чистую идеальность». С его помощью тоталитаризм попытался реализовать свое положительное «бытие-в-середине-мира как конечный проект своего бытия-в-мире» [9].

Для того чтобы советская история могла развиваться в форме тоталитаризма, она должна была исключить из своего существования все «недостатки» бытия и построить «полное позитивности бытие». Первую задачу, как мы уже отмечали, она решала путем «дисциплинирования» жизни. Вторую – посредством превращения социалистического строительства в строительство «мира желаний». Синтез существующего «дисциплинарного общества» и недостающих, пока еще «сырых качеств» социализма, а значит, и позитивность ее бытия, обеспечивал *сталинизм*. Он был, с одной стороны, произведённо-производящей формой *идеализации* жизни, с другой стороны, «метафизическим коэффициентом» (Сартр) ее развития, практически и идеологически устанавливающим в ней меру тождества тоталитаризма («формул господства») и социализма («форм» строительства). Именно сталинизм полагал меру и, в конечном счете, нес ответственность за то, чтобы в целостном бытии жизни и советской истории произошел окончательный и полный синтез существующего и недостающего. Чтобы она наконец-то обрела «положительное бытие»: «успехи в коллективизации», «достижения индустриализации», «победы в ВОВ», «быстрое восстановление народного хозяйства» и т. п. Сталинизм устанавливал коэффициент взаимопроникновения, взаимообоснования и

взаимополагания в жизни ее «бытия-в-себе и бытия чистой идеальности» [9], полагал меру полноты и окончательности побед социализма.

Сталинизм – это не просто способ синтеза советской власти и социалистического строительства социализма, но сущность погруженной в целостность бытия тоталитарной истории жизни. Будучи «образцовым сущим» (Хайдеггер), он «приходит из фона будущего к существующему как смысл, который никогда не дан и который всегда его преследует» [9]. С него можно «считывать смысл бытия» (Хайдеггер) советской истории. Сталинизм является «идеальным синтезом» (Сартр) тоталитаризма как мира и ничто, приводящего, с одной стороны, к превращению в-себе тоталитаризма в тоталитаризм для-себя; с другой стороны, к «размножению этих» [9] – к размножению строителей и их бессмысленных «котлованов». Он выступает гарантом того, что жизнь будет осмысленной, пока существует «не фон, не форма, а идеальность фона» [9]. И быть смыслообразующим принципом исторического бытия жизни он сможет ровно столько, сколько будет существовать «круг самости» тоталитарной советской истории. Организуя круговорот ее самости, сталинизм одновременно во весь рост ставит вопрос о смысле существования тоталитаризма и дает на него исчерпывающий ответ в виде того образа жизни, который он в этом круговороте постоянно воспроизводит как ее положительное бытие. Этот вопрос мог бы звучать и так: «Только чем тогда люди друг около друга держатся – неизвестно. Что ты их слюнями склеиваешь иль одной диктатурой слепил?» [8, с. 320]. И ответ на него мог бы быть, например, таким: «Тут, товарищ Гопнер, у всех одна профессия – душа, а вместо ремесла мы назначили жизнь» [Там же].

Жизнь «дисциплинарного общества» и «мира желаний» могла «реализоваться только как присутствие по отношению к бытию по ту сторону бытия» [9] жизни. Для того чтобы там оказаться, ей нужно было «возвыситься» до его целостности. И «это возвышение над миром – условие самого его возникновения как такового» [9] было осуществлено посредством не автономизации и историоризации, а *идеализации* бытия жизни – путем ее деконструкции (сведения всего многообразия жизненных проявлений к ограниченному набору жизненных функций), субституции (замещения реальности жизни репродукциями, нормами и ритуалами ее позитивного осуществления), институционализации различных «технологий производства индивидов», способов «сложения сил», «комплексных пространств», «аппаратов» (Фуко) – репрезентации жизни в качестве управляемого и контролируемого, «экономного» процесса отправления жизнедеятельности масс и индивидов.

Превратив «частную» и «коллективную» жизнь в нечто целое и единое, поставив с помощью дискурса «антикварной истории» себе на службу ее обновленное бытие, сталинизм помог жизни приспособиться к избыточному давлению со стороны «исторической болезни». Окружив себя, с его помощью, различного рода аффектами, она научилась воспроизводить себя как «положительное бытие». В результате организованного и упорядоченного сталинизмом «падения» (Хайдеггер) жизни в мир «дисциплинарных механизмов» и «фантазмов желаний» ее бытие стало набором определенных, идеальных *аффектов*, которые существовали в виде «сырых качеств» чистой материи тоталитаризма. Каждый из них был «переживаемым проектом, который не предполагает никакого предварительного размышления, но который несет в себе самом свой смысл и свою интерпретацию» [9] – несет в себе и особым образом раскрывает «бесцветную случайность» [9] жизни каждого конкретного Я и их множества. Что отличает аффект всякого строителя социализма и победителя социалистического соревнования от всех иных аффектов жизни, так это то, что он, будучи «проектом в пустоте тревоги» [9] «не может быть движущей силой его действий» [9] и нуждается во внешнем управлении со стороны сталинизма.

В «назначенной жизни» (А. Платонов) сталинизм разомкнул «образцовое сущее» с помощью дискурса «антикварной истории», который позволил ему открыть «самого себя во всем этом, свою силу, свое усердие, свои удовольствия, свои суждения, свою глупость и свои причуды» [7]. Используя этот дискурс в качестве средства размыкания сущего советской истории, он как бы поставил «историческую болезнь» на «службу жизни» [6]. Обнаружил в ее бытии как «фоне» социалистического строительства универсальную форму существования «образцового сущего» советской истории – открыл в нем ленинизм. С его помощью он создал «проект себя по ту сторону» [9] исторического бытия жизни – по-своему «одушевил» все те вещи и явления, которые составляли целостность существования данного бытия. Тем самым он превратил социалистическое строительство в проект (форму «фона») социалистического строительства социализма в отдельно взятой стране. И, наконец, сталинизм сделал саму жизнь особым проектом – способом ликвидации «мира желаний» и формирования на данной основе и в этом процессе у людей «истинного исторического чувства» [7], чувства «благополучия дерева, пустившего прочные корни» [7] в жизни.

Сталинизм – это способ существования «исторической болезни», которая с помощью дискурса «антикварной истории» служит не просто жизни, а «служит минувшей жизни так, что подрывает дальнейшую жизнь, и в особенности высшие ее формы» [7]. В этой жизни «человек окружает себя атмосферой затхлости» и «дерево умирает» [7]. Когда «последыши-антиквариаты» [7] зычным голосом на весь мир возвестили – «наше поколение на вершине своего развития» [7], «душа» освященной сталинизмом жизни превратилась в ничто, растворилась в «критической истории».

Критическая история

Став формой развития целостного исторического мира советской истории, тоталитаризм не просто скрыл то, что еще не было в ней открыто, с помощью различных сокрытий затемнив, засорив ее бытие, но и посредством различных сокрытий исказил его. «Взломав искажения» (Хайдеггер), отведя сокрытия видимости и кажимости, открыв в советской истории механизмы и формы, с помощью которых «сущее вырывает у потаенности» [11] и создает «бытие-для-обнаружения» самого себя, жизнь произвела «новооткрытие» советской истории как такого целостного исторического мира, который, хотя и имел «собственное бытие» (Сартр), но исключительно в виде «фиктивного бытия» (Аренд).

В бытии истории, как мы уже отмечали, может не хватать бытия. Оно может быть «недостаточным» бытием. А может стать и быть *небытием*, в котором исчезает, растворяется нехватка и недостаток бытия и остается лишь ничто, которое преследует бытие и отрицает способы его существования. Преследуя бытие, ничто преодолевает «тройное небытие» [9] бытия и открывает в нем его сущее, которое конституирует данное бытие как *собственное*, т. е. само свое бытие.

На завершающем этапе своего развития советская история попыталась открыть в своем «полном» и «позитивном» бытии собственное бытие в виде *исторической жизни* – формы развития и размыкания сущего бытия целостной советской истории. А открыла в себе лишь «тройное небытие» своего сущего: «отграничение от чистого исчезания, но также и от лишь-околевания и наконец от “переживания” ухода из жизни» [11].

В эпоху Оттепели историческая жизнь открыла в советской истории социализм как его сущее – произвела его «отграничение от чистого исчезания» в непосредственном, наличном бытии. При этом она отрицала бытие этого сущего, «отшатывалась» (Хайдеггер) от него. В результате чего небытие ее бытия («полная и окончательная победа социализма») превратилось в бытие ее небытия («комму-

низм») – стало местом «тихого блаженства индифферентности» [9] «вперед-себя» (Хайдеггер) бытия целостной советской истории.

В эпоху Застоя историческая жизнь реализовала способ отграничения советской истории от ее «околеваания». Она «падала» (Хайдеггер) в «позитивное бытие» коммунистического строительства коммунизма, которое «еще-не» (Хайдеггер) существовало, и возвращала в советскую историю все тот же социализм, но не в виде его непосредственного, наличного бытия, а как видимость – как «развитый социализм». Но, самое главное, она возвращала в него видимость социалистического строительства – «совершенствование» видимости социализма, которое осуществлялось в виде «собирания сущего», «прогрессивного суммирования сущего», как «переход в неналичность» и «свое еще-не» [11]. В результате такого рода собирания установилось «равенство индифферентности» [9] реального и развитого социализма, которое не позволило сущему советской истории «околевать» и удерживало его в состоянии «прихода-к-концу» (Хайдеггер).

В эпоху Перестройки историческая жизнь путем «бегства» (Хайдеггер) от реально-развитого социализма, бессмысленного процесса совершенствования бытия его небытия и небытия его бытия реализовала сущее советской истории в виде способа ее отграничения от «переживаний» ее ухода в небытие собственного «скончания» (Хайдеггер). Перестройка не просто отрицала социализм или его строительство, но она пыталась восполнить «утрату бытия вот» [11], открыв в нем то, что «конец сущего que присутствия есть начало этого сущего que наличного» [11]. Тем самым она ничтожила «бытие к концу» советской истории и сводило ее «скончание от конца» [11] к фактическому бытию ее сущего как видимости сущего: «непосредственность небытия есть как раз то, что составляет видимость; но это небытие есть не что иное, как отрицательность сущности в ней самой. Бытие есть небытие в сущности» [6, с. 16]. Перестройка раскрыла это сущее как начало (социализм с ленинским лицом), которое «есть единство бытия и ничто или, иначе говоря, оно есть небытие» [5, с. 131], «соотнесенное с бытием как неким другим; начинающегося еще нет, оно лишь направляется к бытию» [5, с. 131]. Она раскрыла, как советская история стала «озаботившимся “*бытием-при*” внутримирно встречном сущем» [10], а социалистическое строительство социализма превратилось в «фон индифферентности» [10], т. е. безразличного отношения к самой себе советской истории.

В процессе рефлексивного движения советской истории и превращения исторической жизни в форму развития ее непрерывного и целостного бытия основным способом консолидации его сущего был процесс *трансцендирования* жизни с помощью дискурса «критической истории». Именно он обеспечивал ее «возвращение в себя как отрицательное ее самой», «слияние с собой», «снятие своего другого, непосредственности», «снятие возвращения в себя» (Гегель).

Процесс трансцендирования жизни представлял собой противоречивое единство двух процедур, которые конституировали ее как особый симулякр исторической жизни. С одной стороны, он раскрыл те механизмы, с помощью которых советская история использовала жизнь для того, чтобы открыть, раскрыть и реализовать свое «тройное небытие» и индифферентное отношение бытия к своему бытию. С другой стороны, он показал, каким образом жизнь стала в себе и для себя симулятивно-исторической, как она с помощью дискурса «критической истории» симулировала Суд истории над своей историей. Как в этом процессе она судила саму себя по законам жизни.

В процессе трансцендирования жизнь сбросила с себя маску смерти (разоблачила культ личности Сталина) – открыла в себе жизнь как жизнь; оправдала свою историю как жизнь (законсервировала сталинизм) – оправдала видимость историчности своего бытия; открыла в себе те жизненные силы (ленинизм как «исти-

ну» сталинизма), которые, казалось бы, могли вернуть ей самоценность и сделать ее реальной, имеющей собственное бытие исторической жизнью. Способствовал ей в этом дискурс «критической истории», который помогал советской истории в игровой форме трансцендировать «себя на наших глазах к ценности и возможностям» [9] социализма. Он показал, что историческая игра жизни «грандиозна, потому что она является одновременно и местом экстаза ценности, и местом ее исчезновения» [4]. С его помощью жизнь допросила советскую историю о ее ценностях, обвинила ее в том, что она эти ценности потеряла, вынесла ей приговор за бессмысленность бытия.

Сбросив с себя в процессе самодопроса маску смерти как «возможность прямой невозможности присутствия» [11], «попирая святыни» [7] советской истории, жизнь «новооткрыла» себя как жизнь. Попыталась «создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить» [7]. Тем самым она раскрыла себя как историю небытия, открыла в себе жизнь прошлого как «основовозможность собственной и несобственной экзистенции» [11] и, став на ее позиции, обвинила историю как прошлое самой себя. Подступив «с ножом к ее корням» [7], жизнь реализовала собственный исторический потенциал как «крайнюю возможность» [11] своего бытия, окончательный приговор возможной исторической жизни.

Жизнь втягивает в свою игру не только историю, но и человека. Участвуя в ней, человек «не стремится обладать бытием мира» [9]. Его цель состоит «в том, чтобы достигнуть самого себя как определенного бытия, а именно бытия, которое находится под вопросом в его бытии» [9]. Для того чтобы «быть самому себе собственным основанием, принять и управлять своим собственным бегством внутрь, быть, наконец, этим бегством» [9], он с помощью «критической истории» трансцендировал свою жизнь.

В эпоху Оттепели жизнь открылась ему в виде двух существенно различных способов бытия ее абсолютной свободы: «бытия личности» [9] и бытия «вперед-себя» истории. Ее «рефлексивное раздвоение» [9] произошло в процессе бурного обретения жизнью самой себя как абсолютной свободы. Пытаясь остановить «распыление бытия» [9] истории, она буквально стащила с советской истории маску сталинизма – развенчала культ личности Сталина. Тем самым окончательно отняла «у реальности ее реальность» [9] и открыла для нее возможность стать и быть небытием – коммунистическим строительством коммунизма. Одновременно с этим человек старался «открыть себя свободным в самом своем действии» [9]. А основная функция его действия заключалась в том, «чтобы обнаружить в предоставить самому себе абсолютную свободу, которая есть само бытие личности» [9]. Он и предоставлял эту свободу бытию в виде своего «бегства» к самому себе как личности.

Застой раскрыл «наготу субстанции» жизни, показал, что если свобода «играет в детерминизм и упорствует в своей игре» [9], то в жизни происходит «эскалация достоверности» (Бодрийяр), в результате чего она осуществляется как «полнота, зияющая своей пустотой» [4]. Все ее проявления обесцениваются, наступает «бесконечная галлюцинация утраченной детерминации» [4]: «субстанция ценности улетучивается из них вследствие игры проявлений и произвольности правил» [4]. В результате история жизни обесценивается, а совершенствование и так уже развитого, более зримого, чем зримое, социализма становится «преступлением самого видимого» [4].

В эпоху Застоя человек ничего не ищет, но, как «серьезный человек пребывает “в мире” и не имеет никакого убежища в себе; он даже не рассматривает больше возможность выхода из мира, так как он задает сам себе тип существования утеса, устойчивости, инерции, непрозрачности бытия-в-середине-мира. Само собой разумеется, что серьезный человек зарывает в глубине самого себя сознание своей

свободы; он – в самообмане» [9]. Для него «все есть следствие и никогда нет принципа» [9]. Его серьезность является «измерением человеческой реальности в пользу мира» [9].

Во времена Перестройки бытия советской истории жизнь пыталась «наложить на него форму» (Бодрийяр), которая бы позволила раскрыть ее собственное бытие – раскрыть жизнь как историю. Ее адепты пытались сделать это следующим образом: «на самое четкое черным по белому они тотчас накладывают свою промокательную бумагу, самый изящный рисунок они пачкают жирными штрихами своей кисти, которые выдают за поправки, – и дело сделано» [7]. В результате «собственного бегства» в «собственное основание» ее бытие из небытия должно было стать собственным бытием, но превратилось в ничто – форму «скончания» (окончание конца) советской истории и ничтожения жизни.

В условиях Перестройки «серьезный человек», «находясь под угрозой в мире со своей историчностью» [9] оказался, как и положено для включенного в кругооборот своей самости человека Застоя, в состоянии своеобразного раздвоения личности. С одной стороны, он, наследуя устремления человека Оттепели, пытался воспроизвести в себе «свободное отношение к себе». С другой стороны, он старался воссоздать в себе историчность своего бытия – способность быть не только тем, что он есть, но и стать тем, что есть окружающий его мир. В этих условиях он также, как «серьезный человек», измерял человеческую реальность в «пользу мира». Отличие заключалось лишь в том, что этим миром для него была не советская история как целое, а конец ее бытия – Перестройка. Ее он превратил в меру историчности бытия своей жизни. И не важно, был он «за» или «против» нее. При любом варианте ответа, она была средством реабилитации его жизни и выступала масштабом бытия как личности. С ее помощью он измерял историчность своего бытия как бытия возможностей жизни иметь силы для воссоздания собственного бытия.

Попытки жизни с помощью дискурса «критической истории» противостоять «исторической болезни», хотя бы даже и в форме Игры – Суда над историей, освободить себя для собственного бытия, вернуть его себе и стать исторической жизнью привели к тому, что советская история, так же как и верховное руководство жизни над ней, закончилась. А это значит, что закончился «конец бытия» советской истории (Оттепель), ее «бытие к концу» (Застой), наступил конец процессу ее «скончания» (Перестройка). В результате обращения небытия советской истории в ее собственное ничто, произошел переход от небытия истории к ничто жизни. Бытие жизни обратилось в ее ничтожное основание, а человек превратился всего лишь в «мигание ничто» (Сартр).

Как известно, «ничто бытия встречается только в рамках бытия» [9]. Оно «не может быть ничто иначе, как если оно определенно себя ничтожит как ничто мира, т. е. если в своем ничтожении оно направляется точно к этому миру, чтобы конституировать себя как отказ от мира. Ничто носит бытие в своей сердцевине» [9]. Какое же бытие не просто преследует, но носит в своей сердцевине Ничто советской истории? Этим бытием является Революция. Жизнь приговорила советскую историю к «скончанию» ее окончания. Тем самым она открыла для нее новую реальность – реальность возможного «вознесения к истории» (Ясперс). Возносясь вместе с советской историей посредством Революции к собственному историческому бытию, жизнь, опираясь на уже пережитый опыт борьбы с «исторической болезнью», опыт отвода от себя сокрытий-искажений не просто закончила, но *завершила* эту историю саму по себе.

* * *

Советская история искала и нашла в себе, в том числе с помощью особых процедур самоопределения исторического бытия жизни, достаточно эффективные способы и механизмы преодоления в себе нехватки и недостатка бытия, а также его небытия. Путем «открытия», «переоткрытия» и «новооткрытия» своего бытия она отвела от себя различного рода сокрытия, разомкнула себя как потаенное, кажущееся и искаженное бытие. В результате этих действий, казалось бы, она достигла определенного уровня полноты, позитивности и собственности (самости) ее бытия, но на деле всё то, чего она достигла, оказалось всего лишь единством определенных форм ее окончания («конец», «бытие к концу», «скончание» (Хайдеггер)), отрицания и ничтожения. Несмотря на предпринимаемые жизнью усилия, ее непримиримую борьбу с «исторической болезнью», сокрытиями и избытками истории, советская история оказалась, в конце концов, брошенной в «бытие к смерти» (Хайдеггер). В своем «бегстве» (Хайдеггер) к смерти и «падению» в нее, она не исчезла, но «вознеслась» к своему бытию и превратилась в прозрачный Купол для ретрожизни. О том, как это произошло, мы подробно расскажем в заключительной части нашего исследования.

Литература

1. Аренд Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. С. Седова ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – URL: <http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1971. – 248 с.
7. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / пер. Я. Бермана. – СПб. : Лань, 2013. – URL: <https://e.lanbook.com/book/5897> (дата обращения: 04.02.2020).
8. Платонов А. П. Чевенгур : роман ; Котлован : повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. – М. : Время, 2011. – 608 с. – (Собрание).
9. Сартр Ж. П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 04.02.2020).
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – М. : AdMarginem, 1999. – 478 с. : ил.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Second Article)

This article presents an attempt to analyze the universal mechanisms of totalitarian "flattening", "folding", and "self-refracting" of Soviet history. It also answers the questions of how totalitarianism from the beginning of the development of Soviet history became the basis, and then the form of its simulated and symbolic being, and what place terror occupied in these processes. It explains how it turned from "improvised means" (Heidegger) of self-justification of totalitarianism into total terror, and how in the conditions of the Thaw, Stagnation, Perestroika it acquired a symbolic form of its manifestation. The article examined in detail how life, with the help of the

discourse of monumental, antique, critical history, confronts the epidemic of the "historical illness" of Soviet history; frees it from various kinds of concealment through autonomy, historicization, and transcending; and how, as a result of all these processes, it reveals in Soviet history its being-to-death (Heidegger). The author concludes that Soviet history overcame the lack of being, its insufficiency, and non-existence, constituted itself as a "complete", "positive", "own" being with the help of Stalinism, which was its "metaphysical coefficient" development (Sartre).

Keywords: totalitarianism; terror; socialism; socialistic construction; Stalinism; the epidemic of the "historical illness; monumental, antique, critical history.

Современность как «сейчас»: в защиту «простых» терминов

В статье рассматривается понятие «современность» как «сейчас», которое опирается на индивидуальные переживания, востребованность тех или иных культурных практик в данный момент. Представлена попытка уйти от соединения понятия современности с идеей прогресса и новизны. Оценка прогресса осложнена расхождением между идеей прогресса и собственно прогрессом. Прогресс выявляется преимущественно ретроспективно, многие изменения в обществе идут столь медленно, что остаются малозаметными для носителей культуры. Другие изменения могут быть заметными, однако они не всегда связаны с подлинной новизной. В качестве нового может восприниматься то, что прежде существовало в культуре, но было забыто или неизвестно некоторой части общества. При этом полученные результаты затруднительно использовать для прогнозирования будущего из-за отсутствия соответствующей методологии. Оценка тех или иных феноменов как новых, прогрессивных, современных во многом связана с теоретическими установками исследователя, носителя культуры. Предлагаемое определение современности как «сейчас» можно рассматривать как методологическую позицию, которая позволяет мягче оценивать и сопоставлять многовековые и лишь зарождающиеся феномены в культуре.

Ключевые слова: современность; прогресс; идея прогресса; новизна; индивидуальное переживание; востребованность.

Ранее мы обращались к проблеме современности [6] и вслед за такими исследователями, как Б. Г. Капустин, Т. В. Адорно, Г. Р. Яусс, А. В. Павлов, З. Бауман, Ю. Хабермас выделяли три основных подхода к ее определению: 1) текущий момент как «сейчасность»; 2) эпоха, для определения которой могут быть применены различные критерии; 3) индивидуальное переживание человеком современности.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению методологической значимости определения современности в качестве «сейчас», текущего момента, которую Б. Г. Капустин определяет как «сейчасность» «со-присутствие в абстрактной единице “астрономического” времени» [3, с. 13]. Серьезные исследователи часто понимают подобное определение современности как примитивное и недостойное внимания. И все же в данной статье мы попытаемся наметить его методологическую значимость. Для этого сделаем несколько предварительных замечаний.

Обсуждение проблемы современности зачастую связано с представлением о прогрессе общества, которое проходит определенные стадии развития, каждая из которых стоит выше предыдущих. Размышления о современном/несовременном опираются на поиск направления дальнейшего развертывания истории человечества, улавливания его знаков в настоящем. В этой связи интерес представляет рассмотрение идеи прогресса. Для этого обратимся к работе Р. Нисбета «Прогресс. История идеи», где автор представляет бытование представлений о прогрессе в европейской культуре на протяжении столетий, начиная с эпохи Античности. В определенном смысле эта работа спорная, однако нас будут интересовать выделенные исследователем теоретические положения, на которых покоится вера в прогресс. Во-первых, это вера в значимость прошлого своей культуры, которое является источником опоры и вдохновения для ее дальнейшего развития. Во-вторых, убежденность в величии Запада, его ценностей, особенностей развития, традиций, достижений, которые превосходят всё, сделанное в иных частях света.

* Елена Александровна Фоминых, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения РГППУ (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет») (г. Екатеринбург).

В-третьих, подчеркивание роли экономической и технической сфер деятельности общества, которые выступают в качестве фундамента всякого прогресса. В-четвертых, вера в разум и науку, которые обеспечивают новые достижения, ведущие человечество в лучшее будущее. В-пятых, мыслитель отмечает убежденность в ценности жизни на Земле, необходимости ее поддержания и сохранения. Здесь же Р. Нисбет отмечает тесную связь идеи прогресса с идеей добра, т. е. даже с учетом всех ужасов, к которым прогресс привел в XX в., вера в идею прогресса, в то, что дальнейшее развитие общества принесет человечеству новые блага, сохраняется [4, с. 475–476].

Изложенные выше представления разделяет большинство поборников идеи прогресса, наиболее спорным, пожалуй, является первое из пяти утверждений, оно требует особого внимания, и к его рассмотрению мы еще вернемся. А пока отметим следующее: история идеи всегда опирается на исследование теоретических текстов, созданных представителями интеллектуальной элиты своего времени. И адресованы эти тексты людям того же круга, достаточно подготовленным, чтобы их понять. Идея существует и развивается, вдохновляя некоторую часть общества на дискуссии и дальнейшие поиски. Что касается большинства людей, то для них эта же идея существует в упрощенной форме, собственно к ней можно отнести замечание Р. Нисбета о невероятной популярности слова «прогрессивный» в XX в., мы можем добавить, и в XXI в. «Всегда подразумевается, что все то, что наречено прогрессивным, находится в авангарде и удерживает позиции, к которым естественный ход прогресса со временем приведет других. Поклонение новому, зачастую бездумное, во всех сферах имеет в основе, осознанно или нет, философию прогресса, которая по самой своей природе объявляет новое и последнее наивысшим в восходящей временной прогрессии» [4, с. 467]. Отмеченное выше поклонение новому нередко характерно и для рассуждений о современности, приводя к отождествлению этих понятий: современное, прогрессивное, новое.

Здесь возникает необходимость обратиться к двум вопросам. Во-первых, как соотносится вера в прогресс с собственно прогрессом в обществе? Во-вторых, как определяется новизна?

Вера в прогресс связана не только с интеллектуальными построениями, но и с эмоциональным отношением к этим построениям. Здесь основой является анализ текстов научных и художественных, результаты социологических исследований. Как правило, мысль высказывается авторами текстов или респондентами в опросе напрямую, сознательно, достаточно аргументированно. Разумеется, вера может и не вполне сознаваться и артикулироваться, однако для истории идей характерна именно высокая степень намеренного высказывания мысли.

Иначе обстоит дело с исследованием собственно прогресса, который опирается не только на тексты, но и наличие тех или иных артефактов, поддающихся сравнению и классификации. Результаты прогресса зримы, ощутимы. Что касается исследований, то здесь стоит отметить наличие двух типов текстов: исторических и футурологических. Сначала скажем несколько слов о вторых. Эта почва представляется крайне зыбкой, что неоднократно отмечали различные мыслители. Рассуждая о способности социальных наук к прогнозированию, К. Поппер приходит к выводу, что эти возможности весьма ограничены: они являются широкими, но из-за высокой сложности социальных объектов не могут быть точны, нет методологии, которая бы позволяла учитывать множество существенных деталей [5]. В свою очередь Р. Нисбет указывает, что метод футурологов состоит в том, что «ухватывается какой-либо аспект настоящего, представляющегося доминирующим, а затем в проецировании его на будущее» [4, с. 463]. При этом ученый также отмечает, что подобного рода прогнозы не могут быть точны. В этом контексте понимание современного как нового, противостоящего прошлому, как указания

на то, что грядет, выглядит не вполне убедительным. Строго говоря, сказать, что было указанием на действительно серьезные изменения в культуре, а что лишь недолговечным веянием, можно лишь ретроспективно. В моменте настоящего этой возможности нет. Фантасты XX в. полагали, что в начале XXI в. люди будут летать на другие планеты, но этого не произошло, однако они не предполагали появления обыденных сегодня Интернета и сотовой связи.

Многие попытки выявить законы исторического процесса делались на основании изучения истории, однако последующие их проверки через построение прогнозов на будущее оцениваются как неудачные. Именно так многочисленные критики оценивают идеи К. Маркса и его последователей. Здесь же возникает и еще один вопрос, сформулированный М. Булгаковым: «Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» [1, с. 14]. Если ставить вопрос чуть менее радикально: можно ли считать, что те или иные изменения в обществе – это результат чьих-то осознанных решений и целенаправленных усилий? В каких-то случаях – да, но во многих – нет, тем более этого нельзя сказать обо всех последствиях принятых решений. Отметим вслед за Н. Элиасом, что развитие цивилизации не является результатом «рацио» и долгосрочного планирования, и в то же время оно не хаотично, у него есть структура, направленность, при этом оно выступает как результат взаимодействия между отдельными людьми, которые складываются в процессе дифференциации общества и опираются на ощущения приемлемости/неприемлемости тех или иных форм поведения [8, с. 237–238]. Движателями такой трансформации общества выступают отдельные индивиды или группы людей, однако со временем подобное восприятие тех или иных культурных практик распространяется на всех членов общества. Так, в концепции Н. Элиаса процесс развития имеет направленность, но не имеет субъекта, который эту направленность установил. Здесь вспоминается гегелевский «дух времени», однако данная идея им не приветствуется.

Теперь рассмотрим вопрос о соотношении веры в прогресс и собственно прогресса. Р. Нисбет сетует на упадок веры в прогресс, полагая, что именно она лежит в основании трансформации общества. Однако вера в прогресс может сохраняться и в периоды упадка культуры, таким временем исследователь считает позднюю Римскую империю и Темные века в начале Средневековья. Он характеризует конец XX в. как время упадка идеи прогресса, утрату доверия к науке, ученым, политическим институтам, обострения интереса к оккультизму, погружения в скуку, убежденности многих в отрицательном влиянии на общество экономического роста. Вместе с тем мы можем наблюдать продолжающееся развитие науки и техники, различных видов искусства, сферы услуг. Возникает вопрос: действительно ли произошел отказ от веры в прогресс, или это только разочарование небольшой группы интеллектуалов на фоне сохраняющейся веры широких слоев населения? И чем же являются происходящие на наших глазах изменения, отмеченные выше, упадком или все же прогрессом? Ответ на эти вопросы содержится в том, как тот или иной человек, исследователь оценивает подобные феномены. Так или иначе, вера в прогресс и собственно прогресс коррелируют между собой, однако не могут быть приравнены друг к другу. Более того, отличается методология их исследования, а также убеждения ученых, размышляющих на эти темы. Таким образом, ответ на вопрос о том, что считать прогрессом, а что нет, зачастую зависит от восприятия тех, кто дает подобные оценки.

Чтобы развить эту мысль, обратимся вновь к Н. Элиасу, который рассматривает, как осознается процесс цивилизации, как люди обосновывают необходимость изменять свое поведение. Ученый отмечает, что запрещение «еды руками» и иные требования, ставшие нормой в XX в., на ранних стадиях и до середины XVIII в. объяснялись не с точки зрения требований гигиены, а описывались в терминах «это некуртуазно», «человек благородный подобного не делает», это может быть неприятно другим [7, с. 182]. В повседневных практиках более глубокой осмысленности трансформаций поведения не было, они и не требовались с точки зрения носителей культуры того времени. Процесс цивилизации шел столь медленно, что не носил характера изменений радикальных, так он может быть оценен лишь ретроспективно, в контексте изменений, занявших полтысячелетия. Н. Элиас отмечает, что сегодняшние требования к поведению мы оцениваем как естественные именно благодаря длительности их развертывания.

Впрочем, существует немало примеров, когда изменения в обществе осознавались довольно отчетливо. И именно в связи с этим возникает вопрос о новизне. В качестве современного нередко маркируется нечто новое, необычное, то, что способно притянуть внимание. Однако здесь необходимо уточнять, для кого и до какой степени оно ново. Возникновение колеса или сотового телефона – явления уникальные, в момент своего возникновения эти предметы совершенно новы. Но вера в прогресс подталкивает искать новизну буквально во всем. Так, например, как новшество воспринималась кукла Барби, выпущенная в 1959 г. и вызвавшая у многих шок своим внешним видом – она выглядела как взрослая женщина, в то время как в этот период было принято выпускать кукол с внешностью маленьких детей. При этом исследователи истории игрушек приводят многочисленные примеры кукол со «взрослой» внешностью, существовавших до XX века [2]. Так, мы можем понимать новизну двояко: как зафиксированное исторически первое появление какого-то явления и как феномен того, что впервые попало в поле зрения представителей того или иного сообщества, но уже существовало ранее в иных культурных контекстах. То есть здесь присутствует различие, аналогичное несовпадению веры в прогресс с самим прогрессом.

Фиксация нового, впервые появившегося, до определенных пределов возможна. Однако необходимо учитывать и то, что оно ново лишь для определенной группы субъектов культуры. Кроме того, возникает вопрос с его оценкой: степенью новизны; возможности рассматривать данное явление как прогресс, поскольку здесь присутствует зависимость от позиции того, кто дает оценку.

Здесь мы подходим к пониманию современности как индивидуального переживания. Состояние культуры в каждый момент существует неотрывно от ее носителей, которые в силу разных обстоятельств включаются или оказываются включены в различные культурные практики, они же маркируют различные элементы предметной реальности как обладающие или не обладающие культурной ценностью. Этот момент отсылает нас к пониманию современности как особого переживания, как способа отношения к своему времени. При этом не всякое переживание отрефлектировано, артикулировано в той или иной форме, доступной для исследователя. Вместе с тем можно взглянуть на существующие в «сейчас» феномены культуры как просто востребованные теми, кто в ней живет, ее носителями, большим или меньшим количеством людей, с большей или меньшей степенью осознанности, или вовсе без нее.

При данном подходе ключевое значение имеет следующее обстоятельство: культура состоит из множества феноменов, обладающих разной временной протяженностью, она лишена одномоментности в своем функционировании. Представление о ней как о жестко фиксированной точке «сейчас», современности с указанием охватываемого периода, есть теоретические построения, которые тре-

буют оговаривания критериев для подобного отграничения. За пределами теоретических построений существует живая ткань культуры, которая состоит из явлений, существующих многие дни, десятилетия, столетия и продолжающих оставаться востребованными. Возникает вопрос о возможности зафиксировать момент, когда они вдруг перестают быть современными, особенно это проблематично в случаях культурных практик, существующих даже не сотни, а тысячи лет, в течение которых они неоднократно менялись, причем это происходило не всегда ощутимо и заметно для их носителей. Новое может ощущаться, но может и не ощущаться, восприниматься как уточнение прошлого.

Если спросить живущих сегодня буддистов, иудеев, христиан, мусульман, считают ли они свою религию чем-то отжившим, то любой верующий человек ответит: нет. Можно ли считать отжившими свое конструкции римского права, которые используются сегодня в гражданском праве многих государств? Юристы ответят – нет, ведь это достижения высокого уровня, востребованные сегодня. Если мы предположим, что стоечно-балочные конструкции утратили свою ценность, архитекторы с нами не согласятся, этот тип конструкций мы видим повсюду, хотя ему тысячи лет. Вместе с тем сегодня никто не предполагает решать судебные споры при помощи ордалий или демонстрировать всем простыню или рубашку новобрачной со следами дефлорации. Эти и многие иные культурные практики перестали быть востребованными, но когда-то они развивались, были общепринятыми, а потом сходили на нет под влиянием тех или иных обстоятельств.

Стоит отметить, что многие культурные явления состоят из целого ряда элементов, часть из которых сохраняется, в то время как другая меняется с большей или меньшей степенью очевидности для носителей данной культуры.

Современность как индивидуальное переживание строится на востребованности сейчас того, что только появляется, не похоже ни на что существовавшее ранее или, напротив, глубоко укоренено в прошлом и именно благодаря этой укорененности воспринимается как источник устойчивости, гарантированности в ситуации изменчивого «сейчас», основа для ответов на различные вызовы культурные, климатические и т. д. Возможна и ситуация осознанного стремления к возрождению давно отжившего, точнее, понимание того, что было утрачено нечто ценное, иными путями невозможное, тогда происходит не только реанимация прошлого, но и возникновение чего-то уникального нового на его основе. Так деятели итальянского Возрождения, обращаясь к античным образцам, создали новое искусство. Позднее стиль ампира возник как результат вдохновения мощью архитектуры Римской империи. Подобных примеров множество.

Если исходить из предположения, что современность – это не всегда прогресс, это может быть и востребованность той или иной практики здесь и сейчас, то современность будет представлять собой сложное сочетание культурных практик, сосуществующих в мире, в котором мы живем здесь и сейчас.

Обратимся к условию веры в прогресс, которое Р. Нисбет ставит на первое место, к ценности прошлого. Он утверждает: «Прошлое могло оставаться священной землей даже для тех умов, которые посвятили себя уничтожению существующих институтов и построению будущего золотого века» [4, с. 487]. Исследователь отмечает, что для конца XX в. характерна утрата понимания ценности прошлого, и рассматривает это как указание на потерю веры в прогресс. Он цитирует Дж. Х. Плама, который утверждает: «Старое прошлое умирает, его сила ослабевает, но так и должно быть. Более того, историк должен ускорять этот процесс, так как оно полно фанатизма, национального тщеславия и классового господства» [4, с. 487]. Такое отношение к прошлому неприемлемо для Р. Нисбета, который полагает, что цель обрядов, празднований юбилеев и прочие мероприятия, обращенные к пошлому, призваны сплотить общество. Он пишет: «Как еще

заставить детей любить свою страну, расу или национальность, а также религию, как не посредством непрерывного воссоздания прошлого, его великих свершений, его героев, лидеров и пророков?» [4, с. 485]. Полностью согласиться с позицией Р. Нисбета или Дж. Х. Плама трудно, поскольку эти авторы указывают на крайние позиции в отношении к прошлому, склонны давать ему однозначно негативную или позитивную оценку без уточнения вопроса о его неоднозначности. На наш взгляд, культурные практики сохраняются лишь в той степени, в какой они отвечают потребностям людей в настоящий момент. Невозможно удержать то, что не воспринимается как ценное обществом, подобный опыт есть у тех, кто застал поздний Советский Союз; но точно так же не удастся искоренить то, что является ценным для какой-то части социума, примером тому служат религиозные организации. Наряду с этим мир убеждений, культурной памяти или веры в прогресс остается также и пространством для манипуляций и спекуляций, а порой и просто предвзятого отношения. Собственно, и это относится к феноменам культуры, которые живут, пока отвечают чьему-то запросу в обществе.

Подведем итог вышесказанному. Соединение понятия современности с идеей прогресса сталкивается с проблемой расхождения между областью веры в прогресс и собственно прогрессом. Помимо того, оценка современного как прогрессивного и нового сталкивается со сложностями методологического характера: отсутствием надежных инструментов для прогнозирования будущего; преимущественно ретроспективной оценкой тенденций, которые определяют направленность трансформации общества; часто незаметностью медленно идущих изменений культурных практик; оценкой тех или иных феноменов как новых, прогрессивных, современных, во многом связанной с теоретическими установками исследователя.

Понимание современности как востребованности здесь и сейчас, вне зависимости от новизны той или иной культурной практики ее носителями, также может рассматриваться лишь как возможная методологическая позиция, которая позволяет несколько мягче оценивать и сопоставлять многовековые и лишь зарождающиеся феномены в культуре.

Литература

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М. : Эксмо, 2010. – 480 с.
2. Горалик Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. – URL: <http://ec-dejavu.ru/b-2/Barbie.html> (дата доступа: 15.05.2020).
3. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998.
4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
5. Поппер К. Ницета историцизма. – URL: <https://knigogid.ru/books/250525-nischeta-istoricizma/toread/page-7> (дата доступа: 14.05.2020).
6. Фоминых Е. А. К проблеме современности в контексте восприятия исторического времени // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3 (26). – С. 74–80.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. – Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 332 с.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. – Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 382 с.

Elena Aleksandrovna Fominykh,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy,
Culturology and Art History of RSVPU
(Russian State Vocational Pedagogical University) (Yekaterinburg)

Contemporary Time as "Now": in Defense of "Simple" Notions

The article presents the notion of Contemporary time as “now” based on individual experiences of culture demanded by bearers of culture at a moment. An attempt to avoid the connection between such notions as Contemporary time, the idea of progress and novelty is presented. To review the progress is quite difficult because of a gap between the idea of progress and the progress itself. The progress is mostly identified retrospectively, many transformations of society come so slowly, that they rest invisible for a lot of people of the culture. Some other changes can be noticeable, but at the same time, they are not always truly new. Some phenomena could exist in the culture earlier, but later they could be lost and taken as new by other parts of society. The results of historical research can't be used for predicting the future as no relevant methodology exists. Taking some phenomena as new, progressive, contemporary depends on the theoretical position of a researcher, bearer of culture. The presented notion of Contemporary time as “now” can be taken as a methodological position. It can be used to smooth comparison and assess the value of phenomena with a long history and some others just starting their way in culture.

Keywords: Contemporary time/now; progress; the idea of progress; novelty; individual experience; being in demand.

**Бунт Ивана Карамазова как проявление
«негативной диалектики»
в компаративистском сопоставлении философии
Г. Гегеля и Т. Адорно**

Впервые в исследовательской литературе о Ф. М. Достоевском рассматривается влияние литератора на одного из ярчайших идеологов франкфуртской школы социологической мысли Т. Адорно. По мнению авторов, писатель на страницах своего романа «Братья Карамазовы» сформулировал концепт «негативной диалектики» как радикальную антитезу «позитивной диалектике» Г. Гегеля. Исследователи считают, что франкфуртцы лишь «продублировали» основные идеи Достоевского, сформулированные в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы», концептуализировав их до уровня неконформистской социальной философии как альтернативы устоявшемуся универсуму дискурса.

Ключевые слова: франкфуртская школа социологии; негативная диалектика; критика философии Г. Гегеля, неконформистский бунт Ивана Карамазова.

Г. Гегель по праву являлся одним из влиятельнейших мыслителей XIX и XX веков, «владельцем дум» целых поколений философов Европы и России. Благодаря глобальной концепции идеалистической диалектики, у интерпретаторов его философии появилась возможность осуществлять футурологическую прогнозику, ибо законы диалектики, предложенные Г. Гегелем, объективны и неотменимы. Стоит заметить, что грандиозный концепт, который создал представитель немецкой классической философии, мгновенно был использован в политических целях, причем самыми разными, порой антагонистическими, идеологическими направлениями, что, впрочем, не должно смущать подлинных «гегелианцев», для которых закон единства и борьбы противоположностей имеет аксиоматическую сущность.

Задача нашего исследования заключается в попытке интерпретации идей Г. Гегеля в романах Достоевского и философских изысканиях Т. Адорно. Стоит заметить, что два последних мыслителя крайне негативно относились к представителю немецкой классической философии, считая его «конформистскую диалектику» безжалостной и антигуманной социальной утопией, невольными жертвами которой стали сотни миллионов людей. Необходимо отметить, что Достоевский был знаком с философией Г. Гегеля и что она произвела на литератора неизгладимое впечатление. В своей замечательной монографии В. А. Бачинин отметил: «Сохранились сведения, что Достоевский питал неподдельный интерес к гегелевской философии истории и имел желание основательно с ней познакомиться. Так, в письме из Сибири от 22 февраля 1845 года он просил брата Михаила прислать ему вместе с “Критикой чистого разума” Канта также “Философию истории” Гегеля. Просьба сопровождалась весьма многозначительной припиской о том, что с этими книгами Достоевский связывает свои будущие планы» [2, с. 281].

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).

E-mail: Lesev100@mail.ru

** **Евгений Владиславович Ляхин**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).

E-mail: Evgeny102@yandex.ru

В. А. Бачинин рассматривает влияние концепта «расколотого-Я» немецкого мыслителя на некоторые специфические типажи героев романов Достоевского. Бездна шизофренического безумия, воплотившаяся в объемно-панорамном психологическом образе Ивана Карамазова, есть акт прямого влияния теории «разорванного противоречиями сознания» Г. Гегеля. Стоит отметить, что Достоевский практически в каждом крупном романе рисует нам персонажа, мучительно переживающего взаимоисключительность своих волевых импульсов, многослойность раздвоенности своего Я (Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов и т. д.) [8]. Но мы, в отличие от В. А. Бачинина, постараемся в нашей работе более подробно рассмотреть влияние на творчество Достоевского историко-философских взглядов Г. Гегеля. Кроме того, мы попытаемся выявить степень воздействия романов Достоевского на формирование концепта «негативной диалектики» в социальной философии Т. Адорно и всей франкфуртской школы [5].

Обезличенная демонология абсолютного духа есть эманация фотографической фиксации исторического прогресса. Ступенчатое развертывание диалектического развития постулирует примат логики всеобщего над индивидуально-личностным. В рамках исторического развития абсолютный дух воплощается в великом множестве форм: в сфере морали, правовых нормах, религиозных культах, социально-экономических процессах, в поступках великих исторических деятелей. Он выбирает на определенный отрезок времени народ, который лучше всего способен на данном этапе обеспечить более полный процесс самопознания мировым разумом самого себя.

По мнению Гегеля, немецкая нация является этносом, наиболее адекватно воспринимающим всю полноту противоречивой изменчивости абсолютного духа. Немецкий мыслитель считал, что войны, революции, межэтнические конфликты, всевозможные природные катаклизмы – это восходящие грани самопознания мировым разумом самого себя, трагедия индивидуального бытия личности не есть трагедия, а только некая важная ступень к окончательному прекращению динамики исторического процесса, высшей степени осознания свободы. Страдание отдельной личности, превращение ее в средство диалектического развития не есть трагедия, ибо эта жертва является условием окончательного торжества осознания степени свободы в рамках исторического универсума: «Мировой дух не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для работы своего сознания на себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело *engrand*, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты» [3, с. 35–36].

Поразительно, но в философии Г. Гегеля есть всё: логика и ее отрицание, триединство законов диалектики, этическая и правовая проблематика и «окаменелое бесчувствие» отчужденного фиксатора бытия, но в ней нет человека, живой личности, она как бы выведена за рамки глобального универсума его идей. И в этом его радикальнейшее отличие от Достоевского, в романах которого, напротив, нет ничего, кроме внутреннего мира личности и сопутствующих экзистенциалов его существования. После данного схематичного рассмотрения исторических взглядов представителя немецкой классической философии нам хотелось бы увидеть их критические отзвуки в романе Достоевского «Братья Карамазовы», а также выявить влияние данной критики на концепт «негативной диалектики» Т. Адорно [6].

В хрестоматийном диалоге в трактире между Иваном и Алешей проводится прямая параллель с идеей Гегеля о торжестве разума в рамках исторического процесса. Достоевский сознательно синтезирует Бога и гегелевский абсолютный дух, ставит между ними знак равенства. Это ни в коей мере не противоречит концепту

немецкого мыслителя, который называл систему своих идей «философской теологией». Человек так же не в силах познать премудрость Бога, как и премудрость абсолютной идеи, следовательно, все жертвы исторического процесса, весь абсурдный кошмар человеческой жизни не напрасен, а имеет глубокий аксиологический смысл. Каждое погибающее в кровопролитных войнах и революциях поколение, люди, умершие от голода или уничтоженные палачами, являются диалектическими ступенями в процессе построения гармоничного «хрустального муравейника», конформистского принятия катастрофической действительности.

Агностицизм премудрости абсолютного разума заставляет личность принять реальное бытие как единственно возможное, принять идею трагичности существования отдельной личности, ставшей средством прогресса самопознания. Но Иван Карамазов требует от абсолютного духа поименного отчета о каждой погибающей личности, его не устраивают диалектические системы, в которых человек стал обезличенно-анонимен, превращен в материал «возникающих и гибнущих человеческих сил». Иван Карамазов возвращает свой билет Богу из чувства великого сострадания к человеку: «И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [4, с. 223].

В своей статье мы утверждаем, что критика гегелевских идей в «Братьях Карамазовых» повлияла на концепт «негативной диалектики» Т. Адорно. В III части монографии идеолога франкфуртской школы под названием «Мировой дух и естественная история» содержится достаточно острая критика представителя немецкой классической философии. Например, как и Ивана Карамазова, Т. Адорно не устраивает обезличенный пафос гегелевской системы размышлений, оправдывающей трагедии целых поколений людей премудростью абсолютного разума: «Кроме того, после того как гибнет индивидуальность личности, ставшей моментом мирового духа именно потому, что эта личность определила свое время, возникает и сознание, что все было не напрасно» [1, с. 379].

Как и Иван Карамазов, Т. Адорно задает вопрос: способно ли осознание ненеприятности огромного количества жертв диалектики исторического процесса воскресить каждую ушедшую от нас личность? Буквально вторя Достоевскому, представитель франкфуртской школы настаивает на том, что философия Гегеля не видит живого человека, всеобщее всегда превалирует над индивидуально-личным, формируя конструкт универсальной системы «диалектического тоталитаризма», перманентного отчуждения от экзистенции «униженных и оскорбленных». Обезличенное и отвлеченное теоретизирование гегелевской философии заменило сострадание и любовь к ближнему: «Всеобщность, воспроизводящая жизнь, процессы ее сохранения, вместе с тем угрожает самой жизни. Власть и могущество реализующегося общего не есть идентичная сущность индивидуумов в себе (как думал Гегель), она всегда им противоположна» [1, с. 386]. По мнению Достоевского и Т. Адорно, личность не должна быть поглощена всеобщим, человек не должен быть средством социальной эволюции исторического процесса в форме поступательного движения от менее развитых ступеней развития к более развитым, она не должна быть «фортепьянной клавишей» или «винтиком» в огромной социальной машине.

В чем же трагедия Ивана Карамазова? По нашему мнению, в том, что он ощущает страдание других как свое собственное, не поражен духом «окаменелого бесчувствия» и безразличия к окружающей действительности, он не выключен из психотравмирующей реальности. Совсем как Достоевский, Т. Адорно видел в страдании надежду на спасение погибающего человечества. По мнению идеолога франкфуртской школы, равнодушие – латентное убийство другого, именно через равнодушие в умы европейцев проникла идея нацизма: «Тот, кто равнодушен, сам

убивает себя, следуя вульгарному языковому силлогизму убийца – жертва, он должен чувствовать себя приговоренным. <...> В жизни такого человека востребован холод и равнодушие – главные принципы буржуазной субъективности, в противном случае Освенцим был бы невозможен» [1, с. 449].

Идея преодоления «окаменелого бесчувствия», бунта против страдания личности и конформистской «разумной действительности» роднит позиции Достоевского и Т. Адорно в аспекте критики гегелевской философии. Обратим внимание на нервическую эмоциональную окрашенность диалога Алеши и Ивана. Выражать мысли в такой истеричной манере, как Иван, может человек, не безразличный к страданиям других людей, личность, «раненная состраданием»: «Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и не прав» [4, с. 223]. Но пикантность ситуации заключается в том, что Иван одинок, является бунтарем-одиночкой, противопоставленным сотням миллионов безличных конформистов, которые либо просто не ощущают боль экзистенции других людей, либо, ощущая страдание ближнего, делают вид, что ничего не происходит. В своей монографии «Негативная диалектика» Т. Адорно повторяет размышления Ивана Карамазова: «Реальный олицетворенный момент сообщает познанию, что страдания не должно быть, страдание должно превратиться в свое другое» [1, с. 250].

Каким образом осуществляется конформистское обезличивание масс? В концепте Гегеля содержится идеологема, что «все действительное разумно», естественно, что данная фраза не должна быть истолкована слишком прямолинейно. Но представитель немецкой классической философии настаивает на том, что государство является высшей формой самореализации абсолютной идеи в нашем материальном мире, даже тоталитарное государство имеет сакральную ценность: «Следовательно, требуется суждение о том, является ли само государство, и его законы – это *arbitrio* порядок: снимается ответственность перед теми, кто должен жить в государстве, исполняя законы» [1, с. 343]. Государство, перемалывающее миллионы человеческих жизней, делающее средством политического господства целые поколения граждан, имеет сакральную ценность, ибо оно – это эманация Бога. Таков концепт Гегеля. Но Иван Карамазов, как и Г. Адорно, не может принять подобную «разумную действительность».

Герой «Братьев Карамазовых» изумлен «окаменелым бесчувствием» людей, которых всё устраивает, «социальные рабы» довольны и буквально упоены своим бесправием, они испытывают мазохистское наслаждение от того, что политическая элита (дворяне) использует их как инструмент личного обогащения (эксплуатация крестьянства), как «пушечное мясо» в любой войне, словно некий обезличенно-анонимный объект, во всевозможных социально-экономических экспериментах (реформы или контрреформы). Иван задается вопросами: можно ли чувствовать себя счастливым в обществе, где безнаказанно отдают приказ о растерзании собаками маленького ребенка, где одни являются средством для господства других, Бог ли создал этот наполненный страданиями невинных детей мир? Одновременно его изумляет обезличенность индивидов, страх проявить недовольство подобной ситуацией, желание «приспособиться» к подобным «социальным нормам», где «всё действительное разумно», ведь конформизм предполагает реализацию жизненной стратегии «быть как все», не иметь собственных «диссидентских мыслей», терпеть многовековое рабство, страдание и унижение, прикрываемое именем Божиим.

Можно утверждать, что неконформистские эскапады Ивана Карамазова были квинтэссенцией русской социальной темы, трансформировавшейся от «религиозной проблематики» до проектов изменений социоиерархического устройства государства. Многие герои Достоевского не желают мириться с трагической и не-

справедливой реальностью: «Именно на это направлен пафос Гегеля, отдавшего мировому духу единственную действительность, эхо адского смеха на небесах. Мифическое зачатие всеобщим секуляризируется в действительное, бесконечно приспособляющееся к самому себе. Принцип реальности, которому следуют умные головы, чтобы выжить в этом мире, завораживает их злыми чарами; индивиды тем меньше стремятся и способны сбросить его бремя, чем больше оно сокрыто волшебством; принцип реальности они принимают за жизнь» [1, с. 119–120].

Достоевский на страницах романа «Братья Карамазовы» показывает нам персонажа, который пытается преодолеть принцип реальности, ощущая его ложную сущность, но попытка сбросить его бремя не увенчалась успехом. Иван Карамазов, как носитель нонконформистского маркузианского сознания, возвращает свой билет Богу, он не готов смириться со страданием безвинных младенцев и несправедливостью этого мира. Для него сытая жизнь в огромном «хрустальном муравейнике» – это не гедонистический «маршрут величия», а дорога к тотальному рабству личности, смилившейся со своим трагическим положением, с гегелевским тезисом о том, что «всё действительное разумно».

В известном диалоге с Алешей Иван произносит: «Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего – не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [4, с. 214]. Казалось бы, бунт Ивана имеет исключительно религиозный контекст, но нам представляется, что эйдетическая конструкция романа «Братья Карамазовы» значительно сложнее, чем эманация проблемы веры и неверия, борьбы Бога и дьявола в сердцах людей. В рамках подхода франкфуртской школы социологии речь может идти не о Боге – это лишь первый пласт герменевтического анализа, – а о власти, не о религии, а о тотальном метафизическом бунте против устоявшегося социального конструкта. В рамках школы фрейдизма, основные тезисы которой легли в основу политической теории франкфуртцев, восприятие надличностного демиурга, воплотившегося в Боге, можно трактовать как проблему «Эдипова комплекса» в иерархии государства. В интерпретации фрейд-марксистов Бог – это метафизическое воплощение «сверх-Я», трансформировавшегося до уровня политической власти, устанавливающей жестокий морально-этический и правовой императив, выход за пределы которого карается разнообразными санкциями («угрызения совести», «депрессия», «суицидальные мысли», «тюремное заключение» и т. д.). Некоторые наиболее импозантные персонажи «русского Данте», такие как Кириллов или Иван Карамазов, пытаются поставить себя на место Бога, провозглашая через этот акт анархического своеволия наступление эпохи метафизических и социальных революций.

По мнению Т. Адорно, Гегель является непревзойденным апологетом конформизма, который в философии немецкого классика принял эстетическо-поэтизированные черты: «Естественно-историческая норма приспособления, с которой с мудростью завсегдатая пивной согласен и Гегель, гласит: нужно обломать себе рога; вот схема мирового духа проклятия общим, совершенно такая же, как и у Гегеля» [1, с. 431]. Иван Карамазов не желает приспособляться к подобной «разумной действительности» («обломать себе рога» в терминологии Т. Адорно). Но его трагедия имеет многоаспектную сущность. У него нет единомышленников, обличающих несправедливость этого мира, он один в этом отчуждении от психотравмирующей реальности. Экзистенция в состоянии отчаяния, жизнь в не своем мире «окаменелого бесчувствия» – тяжелейшая и непереносимая пытка для его внутреннего мира. В конце романа Иван сходит с ума – таковы

последствия неконформистского индивидуалистического бунта против мира страданий и слез.

Стоит отметить, что в рамках франкфуртской школы был сконструирован альтернативный гегелевской диалектике концепт, далеким предтечей которого можно с полной уверенностью назвать Достоевского. Речь может идти о двух противоположных друг другу проектах глобального мироустройства: конформистско-консервативной «положительной диалектике» Гегеля и радикально антагонистичной ей «негативной диалектике» Достоевского, Т. Адорно и Г. Маркузе.

По мнению франкфуртцев, представитель немецкой классической философии допустил фундаментальную ошибку, сделав всемирную историю ареной трагедий, несправедливости, угнетения и отчуждения. Идея «снятия» противоречия есть акт конформистского синтеза апокалиптической действительности и протестующего против такого положения вещей Я-концепта личности. Напротив, по мысли франкфуртцев, противоречие не нуждается в таком «снятии», невозможно синтезировать (примирить) зло и добро без искусственной подтасовки наличествующих фактов: «Гегель искажает сам порядок вещей, утверждая тождество, которое допускает существование нетождественного – правда, в качестве необходимо отрицательного, и недооценивает негативность, отрицательность всеобщего» [1, с. 394].

Когда Иван Карамазов возвращал свой билет всесильному Богу, он абсолютизировал именно «негативную диалектику», отрицающую весь универсум дискурса, все миропроектное устройство. В сознании этого героя невозможно «примирить» мать разорванного собаками ребеночка и генерала-мучителя, недовольного тем, что мальчик подбил ногу его любимой борзой. Для Достоевского позитивная диалектика Гегеля, примеряющая все многообразные формы антагонистических противоречий, есть ложная модель мышления. В этой критике апологетики наличествующих форм социального устройства он сближается и с Г. Маркузе, который видел в идее тотального отрицания без «снятия» (синтеза) главный закон бурной диалектики исторического процесса [7]. По мнению франкфуртцев, конформизм всегда в стратегической перспективе приводит к нацизму, а потому Иван Карамазов гораздо больший диалектик, чем сам Гегель, утверждающий, что «всё действительное разумно»: «Освобождающая функция отрицания в философском мышлении зависит от признания, что отрицание есть положительный акт» [9, с. 144].

Таким образом, Достоевского мы можем позиционировать как одного из ярчайших предшественников франкфуртской школы социологической мысли. Русский литератор задолго до исследований Т. Адорно и Г. Маркузе на страницах своих романов предложил читающей публике концепт «негативной диалектики», радикально противопоставленной консервативно-конформистской философии Гегеля. По нашему мнению, франкфуртцы лишь перевели на язык социальной философии тот уникальный неконформистский импульс Достоевского, который столь громогласно прозвучал в романе «Братья Карамазовы». Возможно, «негативная диалектика» «русского Данте» является удачной альтернативой устоявшемуся универсуму дискурса.

Литература

1. Адорно Т. Негативная диалектика. – М. : АСТ, 2014. – 511 с.
2. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения : в IX т. – Т.VIII. – М.- Л. : Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 468 с.

4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. – Т. 14: Братья Карамазовы : роман : в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – Л. : Наука. Ленингр. отд.-ние, 1976. – 511 с.
5. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Вологда : Маркер, 2017. – С. 126–127.
6. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 116–122.
7. Лесевицкий А. В. «Одномерный человек» как философская проблема творчества Г. Маркузе и Ф. М. Достоевского // Антро. – 2013. – № 1 (12). – С. 114–132.
8. Лесевицкий А. В. «Расколотое Я» Ивана Карамазова: диалектика разговора с чертом // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4-3 (44). – С. 33–41.
9. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. – М. : АСТ, 2011. – 382 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines,
Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm)

The Rebellion of Ivan Karamazov as a Manifestation of «Negative Dialectics» in a Comparative Juxtaposition of the Philosophy of G. Hegel and T. Adorno

The paper considers the impact of F. M. Dostoevsky on one of the brightest ideologists of the Frankfurt school of sociological thought T. Adorno for the first time in the research literature. According to the authors, on the pages of his novel *The Brothers Karamazov* the writer formulated the concept of "negative dialectics" as a radical antithesis of the "positive dialectics" of Hegel. Researchers believe that the frankfurters only "duplicated" the main ideas of Dostoevsky, formulated in the Chapter "Rebel" of the novel "The Brothers Karamazov", conceptualizing them to the level of nonconformist social philosophy as an alternative to the established universe of discourse.

Keywords: Frankfurt school of sociology; negative dialectics; criticism of G. Hegel's philosophy; nonconformist rebellion of Ivan Karamazov.

Принцип коллажирования как один из приемов создания танца постфолк

В предлагаемой статье предпринимается попытка осмысления приемов создания современного хореографического спектакля на основе танца постфолк. В частности, на основе анализа некоторых произведений современных авторов рассматриваются возможности принципа коллажирования.

Ключевые слова: постмодернизм; современная хореографическая культура; современный танец; танец постфолк; коллажирование.

Обращение к фольклору – постоянно действующая установка профессионального искусства, где обретение нового телесного опыта может быть как целью, так и средством для создания нового пластического языка. Так, чрезвычайный интерес к подлинному фольклорному танцу обнаруживается в период второй половины XX – начала XXI в., который принято определять как постмодернистский в развитии общества, культуры, в частности художественной культуры. Многие исследователи (в т. ч. Н. Б. Маньковская, И. П. Ильин) отождествляют этот период с эпохой «усталой, “энтропийной” культуры, отмеченной эсхатологическими настроениями, эстетическими мутациями, диффузией больших стилей» [13, с. 21]. Одновременно подчеркивается иронично-игровой характер постмодернизма, в котором ревизии и переоценке подлежит весь прошлый художественный опыт. «Авангардистской установке на новизну противостоит здесь стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования и реинтерпретации» [7]. В то же время «одновременность разновременного стала новым естеством» [7]. Идеи деконструкции, которыми одержимы хореографы-постмодернисты, позволили создавать интердисциплинарные хореографические формы, ломающие привычные, традиционные движенческие модели.

Все это порождает «избыточность художественных средств и приемов постмодернистского искусства, художественный “фристайл”, цитатность, центонность, полистилистику» [13, с. 20]. Такие методы в создании художественного произведения характерны и для современного танца (contemporary dance): современной, концептуальной формы сценического танца, появление которого в середине 1970-х гг. совпадает с активным утверждением постмодернизма в искусстве.

Стоит напомнить, что современный танец (contemporary dance) – танцевальное направление, сформировавшееся на основе американского и европейского танца модерн (modern dance) и танца постмодерн (postmodern dance) и ориентированное на постоянный процесс компиляции, склейки, «коллажирования», трансформаций более ранних танцевальных направлений, где движение рассматривается как средство выражения особых состояний человека. По мнению исследователя Н. В. Курюмовой, танец «contemporary (со-временем) – акцентирует тенденцию на темпоральность, погруженность человеческого тела в ощущения настоящего» [10], он провозглашает себя «искусством концептуальным, нонконформистским, нацеленным на постоянный поиск и воплощение новых и актуальных смыслов» [9, с. 565]. Танцевальный драматург, хореограф и исследователь танца Т. В. Гордеева

* Анна Сергеевна Полякова, старший преподаватель факультета современного танца, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: postfolkdance@gmail.com

отмечает, что современный танец «вариативен, чуток к изменениям в культурной жизни общества, не укладывается в исторический нарратив» [6, с. 60–74]. А исследователь танца В. Ю. Никитин отмечает: «Contemporary dance – это микст, коллаж, соединение всего со всем. Именно это – соединение различных стилей и направлений, их мирное сосуществование и определяет эстетическую парадигму contemporary dance» [14].

Интерес к изучению процессов включения элементов фолк в технику современного танца в российском танцевальном сообществе возник еще на рубеже 2000-х годов [1; 4; 5]. Эту тему обсуждали на различных фестивалях, конференциях и круглых столах, где данный метод работы обозначали как «синтез». Так, по мнению исследователя Ю. А. Кондратенко, в конце XX века культура «может себе позволить оглянуться назад и осознать основные аспекты своего бытия», как бы синтезировать их. При этом автор утверждает, что в основе синтеза лежит принцип фрагментарности, «понимаемый в постмодерне достаточно широко, с одной стороны – как утрата идентичности и законченности, а с другой – как размытость текста в пространстве и во времени» [8, с. 16]. А Е. В. Васенина также полагает, что «значение синтеза аутентичных и современных форм танца для развития искусства танца в целом, для стремительно развивающегося мира трудно переоценить» [2, с. 9], и данный метод она связывает с возможностью выявления уникального авторского почерка современного хореографа. С. В. Устьяхин, размышляя о синтезе, утверждает, что данный прием взаимодействия современных форм танца и фольклорного танца «понимается как соединение двух и более художественно самостоятельных систем, среди которых одна выступает как доминанта-интегратор качественно нового синтетического целого» [16, с. 133]. Опираясь на данный тезис, автор рассматривает творчество зарубежных хореографов (Ф. Дарсоу – синтезирующего танец модерн, contemporary dance и фламенко; Р. Лемона – сочетающего в своих работах постмодернистскую лексику и элементы африканского танца и пр.) и акцентирует синтетичность этих работ.

Мы же считаем, что понятие «синтез» невозможно употреблять в рассматриваемом контексте. Ведь метод синтеза предполагает органичное соединение художественных средств различных видов искусства «при создании цельного произведения (или ансамбля) – с единой системой художественной образности, объединенного общностью замысла, стиля, исполнения» [12]. Следуя принципам эпохи постмодерна, современный танец в работе с фольклором кладет в основу принцип фрагментарности, приемы намеренного сочетания несочетаемого, «коллажирование», механизмы деконструкции. То есть процессы, несовместимые с синтезом. Современный танец ориентирован на постоянный эксперимент с движением и пространством (к примеру, тема взаимодействия разных культурных миров воплощена через сочетание движений современного танца и элементов традиционных испанских танцев в авторском пластическом почерке хореографа Сиди Ларби Шеркауи – спектакле «Dunas»), поиск новых, порой случайных композиционных совпадений/несовпадений (метод случайности М. Каннингема), обнаружении выразительности жеста (к примеру, опыт соединения техники современного танца, пантомимы и национальных традиций в творчестве французских мимов Этьена Декру и Марселя Марсо). Как отмечает немецкий театровед и историк Ханс-Тис Леман, «синтез отменен <...> с ним специально борются <...> внутри постдраматического театра бесспорно уже содержится требование открытого и разделенного на фрагменты восприятия, которое могло бы прийти на смену восприятию единообразному и закрытому <...> синтезом жертвуют, чтобы получить вместо него искомую “плотность” интенсивных элементов» [11, с. 129–130]. Симультаный характер современного танца не допускает процесса органичного объединения отдельных элементов и целостных движенических структур. Скорее

это принцип «коллажирования», склейки отдельных, порой несоединимых элементов.

Существуют различные точки зрения на то, как следует называть современный танец с элементами фольклора, или, как часто сегодня его обозначают, фолка: «этно-модерн», «этнос», «стилизация», «неофолк». Мы предлагаем ввести термин «танец постфолк» как определенную разновидность направления современного танца и, одновременно, как следующий этап профессионализации народного танца. Термин «танец постфолк» употребим только в том случае, когда в движенческих паттернах современного танца присутствуют элементы фольклора не в качестве декоративно-орнаментальной окраски (как внешняя схожесть с некой «народностью»), т. е. не как некая стилевая экзотика, а как важный структурный элемент, который придает произведению качества витальности и образной выразительности, изобилует разнообразием, темпераментом; вносит в композиционные решения принципы вариативности (отчего композиция приобретает более четкие формы и становится понятнее зрителю). При этом, основываясь на методе «коллажирования», включенные в движенческую модель элементы народного танца могут быть взяты из разных этнических культур (заметим, что подобное соединение, разумеется, невозможно в традиционной танцевальной культуре, а также при стилизации народного танца).

«Танец постфолк» не только расширяет смысловые и телесно-пространственные структуры современного танца, наполняя их энергией, силой, жизнеспособностью, не только «снимает» негативный оттенок понятия «пост», но и актуализирует, делает более созвучными современности фольклорные элементы. И становится для современного человека каналом связи с культурным прошлым и природой, помогая, хотя бы на время, уйти от состояния «клиповости» в восприятии, чувствования мира как хаоса (присущих постмодернистской чувствительности) и обрести себя, свою идентичность. Вводимый нами термин «танец постфолк» позволит более четко отделить явления постмодернистской хореографии в ее взаимодействии с фольклорным танцем.

Как уже было сказано ранее, основополагающими методами танца постфолк следует считать «коллажирование», «деконструкцию», «намеренное сочетание несочетаемого», которые не только работают на моделирование танцевальной лексики, но и в целом влияют на формообразование спектакля. Вообще, эти средства и приемы невозможно отнести к традиционным методам, ведь многие из них сформировались только в XX веке в различных видах искусства и были заимствованы и адаптированы для хореографического искусства. Предпримем попытку рассмотрения одного из них – приема коллажирования, в том числе определив его значение для направления «танец постфолк».

Коллаж (фр. *collage*, буквально – наклеивание) получил свое распространение в искусстве XX века как техника создания картин или любого другого графического произведения путем соединения различных плоских (фрагментов газет, цветной бумаги, тканей) и объемных (фрагменты дерева, металла, веревок) материалов. Введенный еще представителями кубизма, а затем воспринятый футуристами и сюрреалистами для систематизации художественных практик, данный прием определяется как «сочетание двух разнородных элементов или материалов или же произведений искусства и реальных предметов» [15, с. 144]. Коллаж позволил изменить привычные границы между жанрами искусства, а также границы художественного высказывания, превратив в искусство саму жизнь (яркий пример – перформативное искусство). Также важную роль в укреплении данного приема сыграли комиксы со своей конструкцией, в которой объединено и чередуется большое количество сюжетных картинок, создающих определенное настроение и

имеющих единую смысловую основу. Несомненно, значительное влияние оказала и индустрия рекламы, где необходимая информация сокращается до предела.

Формообразующий прием коллажирования является отражением общей тенденции ускорения жизненных ритмов, связанных с процессами урбанизации и глобализации. Мгновенность потребления информации, как бы вскользь и между прочим, провоцирует поверхностное ее восприятие и осмысление современным человеком. Современная хореографическая культура не стала исключением. Таким же образом и складываются многие ее произведения, где лаконичность форм и объемов, а в некоторых случаях эскизность становятся художественной необходимостью.

Коллаж определяется как «игра с означающими произведения, т. е. с его материальной формой» [15, с. 144], в которой применение неожиданных материалов порой нарушает порядок или логику, создавая эмоциональную насыщенность и накал. В частности, прием коллажирования наблюдается не только при создании постфолковой танцевальной лексики, но и в построении структуры спектакля в целом. К примеру, при создании лексического модуля хореографа, иронично играя, прибегают к сочетанию и соединению разнородных по своей сути танцевальных структур: современного танца и элементов фольклорного танца. Технологически это может выглядеть так: различные характерные наклоны корпуса с руками «подбоченясь» и *fall*¹, «веревочка»² и *flat step*³, *brash*⁴, широкие шаги с каблука и *step ball change*⁵, *drop*⁶ и пр. При соединении двух систем «телесного мышления» меняется и состояние исполнителя, создаются новые художественные образы, формируется новый танцевальный язык. Хореографы, причудливо соединяя разные элементы и движения, словно забавляются, обращаясь к случайным мотивам и компонентам. И первичным в этом процессе является идейно-смысловой контекст – желание обратиться к истокам, корневой культуре, а уже после подключается технологический аспект, где привычная лексика искусно трансформируется. Танец постфолк выступает как связь – момент коммуникации с глубинными пластами культуры. А в качестве формообразующего принципа создания спектакля прием коллажирования используется зачастую как череда сменяющих друг друга эпизодов, сцен, которые намекают на различные обстоятельства и моменты. Зритель сам извлекает ту информацию, которая в данный миг интересует и волнует его.

К примеру, в спектакле «Мера тел» (2014) екатеринбургского театра «Провинциальные танцы», созданном в сотрудничестве с инженерным театром «АХЕ» (С.-Петербург), идейно-смысловым импульсом стал знаменитый рассказ Д. И. Менделеева о создании периодической системы химических элементов. Химические процессы словно пронизывают и заряжают все танцевальное полотно, где, в частности, в движениеские структуры включены не только танцевальные элементы славянского происхождения, но и многочисленные ритуальные мотивы, и жесты в духе «Весны священной». Это соединение придает соответствующим

¹ *Fall* – (с англ. яз. *падение*) – любые виды, наиболее распространенное падение с зависанием.

² «Веревочка» – подъем одной ноги вдоль другой спереди и перевод ее скольжением ступней по опорной ноге назад. Исполнитель, поочередно переводя одну, затем другую ногу назад, как бы плетет «веревочку», усложняя ударом полупальцами или всей ступней, подскоком, переступаниями, прыжком, поворотом и т. д. Встречается во многих народных танцах: русских, украинских, венгерских, румынских и т. д.

³ *Flat step* – шаг, при котором вся стопа одновременно ставится на пол.

⁴ *Brash* – (с англ. яз. *щетка*) – скольжение или мазок всей стопой по полу, перед открыванием ноги в воздух или закрытии в позицию.

⁵ *Step ball change* – переступание (синоним *pas de bourrée*).

⁶ *Drop* – (с англ. яз. *сброс*) – падение с вытянутых позиций, резкое сбрасывание. Возможно, разными частями тела изолированно.

эпизодам особую яркость и энергию, воплощенную в ритмизованных и остигнутых коллективных комбинациях. Авторы создают «гремучую смесь из исследований, опытов и языческих ритуалов, мешая ее в родной для себя эстетике, где ингредиентами выступают архаика, миф и сновидения. Тело становится медиумом для передачи, на первый взгляд, далеко не близкой искусству и танцу информации» [17].

А в спектакле «Восемь русских песен» (1992) пермского хореографа Евгения Панфилова (1955–2002) осуществляется, как писал сам автор, «попытка обнажить мощную суть русской песни в буквальном смысле слова. Вынуть истинно вольную, мятущуюся русскую душу из ее лакированно-эстрадной упаковки в стиле “а-ля-рюс”» [3]. В данном спектакле опору на традиции и смелые художественные идеи, выраженные в направлении «танец постфолк», хореограф использовал как прием создания определенного художественного образа и всего спектакля в целом. Отправной точкой в создании работы явились восемь русских песен в исполнении Ивана Суржикова – талантливого советского и российского певца, исполнителя русских народных песен. Природный широкий диапазон тенора, умеющего исполнять песни со свойственной ему душевностью и в то же время залихватской удалью, позволили хореографу Е. Панфилову искусно передать многоголосную стихию русского народа. Песни выстроены по принципу контраста и в то же время эмоционально нарастают от протяжных и напевных к лихим и искрометно-удалым и вновь к душевно-пронзительным: «Ой вы, кони мои кони», «Златые горы», «Ухарь-купец», «Хуторок», «Коробейники», «Вдоль по улице метелица метет», «Из-под дуба, из-под вяза», «Шумел камыш». Лирическая утонченность и резкий эксцентризм, лихое веселье и неизбывная вековая тоска, абсолютная естественность, духовная гармония и разлом души в пропасти отчаяния – всё это парадоксально сочетается в музыкальном ряде и воплощается невербально хореографом. Несмотря на отсутствие фабулы в целом, каждая песня и ее хореографическое воплощение повествуют о своей истории. Вообще, лексический модуль спектакля очень насыщен и основан на принципе коллажирования: движения ног по типу «ковырялочки» и «подбивки»; прыжки; широкие шаги с пятки; сокращенные стопы в положении ног аттитюд; прыжки по типу кабриолей и перекидных, жете антурнан; присядки мастерски вплетены в структуру современного танца. Органичное сплетение фольклорного танца и движенических структур современного танца придает спектаклю изящество и самобытность, а также позволяет глубже проникнуться сутью национального характера. «Восемь русских песен» охватывают разные аспекты бытия русского человека. Само танцевальное полотно не имеет какого-то четкого сюжета, это не столько действие, сколько ряд живописных кадров-картинок в духе росписей Палеха, напоминающих яркий коллаж: каждая «картинка», соответствующая продолжительности той или иной песни, яркая, живая, самобытная; сюжеты, взятые из повседневной жизни, быта, мифов, сказок и былин, свойственны как палехской миниатюре, так и русским народным песням. Это спектакль о духе смелости, свободы, отчаяния и вселенской любви.

Ценность постфолковых спектаклей, построенных по принципу коллажирования, заключается в том, что, пересматривая их и в дальнейшем, каждый открывает для себя возможность выделять совершенно иные событийные пласты. Такие произведения можно наблюдать бесконечное количество раз, при этом ощущая новизну. А хореографам – авторам этих произведений использование данного приема позволяет не только обогащать свой индивидуальный пластический язык, делая его еще более узнаваемым, но и быть в духе времени. Вышеизложенное доказывает мысль, что танец постфолк является важной частью современного хореографического искусства, где создание новых форм хореографических произве-

дений выступает как своего рода рефлексия на быстроменяющиеся жизненные ритмы, в которых порой нет места чему-то чувственному, подлинному.

Литература

1. Международный фестиваль современного танца «Other vision» : буклет. – Волгоград : Центр современной хореографии, 2001.
2. Васенина Е. В. К вопросу синтеза аутентичных и современных форм танца // Arts Academy. – 2019. – № 2 (11).
3. «Восемь русских песен», аннотация к спектаклю // Балет Евгения Панфилова. – URL: <http://www.balletpanfilov.ru/repertuar/balet-evgeniya-panfilova/vosem-russkikh-pesen/> (дата обращения: 01.12.2019).
4. Гиглаури В. Т. Как я понимаю модерн // Танцевальный Клондайк. – М., 2000. – Вып. 2.
5. Голос художника: проблема синтеза в современной хореографии : материалы Международной конференции (октябрь 1999 г.) / ред. М. Мойжес. – Волгоград : Центр современной хореографии, 1999.
6. Гордеева Т. В. Возникновение культурного мира отечественного современного танца // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. – СПб., 2018. – № 3 (56).
7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/iliin/?curPos=12> (дата обращения: 10.02.2017).
8. Кондратенко Ю. А. Синтез в хореографическом искусстве эпохи постмодерна // Международная конференция «Голос художника : проблема синтеза в современной хореографии» (окт. 1999 г.) / ред. М. Мойжес. – Волгоград : Центр современной хореографии, 1999.
9. Курюмова Н. В. Современный танец // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2016.
10. Курюмова Н. В. Современный танец как культурный микрокосм: телесные модели на рубеже модернистской / постмодернистской культур // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 1 (4). – URL: <http://elibrary.ru/download/25011117.pdf>
11. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. – М. : ABCdesign, 2013.
12. Лисаковский И. Н. Художественная культура : термины, понятия, значения : словарь-справочник. – М. : РАГС, 2002. – 240 с. : ил.
13. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб. : Алетейя, 2000.
14. Никитин В. Ю. Современный танец или contemporary dance? // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremnyy-tanets-ili-contemporary-dance> (дата обращения: 13.11.2019).
15. Пави П. Словарь театра : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1991.
16. Устьяхин С. В. Феномен фолк-модерн танца в современной хореографии : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Сергей Владимирович Устьяхин. – Саранск, 1996.
17. Чигина Е. Химические реакции // Петербургский театральный журнал. – 05.04.2016.

Anna Sergeevna Polyakova,

Senior Teacher of Contemporary Dance Faculty,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Principle of Collage as One of the Techniques for Creating a Post-Folk Dance

In this article, the author attempted to comprehend the techniques of creating a modern choreographic performance based on post-folk dance. In particular, based on the analysis of some works by contemporary authors, the possibilities of the principle of collage were considered.

Keywords: postmodern; modern choreographic culture; contemporary dance; post-folk dance; collage.

Каритативная философия в традиционных боевых искусствах Японии

Статья посвящена анализу традиционных боевых искусств Японии как социокультурного детерминанта каритативной (миролюбивой) деятельности. Боевые искусства рассматриваются автором как система духовных ценностей, которая функционирует в специфических, неоднородных условиях. С одной стороны, автор анализирует преемственность боевого, воинского духа и традиций, которые присущи японским боевым искусствам. С другой – учитываются обстоятельства, адаптирующие традиционные боевые искусства под современные реалии, где последние существуют в проблемном поле светского гуманизма. Актуальным является исследование философских, социальных, культурных и религиозных детерминантов, мотивов, активизирующих идею каритативных поступков у определенного круга субъектов – последователей того или иного боевого искусства. Анализируются основные принципы гуманизма и каритативности, применяемые в современных школах традиционных боевых искусств Японии.

Ключевые слова: каритативная деятельность; традиционные боевые искусства; будо.

Мысли о пожертвовании, самоотдаче, помощи ближнему, обобщенные каритативной (от лат. *caritas* – любовь, привязанность, забота) идеей, возникли у человека в процессе эволюции и продолжают эволюционировать по сей день. Сегодня невозможно представить мир, в котором бы люди не взаимодействовали друг с другом, основываясь, прежде всего, на принципах благосклонности и человеколюбия. Обособленно существует отдельный вид межличностной коммуникации – традиционные боевые искусства, которые, на первый взгляд, не подчиняются общим законам гуманизма, однако по своей сути являются подлинным выражением альтруизма и самоотверженности.

Среди современных общемировых проблем человечества особо выделяется духовно-нравственный кризис личности в обществе [3, с. 136]. Феномен каритативности традиционных боевых искусств наследуется и передается ученикам мастерами и наставниками, формируя у них систему материальных, культурных и духовных ценностей, в основании которых стоит незыблемое верховенство человеческой жизни как высшей ценности. Важно, что подростковый возраст, возраст наибольшего числа последователей традиционных боевых искусств, оптимален для формирования нравственно-этических качеств, среди которых постулат важности каритативной деятельности занимает ведущее место.

Традиционные боевые искусства Японии – будо (*боевые пути*) создавались как наиболее продуктивные способы и средства ведения боя классически, были доступны особой касте воинов – самураям. Именно самураи, несмотря на жестокое время междоусобных японских войн, первые письменно закрепили массовое следование каритативным традициям. Одним из фундаментальных документов, описывающих высшую благодетельность воинов, является сборник «Хагакурэ», идеи которого успешно пропагандируются сегодня во многих школах традиционных японских боевых искусств.

«Хагакурэ» – это письменный сборник, состоящий из дошедших до наших дней одиннадцати книг, идеи которых базируются на основополагающем труде

* Иван Александрович Семенов, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России (г. Владимир).
E-mail: iasemenov@list.ru

Сунь-Цзы «Искусство войны», а также на фундаментальных идеях конфуцианства, впитав себя принципы его столпов: разум, человечность и смелость. Формируя морально-ценностные ориентиры, «Хагакурэ» служил комплексным наставлением последователям будо-традиций, японским войнам. К наиболее общим каритативным идеям, изложенным в «Хагакурэ» можно отнести следующие [4, с. 19–267].

1. Следование концепции сострадания. «Хагакурэ» говорит: «Если же сострадание живет в сердце человека, он не будет конфликтовать с другими»; «Важно правильно поступать и относиться к людям с состраданием»; «Воин не может быть слугой, если он не проявляет смелость вовне и не таит в сердце столько сострадания, что оно готово разорвать грудь». Мы видим, что сострадание, как фундаментальная идея каритативной концепции, в «Хагакурэ» ставится на первое место, именно поэтому рецепция данного правила очень актуальна в боевых искусствах сегодня.

2. Великодушие. В «Хагакурэ» великодушие отмечается как главная благодетель, присущая сильной стороне коммуникативного взаимодействия: «Нет ничего достойнее, нежели управлять страной великодушно». Термин «великодушие» употребляется во многих частях текста, описывая сюзеренно-вассальные отношения господина и самурая, отношения супруг – супруга, высших и низших сановников. В современных боевых искусствах принцип «великодушия» нашел свое отношение: в межличностной коммуникации тренера-преподавателя и ученика; связь айтэ (японский: 相手) – партнер, дословно – дружеская рука)) между учениками; в ранговой системе поясов, отражающих личный прогресс последователя того или иного японского боевого искусства.

3. Скромность в традиционных боевых искусствах Японии исторически воспринимается как неотъемлемая часть целомудренного воспитания мужчины. «Люди похвалят человека, который сделал небольшое добро, если он известен своей скромностью», – говорится в наставлении. Заимствование данной традиции – составляющая часть основ боевых искусств современности.

Особого внимания с позиции религиозного аспекта каритативной философии боевых искусств Японии заслуживает тот факт, что на территории Японии одним из традиционных, старейших, уважаемых религиозных течений является синтоизм. Синтоизм – политеистическая религия, столпы которой покоятся на принципах духовного благоденствия, гармонии и мира с ближними. Каритативная деятельность, в представлении последователей синтоизма, заключается, прежде всего, в максимальной самоотдаче и помощи ближнему, угождении окружающим.

Этика синтоизма центрируется вокруг развития добросердечия, взаимной вежливости и сочувствия к ближнему, ставя на ведущие позиции способность человека взаимодействовать с окружающими. То, что нарушает установленный социальный порядок, мешает служению kami (безгрешному и благодатному существованию человека) и гармонии в мире, является, по мнению последователей синтоизма, злом. Именно поэтому традиционные боевые искусства, с присущими им принципами «начала и окончания уважением» [2, с. 50], являются доминантами большинства систем развития духовности. В основе этики боевых искусств лежит стремление к сохранению правды и справедливости, сохранению определенного порядка вещей реальности без разрушения их [1, с. 314], что, несомненно, является квинтэссенцией каритативного начала боевых искусств.

В настоящее время традиционные боевые искусства Японии – это специфическое культмассовое явление, которое сочетает в себе не только комплексную систему физических упражнений, но и целостный духовно-нравственный стержень, который наследуется молодыми последователями от мастеров-учителей, что обеспечивает прямую взаимосвязь прошлого с будущим посредством передачи традиций через учеников. Именно идея духовной преемственности, нравственно-

го наследия отличает философию традиционных боевых искусств Востока от европейских единоборств, где приоритетом является не духовно-нравственное развитие, подкрепленное комплексными приемами самообороны, а «минимум гуманизма – максимум эффективности» в борьбе с соперником.

Многие современные школы традиционных боевых искусств Японии в своих наставлениях схожи в определении постулатов гуманизма и каритативности, возводя их в принципы:

- уважения и помощи ближнему;
- самосовершенствования и самоотдачи;
- миролюбия и благоденствия, а также многих иных важных составляющих гармоничного духовно-нравственного развития полноценной личности.

Каритативная философия в традиционных боевых искусствах Японии подразумевает духовное совершенствование последователей, эволюцию нравственности и гуманизма, развитие высших человеческих ценностей. Именно поэтому традиционные боевые искусства Японии сегодня – это не просто драка и жестокое хобби, а комплексное социально-духовное, воспитательно-просветительское движение, проповедующие каритативные цели и ставящие перед собой задачу духовного и нравственного воспитания молодежи, пропаганду дисциплины, самопожертвования и добродетели.

Литература

1. Савицкий А. Н. Этические основания боевых искусств как средство совершенствования человека в его духовной, интеллектуальной и телесной целостности // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 6. – С. 314–320.
2. Фунакоши Г. Каратэ-До. Ньюмон (20 заповедей каратэ). – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 160 с.
3. Юсупов Р. Р., Тагиров Э. Р. Глобализация: путь к экологическому коллапсу? (Штрихи к итогам года экологии в России) // Конфликтология. – 2013. – № 3. – С. 136–139.
4. Ямамото Ц. Хагакурэ. Сокрытое в листве // Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. – М. : Эксмо, 2007. – С. 19–267.

Ivan Aleksandrovich Semenov,

Lecturer, Department of Human and Socio-Economic Disciplines,
Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia (Vladimir)

Caritative Philosophy in Japan's Traditional Martial Arts

The article is devoted to the analysis of traditional martial arts of Japan as a socio-cultural determinant of caritative (peace-loving) activity. Martial arts are considered by the author as a system of spiritual values that functions in specific, heterogeneous conditions. On the one hand, the author analyzes the continuity of the fighting, military spirit, and traditions that are inherent in Japanese martial arts. On the other hand, circumstances are taken into account that adapt traditional martial arts to modern realities, where the latter exist in the problem field of secular humanism. It is relevant to study philosophical, social, cultural, and religious determinants, motives, activating the idea of committing acts in a certain circle of subjects – followers of a particular martial art. The basic principles of humanism and spiritual generosity ("caritivity") applied in modern schools of traditional martial arts of Japan are analyzed.

Keywords: caritative activity; traditional martial arts; budo; Hagakure; self-improvement; morality.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Развитие образования в области прав человека: международные стандарты и национальный опыт (по итогам участия в Форуме в Туркменистане)

Форум «Образование в области прав человека», организованный Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ) и ПРООН в Туркменистане в сотрудничестве с Институтом государства, права и демократии, состоялся 9–10 декабря 2019 г. в г. Ашхабаде. Автор статьи приняла участие в форуме по приглашению Регионального отделения УВКПЧ в Центральной Азии и Консорциума российских университетов, действующего при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России.

Главной целью Форума явилось предоставление возможности подчеркнуть приверженность Всемирной программе образования в области прав человека в современном регионе Восточной Европы и Центральной Азии в достижении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., а также познакомиться с опытом в имплементации Плана действий Всемирной программы в регионах и определить конкретные шаги по имплементации Плана действий Четвертого этапа на период 2020–2024 гг.

Программа Форума включала несколько сессий, в том числе: 1) образование в области прав человека (далее – ООПЧ), 2) права человека как основа для обеспечения устойчивого развития, не оставляя никого позади, 3) обзор международной практики в осуществлении ООПЧ, 4) программы профессиональной подготовки в области прав человека, 5) план действий Четвертого этапа Всемирной программы.

Туркменистан – это второе по занимаемой площади государство Центрально-Азиатского региона, имеющее общую границу с Афганистаном, Исламской Республикой Иран, Казахстаном, Узбекистаном и граничащее с другими странами по акватории Каспийского моря. В октябре 1991 г. страна провозгласила государственную независимость, в марте 1992 г. стала полноправным членом ООН. 12 декабря 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию «О статусе постоянного нейтралитета Туркменистана», ставшую ключевым принципом национальной и внешней политики государства. За 20 лет плодотворного сотрудничества с Правительством этой страны ПРООН содействовала реализации комплексных природоохранных предприятий, направленных на ослабление и преодоление негативных последствий изменения климата; поддерживает программы, направленные на обеспечение человеческого развития и формирование инклюзивного общества; способствует демократизации общества и созданию благоприятных экономических возможностей для всех социальных групп населения. Страновая программа сотрудничества с ПРООН на 2016–2020 гг. была направлена на последовательный переход от отношений в формате донор – получатель к полноправному партнерству, нацеленному на поддержание достигнутого экономического роста и содействие устойчивому развитию в целях дальнейшего оздоровления и благополучия общества. ПРООН оказывает постоянную помощь и поддержку в процессе адаптации Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) ООН в Туркменистане, в том числе в процессе национальных консультаций по вопросам

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, председатель СРО РАПН (г. Екатеринбург).

ЦУР, применению комплексного подхода в достижении показателей и индикаторов ЦУР; ПРООН поддерживает национальные учреждения в определении приоритетных областей, сотрудничает с государственными органами и институтами гражданского общества.

Туркменистан является участником 14 основных договоров и протоколов по правам человека, однако договорные органы ООН рекомендуют данной стране продолжать укреплять выполнение своих международных обязательств в области прав человека. ПРООН совместно с УВКПЧ ООН, при поддержке Европейского союза, оказывают содействие Туркменистану в повышении информированности в вопросах изучения международных стандартов, разработки и применения эффективных механизмов усиления национального потенциала по продвижению и защите прав человека, совершенствованию механизмов поощрения и защиты прав человека. В стране реализуется Национальный план действий по правам человека на 2016–2020 гг., целью которого является защита, продвижение и обеспечение прав человека путем определения этих прав в контексте государственной политики, разработки программ, направленных на достижение целей в области прав человека, большей вовлеченности в этот процесс представителей государственных органов и гражданского общества, формирование целевых ресурсных потоков на планирование и реализацию программ по правам человека. Также План действий направлен на обеспечение полного соблюдения прав человека посредством реализации международных обязательств и государственных программ.

Среди ожидаемых результатов осуществления Национального плана действий Туркменистана по правам человека на 2016–2020 гг. можно отметить следующие: формирование структуры мониторинга и оценки; реализацию рекомендаций, данных по итогам представления в Совет по правам человека ООН Универсального периодического обзора (УПО) данной страны в рамках второго цикла; укрепление потенциала общественных организаций и оказание содействия эффективному диалогу между властью и гражданским обществом по вопросам соблюдения базовых прав и свобод человека; совершенствование степени информированности работников судебной системы о международном гуманитарном праве и международных обязательствах Туркменистана по правам человека.

Эти и многие другие вопросы были представлены в выступлениях Е. Пановой, Постоянного координатора ООН в Туркменистане; Я. Нурыева, директора Института государства, права и демократии Туркменистана; Я. Курбанназаровой, омбудсмена Туркменистана; Н. Нацвлишвили, и. о. Постоянного представителя ПРООН в Туркменистане; С. Хановой, специалиста по информационно-просветительским программам ЮНИСЕФ в Туркменистане; Ш. Атаджановой, начальника отдела демократии и международных отношений Института государства, права и демократии Туркменистана.

Е. Панова, Постоянный координатор ООН в Туркменистане, также отметила, что система ООН продолжит оказание помощи аппарату омбудсмена; в Ашхабаде и других городах созданы и успешно действуют 5 информационных центров ООН; ЮНЕСКО оказывает помощь в формировании правовой культуры молодежи.

Омбудсмен Туркменистана Я. Курбанназарова обратила внимание участников форума на то, что одной из задач омбудсмена согласно национальному законодательству является участие в разработке образовательных программ, формировании системы образования в области прав человека; омбудсмен и сотрудники аппарата регулярно проводят конференции, семинары по правам человека, встречи со студентами, участвуют в процессе совершенствования системы образования в области прав человека.

Н. Нацвлишвили, и.о. Постоянного представителя ПРООН в Туркменистане, отметила, что ключевыми ценностями, закрепленными во Всеобщей декларации

прав человека, являются человеческое достоинство и равенство, и признание этих ценностей важно для развития образования в области прав человека. В этом году лозунгом Дня прав человека ООН (10 декабря 2019 года) стал призыв «Борись за права человека!», и он относится ко всем социальным группам, к каждому человеку в современном мире. Особенно важным для достижения ЦУР является активное участие молодежи в достижении устойчивого развития каждой страны, и в этом вовлечении молодежи в политическую, правовую, культурную жизнь может помочь прежде всего развитие образования в области прав человека, с учетом международных стандартов.

Р. Коменда, Региональный представитель УВКПЧ ООН в Центральной Азии, отметил важное значение образовательной, магистерской программы «Международная защита прав человека» Консорциума российских университетов, действующего при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России. Рассматривая этапы Всемирной программы образования в области прав человека (далее – Программа), Р. Коменда отметил, что первый этап (2005–2009 гг.) был нацелен на развитие системы начального и среднего образования; второй этап (2010–2014 гг.) был посвящен образованию в области прав человека в системе высшего образования и программах профессиональной подготовки учителей и преподавателей, государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов и военного персонала; третий этап (2015–2019 гг.) предполагал уделить первоочередное внимание – в развитии образования в области прав человека – сотрудникам средств массовой информации, журналистам, а также продолжить укрепление систем образования и обучения правам человека, которые были созданы на первых двух этапах Программы. Р. Коменда обратил внимание участников форума на новый, четвертый этап Программы, ориентированный на молодежь, а также на то, что после форума правительство Туркменистана будет готовиться к разработке и принятию Национального плана по образованию в области прав человека (2020–2024 гг.), в соответствии с четвертым этапом Программы.

Б. Албанов, национальный координатор программ Регионального отделения УВКПЧ в Центральной Азии (далее – УВКПЧ РОЦА), рассмотрел в своем выступлении истоки, цели, этапы, планы действия Всемирной программы образования в области прав человека, роль УВКПЧ в глобальной координации Всемирной программы.

Методологию реализации образования в области прав человека (ООПЧ) на национальном уровне в рамках программы Совета Европы Human Rights Education for Legal Professionals (HELP) проанализировал в своем докладе глава отдела Восточного партнерства и Российской Федерации (Департамент политики и сотрудничества в области прав человека Совета Европы) Т. Карапетян.

Важность образования в области прав человека для достижения целей устойчивого развития (ЦУР), с учетом опыта Грузии, представила в своем выступлении исполнительный директор Фонда «За Европейское будущее» Р. Тушури.

Автор данной статьи представила российский и региональный опыт в интеграции ООПЧ в систему школьного образования, в программы правового просвещения детей, молодежи, учителей, в том числе опыт реализации программы правового просвещения старшеклассников, студентов и учителей, которая реализуется в Свердловской области (далее – СО), благодаря долгосрочному успешному взаимодействию с 2005 г. по настоящее время Уполномоченного по правам человека СО, Ассоциации преподавателей права СО, юридического факультета и Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, при поддержке Законодательного Собрания СО, Уставного Суда СО, Арбитражного Суда СО, Областного Суда СО, Прокуратуры Свердловской области, Коллегии адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов», АНО «Уральский центр

медиации», сотрудников Музея известного правоведа и одного из авторов Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ С. С. Алексеева. Завкафедрой прав человека Гуманитарного университета С. И. Глушкова рассказала об успешном опыте развития образования в области прав человека в России в целом и в Свердловской области в частности, результатами которого стали первый в России словарь – справочник по правам человека (2006), первый в России энциклопедический словарь по правам человека (2009); активная работа Московской, Уральской, Рязанской и других региональных школ по правам человека; разработка и издание учебников, монографий и учебных пособий по правам человека, правовой культуре, правовому государству силами известных российских специалистов по правам человека (С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев, Е. А. Лукашева, Л. И. Глухарева, Ф. М. Рудинский, О. О. Миронов, А. Х. Абашидзе, В. А. Карташкин, А. И. Ковлер, А. Ю. Сунгуров, Г. Н. Комкова, А. П. Семитко, С. И. Глушкова, др.), представителей формального и неформального образования; деятельность региональных Центров прав человека, Центров гражданского образования, Центров правового просвещения, созданных в российских университетах либо существующих как самостоятельные общественные организации; активное участие старшеклассников в Областных и региональных олимпиадах по правам человека (Екатеринбург, Пермь); Молодежные гуманитарные школы для студентов уральских вузов, Осенние и Весенние (Алексеевские) юридические школы для старшеклассников, Летние (Алексеевские) юридические школы для учителей (Екатеринбург); формирование и деятельность Открытых правовых университетов, региональных отделений МРЦ «Стратегия», Народного университета российского конституционализма в Президентском центре Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) и многое другое. Эффективная деятельность по развитию образования в области прав человека в России во многом стала возможна благодаря поддержке Уполномоченного по правам человека в РФ, региональных уполномоченных по правам человека, роли университетского сообщества и общественных организаций – ведущим институтам гражданского общества в России.

Успешный опыт России в интеграции ООПЧ в систему высшего образования на примере магистерской программы «Международная защита прав человека» Консорциума российских университетов, действующего при поддержке УВКПЧ ООН и МИД России, на форуме представили известные ученые из Казанского федерального университета – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, директор Научно-образовательного центра прав человека, международного права и проблем интеграции, профессор Р. Ш. Давлетгильдеев и заведующий кафедрой международного и европейского права профессор А. И. Абдуллин.

Интегрирование инструментов Совета Европы в сфере образования в области прав человека при повышении квалификации государственных служащих проанализировала в своем докладе известный ученый Т.В. Шашихина, эксперт Совета Европы, директор Европейского учебного института МГИМО МИД России, эксперт Антикоррупционной академической инициативы УНП ООН.

Успешное проведение Форума стало возможным во многом благодаря сочетанию различных форм работы участников (не только пленарное заседание, но и работа сессий и тематических групп, использование интерактивных методов) и плотному, доброжелательному, эффективному взаимодействию экспертов разных стран, замечательному гостеприимству туркменских представителей органов государственной власти и гражданского общества, четкой организации и созданию максимально благоприятной атмосферы и условий для работы со стороны организаторов форума – сотрудников УВКПЧ РОЦА и ПРООН в Туркменистане.

Такие форумы, несомненно, нужны как на уровне конкретной страны, пространства СНГ, так и на региональных и всемирных уровнях; их проведение спо-

способствует эффективному обмену опытом, успешными гуманитарными практиками, созданию новых совместных научных и образовательных проектов, развитию и совершенствованию образования в области прав человека.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, Professor,

Head of Human Rights Chair,

Director of Liberal Arts University Center

for Legal Education and Human Rights,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg),

the Chairperson of the Sverdlovsk Regional Office

of the Russian Political Science Association

The Development of Human Rights Education:

International Standards and National Experience

(In Follow-up of the Participation in the Forum in Turkmenistan)

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает допол-

нительного рецензирования. Для **магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

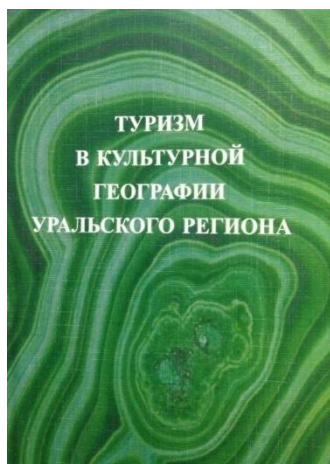
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

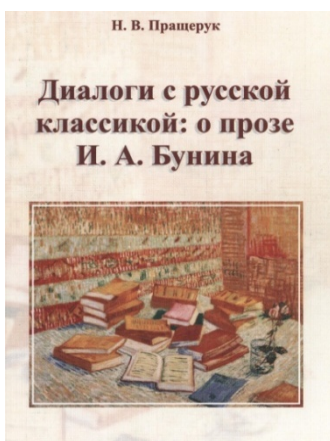
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

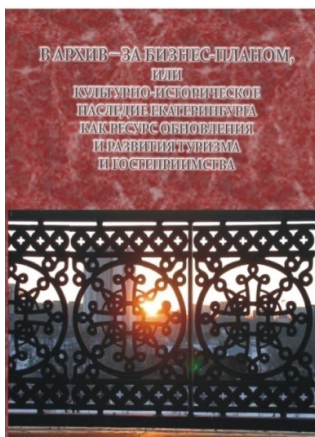
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

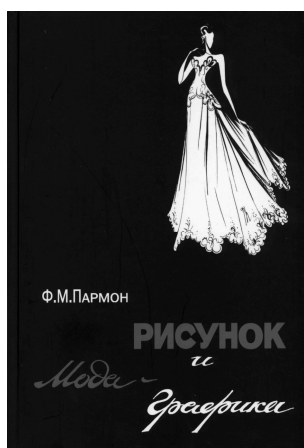
В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография /

Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаледам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.**

E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2020/2021 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:

2 года на очной форме;

2,6 года на очно-заочной и заочной форме

(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 6 мест;
заочная форма – 12 мест
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
очная форма – 3 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
очная форма – 4 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
очная форма – 6 мест;
очно-заочная форма – 6 мест;
заочная форма – 11 мест

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 13 августа 2020 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2020 года
- очно-заочная форма – с 1 июня по 24 сентября 2020 года
- заочная форма – с 20 января по 23 декабря 2020 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

**Прием в аспирантуру Гуманитарного университета
в 2020/2021 учебном году
ведется по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

Подготовка аспирантов осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Философия, этика и религиоведение (47.06.01)**
очная форма – 1 место
- **Социологические науки (39.06.01)**
очная форма – 1 место

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

внебюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):
с 16 по 18 сентября (19 сентября – резервный день).

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

ул. Железнодорожников, 3, каб. 111а, тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2020. № 2 (29)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.06.2020.
Дата выхода в свет 30.06.2020
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,95
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3